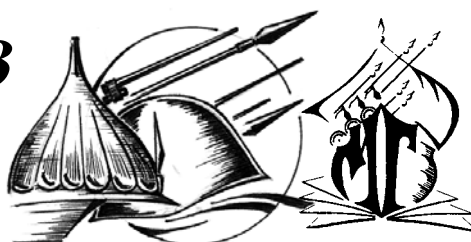

Россия, Русь! Храни себя, храни!

7-8
2008

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Уничтожение интеллектуального потенциала России («Круглый стол» российских ученых о состоянии современной науки)	3
Проект Россия. Окончание	21

ПОЭЗИЯ

Андрей ШАЦКОВ. Годовые тропы. Стихи	56
Олег КОЧЕТКОВ. Кровные думы. Стихи	60
Иван ЩЕЛОКОВ. Жажда росы. Стихи	63
Леонид КОРНИЛОВ. Скифская мадонна. Стихи	65
Стихи поэтов России	127

ПРОЗА

Сергей ЩЕРБАКОВ. Совы в доме. Рассказ	68
Олег ПОВЕТКИН. Самые маленькие доходяги. Сила привычки. Рассказы	80
Дмитрий МЕЩАНИНОВ. Электричка в прошлое. Рассказ	90
Василий КИЛЯКОВ. Дочь Севера. Рассказ	96
Владислав СОСНОВСКИЙ. Две судьбы. Рассказы	113

Вячеслав ЩЕПОТКИН. Подарок. Рассказ	119
Виктор МЕЛЬНИКОВ. Где-то в Сибири. Рассказ	249

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Продолжение	136
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	173
Михаил ДЕЛЯГИН. Силовая олигархия как родимое пятно ельцинизма	193
Владимир КАЗАРЕЗОВ. Сохраним землю — сохраним народ	203

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Анатолий ВОЛЧЕНКО. Основы подлинной истории русского народа	209
---	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Борис АБРАМОВ. Потерянные годы	228
--------------------------------------	-----

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ. Монахи и бесы	235
--	-----

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Александр МИРОНОВ. Подарки на дом.	241
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского. Продолжение	273
--	-----

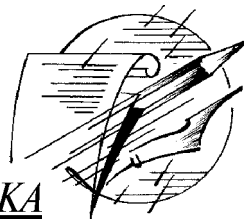
УНИЧТОЖЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ

(«КРУГЛЫЙ СТОЛ» РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ
О СОСТОЯНИИ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ)

Ученые, представляющие межрегиональное общественное движение «За возрождение отечественной науки», научно-культурный центр «Русская цивилизация» и «Комитет Ста» провели 22 ноября 2007 года «круглый стол», посвященный проблемам сохранения интеллектуального потенциала России. Председатель заседания, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, член-корреспондент Всемирной Академии наук комплексной безопасности А.Н.Самарин отметил, что объединения ученых, возникшие по инициативе самих участников в период «реформ», являются, по сути, комитетами общественного спасения науки, и сам факт их появления свидетельствует о неблагоприятной ситуации в стране. Публикуем выступления ученых.

А.В.Докучаева, кандидат физико-математических наук, заведующая отделом диаспор и миграции Института стран СНГ:

Серьезный ущерб русскому народу наносит его разделенность. При разрушении Советского Союза за грани-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

цами России оказалось свыше 20 миллионов русских и около 3 миллионов других российских народов. Кроме того, вне своих «национальных государств» остались 6,7 млн. украинцев, 2 млн. белорусов, 2,5 млн. узбеков, 1,6 млн. казахов. Пострадал не только русский народ, но безусловно русские стали крупнейшим разделенным народом (по относительному количеству диаспоры — до 15% численности этноса).

Усиление интеграционных процессов на постсоветском пространстве полностью отвечает ожиданиям подавляющего большинства русского и инонационального русскоязычного населения нового российского зарубежья. Эти ожидания разделяют и некоторые группы титульного населения постсоветских государств. Опрос 2006 года показал, что 65,9% наших соотечественников в Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии, Молдавии, Украине сожалели о распаде СССР. Но по разным возрастным категориям мы имеем не столь оптимистичный результат. Сожаление высказали: 37,1% (до 24 лет), 53,3% (25—34 года), 73,8% (35—54 года), 83,3% (старше 55 лет). Самое тревожное — русская молодежь настроена гораздо скептичнее в отношении России, чем старшее поколение.

Вырастают поколения, для которых СССР — это «древняя история». Ценности общего государства им неизвестны, из «демократических» учебников истории они испытывают мифы об «империи зла», «закабалении народов», «насильственной русификации».

Хотя интеграционный потенциал, присущий нашим соотечественникам, живущим в ближнем зарубежье, остается высоким, люди разочаровываются в политике России по отношению к соотечественникам. Последний закон о гражданстве отрезал наших соотечественников от России. Объявленная полтора года назад программа переселения соотечественников в Россию не работает: за первый год ее существования переехало 220 человек вместо планируемых 100 тысяч.

Для того чтобы иметь меньше проблем в стране проживания, люди отказываются от русской принадлежности. Так, по результатам переписи 2002 года на Украине число людей, считающих себя русскими, уменьшилось по сравнению с 1989 годом с 12 до 8 миллионов человек.

Появляются новые центры притяжения — более привлекательные, чем Россия. Сейчас многие прибалтийс-

кие русские предпочитают Европу. **Если ничего не предпринимать, то русский мир сузится, как шагреновая кожа.**

В.М.Сомсиков, доктор физико-математических наук, профессор, Институт ионосферы, Алма-Ата, Казахстан:

90-е годы — это годы трагедии нашего народа, отбросившей Россию как в экономическом, так и в духовном смыслах ниже того уровня, который был после военной разрухи в 1945 г. Однако это трагедия не только для России, но и для всего человечества, потому, что в 90-е годы победил *прагматичный* курс развития. Это тупиковый путь, поскольку духовное приносится в жертву интересам материальным, интересам рынка.

Но человек отличается от животного именно наличием духовности. Принципы организации общества, диктуемые прагматизмом, не позволяют создать эффективно работающий государственный аппарат с учетом иерархии принципов развития общества. Законы рынка и конкуренции в мировом масштабе приводят к вымиранию нашего народа. В силу рыночных отношений уничтожается природа и ресурсы страны. **Исчезают культура и наука, которые как носители духовности и как суть самой духовности не могут существовать в условиях прагматичного мира.** Деградирует образование. Исчезает будущее народа, так как дети, выросшие в безнравственном обществе, теряют ростки духовности, вложенные в них от природы.

Процессы, происходящие в России, типичны для всего человечества. Если выживет Россия, то это даст шанс для выживания всего человечества. Россия имеет опыт духовного развития, его носители еще сохранились. **В обществе еще остались здоровые силы, и эти силы надо пробудить и консолидировать. И не только во имя спасения России, но и во имя спасения человечества.**

А.Н.Самарин:

Наша Родина оказалась в эпицентре исторической борьбы гуманного, солидарного миропорядка с системой неоколониальной эксплуатации фашистского типа, которая предполагает уничтожение большинства обитателей планеты в пользу «золотого миллиарда». Ревнителю «демократии» отказываются от признания человеческого достоинства за массами, что рождает практику, не уступающую в своей античеловечности нацизму. Среди господствующего слоя России стали популярны тезисы о пользе

вымирания сограждан, «не вписавшихся в рынок», о необходимости борьбы «против лишних ртов». Русофобия превратилась в ценностный базис профашистского либерализма.

В то же время паразитические группы, криминальным образом овладевшие собственностью, представляются ревнителями прогресса. Идет профашистская эволюция как старых, так и новых демократий, исходящих из своих недр варварство. Располагая новейшими средствами массового истребления и манипуляции, нынешний фашизм с «либеральным лицом» представляет собой угрозу человечеству в куда больших масштабах, нежели его топорные прообразы 1930-х гг.

«...В России создана система капитализма для избранных, мафиозный капитализм. По уровню социального неравенства сегодняшняя Россия сравнима с самыми худшими в мире латиноамериканскими обществами, унаследовавшими полуфеодальную систему. Россия получила самый худший из всех возможных миров» (лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц, США). Многие крупные ученые объясняют экономическую катастрофу в России, которой ранее не знала история, либеральным курсом.

Либерализм выступает против социальной солидарности и человечности. Моральное кредо либерализма таково: для нормальной работы рыночной экономики люди должны изжить некоторые естественные инстинкты, прежде всего инстинкт сострадания и солидарности. Необходимо «расставание с человечностью», — утверждают либералы, хотя даже у шимпанзе существует способность к заботе о ближнем. Отбросив «инстинкт взаимопомощи», мы сделали шаг к более ранним стадиям не только цивилизации, но и биологической эволюции, едва ли не к уровню рептилий.

Солидарность есть форма совместного восстановления утраченной целостности общества, которое ныне характеризуется крайней степенью отчуждения сограждан. Без преодоления жизненной стратегии, нацеленной лишь на частный интерес, без ограничения индивидуального, группового и корпоративного эгоизма путь к солидарности невозможен. А без солидарности немислимо защищать отечество, гарантировать права слабых и бедных. В человеческой совокупности, где каждый только за себя, исчезает и политическое общество, и государство, и семья — воцаряется или анархия, или тираническая деспотия.

Для нас сегодня выбор солидарного типа развития, пожалуй, единственный путь уцелеть перед лицом надвигающейся мировой бури. Наш шанс — только в сплочении. «Любовью и единством — победим» — так выразил нашу извечную, сегодня особо насущную задачу Сергей Радонежский. Либо мы вернемся на этот путь, либо исчезнем как народ и государство в кратчайший исторический миг.

Только с возвращением идеи общего блага, обретением коллективных целей, возобновлением строительного духа, свойственного русской цивилизации, открывается путь к ее подъему. **Надо вырваться из того исторического капкана, в который мы угодили. И, разумеется, сделать это можно только коллективными усилиями.**

А.П. Шабалин, кандидат технических наук:

Когда-то на Руси жил настоящий, сильный духом народ, однако по мере развития государственных и общественных отношений его статус начал неуклонно понижаться. Когда наступила эра разрушительных реформ, то с легкой руки одного из высокопоставленных чиновников народ определили как «биомассу». И это — не оскорбление, а лишь констатация фактического состояния полубезумного безразличия общества ко всему происходящему.

А как еще именовать с виду разумные существа, которые перестали реагировать даже на такие основополагающие рефлексы, как страх за свою собственную жизнь и за будущее своих детей, которые утратили способность бороться за свои права, не стремятся к своей национальной самоидентификации?

Биомассе не нужны собственные реки, леса и моря, ее не интересует, в чьи руки уплывают несметные богатства, лежащие в недрах ее исконно русских земель. Ей нужно только сладко есть, крепко спать и получать как можно больше развлечений.

Поскольку биомасса не способна думать, а тем более требовать для себя соблюдения элементарных правовых норм, то для нее отменили порог явки на выборы и графу «против всех», создав усеченный вариант демократии для биомассы. Зато для нее продолжили безудержный рост цен и тарифов на услуги так называемых «естественных», а по сути, грабительских монополий.

Самое удивительное, что фактическое упразднение КЗОТа, отмена социальных льгот, ужесточение граждан-

ских, правовых норм и прочие «демократические» прелести с молчаливого согласия народа происходят в стране, которая создала СССР, где впервые в мире были достигнуты выдающиеся завоевания в социальной и гражданской сферах.

Уместен вопрос: является ли такое коллективное безумие добровольным или оно возникло в результате воздействия каких-либо специальных психо-нейро-физиологических методов, влияющих на массовое сознание? Ответ на этот вопрос предельно прост: каждый человек постоянно сталкивается с этими методами в своей повседневной жизни. Это и агрессивная, чрезмерно навязчивая реклама, и построенные по мозаичному принципу блоки новостей в СМИ, и преднамеренно частое повторение одних и тех же ключевых фраз в различных теле- и радиорепортажах.

Отсутствие правдивой информации о важных событиях, искажение одних фактов и замалчивание других в сочетании с избытком низкопробных, растлевающих программ — все это используется для формирования особого, «размытого» состояния психики у рядовых граждан.

Без срочного принятия ряда законодательных актов, призванных прекратить информационную войну против населения, нельзя говорить о психическом здоровье нации и о ее процветании в будущем.

В.И.Бояринцев, доктор физико-математических наук, профессор Московского государственного университета приборостроения и информатики, член Союза писателей России:

«Реформы» нанесли существенный ущерб интеллектуальному потенциалу России. Расходы на образование в России постоянно сокращаются и ныне находятся на уровне Турции. Количество школьников за последние 5 лет снизилось с 20 до 15 миллионов. Школы продолжают внедрять Единый Государственный Экзамен — западную систему блокирования творческого мышления у детей. Среди призывников уже есть не умеющие писать и читать. Россия по интеллектуальному потенциалу молодежи скатилась с 3-го места в мире (1953 г.) на 40-е.

В советское время по числу студентов на 10 тысяч человек мы занимали второе место в мире, сейчас нас обогнули не только развитые страны, но и некоторые госу-

дарства Латинской Америки, сокращается количество государственных вузов, вводится платная система образования.

Общему снижению уровня высшего образования в стране будет способствовать переход на двухступенчатую систему (4 года — бакалавр, еще два года — магистр). Главная цель чиновников от науки — сделать дипломы наших высших учебных заведений действительными на Западе, что еще больше облегчит выезд специалистов из России.

За период с 1990 по 2003 год количество научных и проектных организаций сократилось в 7,8 раза, конструкторских бюро — в 3,6 раза, научно-технических подразделений на промышленных предприятиях — в 1,8 раза. В 90-е годы прекратили свое существование 800 институтов, что привело, фактически, к отмиранию понятия «отраслевая наука».

Число работников в научной сфере сократилось втрое, при этом мы оказываем Западу гуманитарную помощь в полном смысле этого слова. Эмиграция ученых, в основном молодых, составляет около 10—15 тысяч в год, в настоящее время за границей работает около полумиллиона ученых из России.

Выпускники престижных институтов не хотят работать в науке, предпочитая пополнять ряды служащих банков, компьютерных и торговых фирм. Средний возраст кандидатов наук достиг 53 лет, а докторов — 61 года. Увольняются или вымирают старые кадры, прекращают существование научные школы и направления, заместить этих людей некем, опустевшие здания институтов будут проданы, и все идет к тому, что уже через 10—15 лет русская наука перестанет существовать! Это и есть итог «реформ» науки в демократической России.

Хотя президент обратил внимание на необходимость развития новых технологий, вложение в них денег не приносит пользы стране, а наши достижения в области новейших технологий успешно используются только за рубежом.

Повышение цен на газ отнимет у российской экономики чуть ли не последнее преимущество в конкурентной борьбе с иностранными компаниями, что в сочетании с разгромом науки и «реформой» образования **окончательно превратит страну в сырьевую державу, полностью зависимую от стран с высоким уровнем развития технологий.**

Ю.А.Лисовский, кандидат физико-математических наук:
Затраты на финансирование исследований фирмы «Сименс» (Германия) сегодня больше, чем финансирование всей науки в нашей стране. «Реформы» вызвали катастрофические изменения во всех областях экономики России, включая даже ключевые сегодня ресурсодобывающие отрасли. Мнимое благополучие нефтяной промышленности существует только за счет экстремально высоких международных цен на нефть. Идет техническая деградация отрасли, сопровождающаяся резким падением производительности труда: добыча на 1 работающего уменьшилась в 4 раза по сравнению с советским временем. Рост экспорта идет за счет уменьшения внутреннего потребления нефти на душу населения (по сравнению с советским периодом почти в 3 раза).

Около половины добытой нефти экспортируется в сыром виде и только 20% в виде нефтепродуктов, обеспечивая 44,7 % от общего объема экспорта. С учетом газа доля энергоносителей в общей структуре экспорта составляет 57 %. Имея лишь 6-е место по запасам нефти (9,5 млрд. т), мы добываем столько же сырья, как и Саудовская Аравия (36,1 млрд. т.). Сокращается разведочное бурение на нефть и газ (более чем в 5 раз) и эксплуатационное бурение на нефть (в 4,5 раза). Все это приведет к истощению наших запасов в кратчайшие сроки и создаст большие проблемы в экономике, сориентированной исключительно на добычу сырья.

При кажущемся внешнем благополучии оборонных отраслей (экспорт военной техники достиг рекордных величин — более 6 млрд. долларов) наше оружие, будучи все еще советским, начинает устаревать морально. Дegradiрует промышленная база, унаследованная от СССР. При выполнении наукоемких заказов мы вынуждены обращаться к фирмам Запада. Крупнейшими рынками сбыта нашего оружия после расчленения СССР выступали Китай и Индия, но все, что было в России современного, Китай купил и скопировал. Теперь и он, и Индия начинают закупать военную технику у Евросоюза и США.

По данным президента Лиги содействия оборонным предприятиям А. Долголаптева, средний возраст инженеров, конструкторов и высококвалифицированных рабочих в ВПК — 65 лет. Заменить уходящие советские кадры некем.

Еще более сложная ситуация в энергетике. Техничес-

кая политика руководства РАО «ЕЭС России» привела к тому, что износ основных фондов превысил 65%. До 40% оборудования гидроэлектростанций и не менее 20% оборудования тепловых электростанций выработали свой ресурс.

Износ магистральных электрических сетей вырос до 70%. Реальный срок службы теплотрасс в среднем уже 50—55 лет при норме 35—40 лет. Потери при передаче электроэнергии достигли 12% от объема производства, а потери при передаче тепла по теплотрассам — 70%. Отрасль в течение длительного времени не проводит модернизацию оборудования — якобы нет средств. В то же время данные о доходах топ-менеджеров компании и непосредственных расходах охраняются на уровне государственных секретов. В результате средний удельный расход условного топлива на выработку электроэнергии в России составляет 335 граммов на 1 квт.ч. при аналогичном показателе в Европе 210—250 граммов.

Устаревшее оборудование оказывает колоссальное экологическое давление на окружающую среду из-за больших выбросов парниковых газов, повышенного потребления невозобновляемых сырьевых ресурсов.

В ходе «реформ» экономикой России стали управлять «правительства троечников», на руководящие должности назначаются люди, не имеющие даже элементарного образования в возглавляемой ими отрасли (например, руководитель энергосистемы страны А.Чубайс и глава Минатома С.Кириенко).

В результате обрушения промышленного комплекса сотни тысяч специалистов были выброшены на улицу и вынуждены взяться за неквалифицированный труд в торговле, сфере услуг и т.п., теряя профессиональные навыки. **Это нанесло тяжелый удар по интеллектуальному потенциалу страны, и даже в случае перемены политики потребуются годы, чтобы восстановить утраченное.**

Л.Г.Малиновский, доктор технических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем передачи информации имени А.Харкевича РАН:

Раньше для легализации нового направления в науке достаточно было иметь отзывы специалистов. С началом преобразования реального социализма в капитализм-либерализм для оценки труда ученых были введены индексы Индивидуальных показателей результативности науч-

ной деятельности. Эта придуманная чиновниками система оценки абсурдна и унижительна для ученых, однако именно она определяет их судьбу. Чиновники от науки не могут предусмотреть и запланировать прорывные фундаментальные направления, но препятствовать им могут вполне.

Как известно, фундаментальная наука — это наука о рациональном познании, мышлении. Рациональное познание является неотъемлемой частью всех знаний. Фундаментальная наука мешает либералам грабить народ, и потому поддерживается власть имущими в неблагополучии, что облегчает им возможность сохранять «разруху в головах».

Это неблагополучие поддерживается в наиболее фундаментальных и важных для людей областях знаний, что не позволяет им объединиться на нравственной основе, при этом реализуется принцип римских рабовладельцев «разделяй и властвуй». В результате Россия подвергается тотальному либерально-капиталистическому грабежу, а мир в целом погружается в тотальную безнравственность капитализма. **Прорыв в методологии науки позволит сформулировать нравственный путь развития мирового социализма и нравственную структуризацию многополярного мира.**

Т.Л.Миронова, доктор филологических наук, член Союза писателей России:

Сегодня в России активно используются преступные выборные технологии, превращающие человеческую душу в подопытного кролика, нужные рефлексыв которого вызываются мощными импульсами телевизионных шоу. Народ буквально распростерт для препарирования на хирургическом столе пиартехнологов «Единой России», где у народа изымают ум и сердце, вживляя на их место компьютер и калькулятор. Различные психопатические фобии, шизофреническая эйфория и столь же болезненная апатия — так переписывают «тексты человеческих душ» политехнологи с расчетом на главное: подготовить население страны к выборам. Всем этим состояниям сопутствуют крушение памяти, дезориентация во времени и пространстве, а, главное, невозможность трезво и здраво, согласуясь с рассудком, принимать решения, делать самостоятельный выбор. Таковы программы поведения: «лишь бы не было войны», «жизнь — это наслаждение», «что я могу сделать один». Они закладывают в людях зачатки психических расстройств, превращая их в человеческие стада,

которые легко направить в заранее уготованные стойла — кабинки для голосования: пошли, родимые, безмозглые, безвольные, беспамятные, равнодушные, мечтающие лишь о наслаждениях и удовольствиях, — вперед, голосовать!

Опыт думских и президентских выборов последнего десятилетия показал, что психопатические программы поведения зловещим вирусом поражают людей. Особенно интенсивно насилие над душами совершалось в две последние президентские кампании, которые ни в коем случае нельзя назвать свободным волеизъявлением нации. Напротив, уже дважды был достигнут полный паралич воли народа, к концу избирательной гонки доведенного до иступленного беспамятства и безрассудства.

Русская интеллигенция — ученые, писатели, журналисты в лице лучших ее представителей — противится тому, обличая власть, сохраняя национальное самосознание и интеллект. Реакция власти не заставляет себя ждать: сначала замалчивание наиболее выдающихся имен интеллектуальной элиты, потом — невозможность работать по профессии и, наконец, политические репрессии — тюрьмы, ссылки, лагеря. Власть хорошо понимает, что без национальной интеллигенции народ легко и быстро превращается в быдло.

Русскому народу пора осознать, что против него властями ведется самая настоящая война. Эта война нацелена на подавление опорных точек национального самосознания — уничтожение русской языковой картины мира, нашего рассудка, исторической памяти, национальной воли к жизни. Помочь осознать это и сформулировать как особую программу национальной самообороны может только русская интеллектуальная элита, преследуемая сегодня и гонимая.

И.В.Ермакова, доктор биологических наук, член экологической ассамблеи при ООН:

В настоящее время не только Россия, но и вся планета находится на пороге экологической катастрофы. Человечество столкнулось с глобальными экологическими проблемами, с изменением климата.

Среди многих причин, которые могли привести к изменению климата, масштабное распространение и использование генетически модифицированных организмов (ГМО). Распространение ГМ-культур может привести к дебилизации населения, развитию бесплодия, всплеску

онкологических заболеваний и генетических уродств, к увеличению уровня смертности людей и животных, резкому сокращению биологического разнообразия и достаточно быстрому (несколько лет) разрушению биосферы.

К сожалению, **проблема ГМО вышла за рамки науки и стала уже в большей степени экономической и политической проблемой.** Так, подчеркивая экономическую выгоду ГМО, директор центра «Политики управления риском генной инженерии живых организмов» А.Г.Голиков сказал, что если новый продукт или технология экономически оправданы, то они придут. При этом он подчеркнул, что государство должно обеспечить безопасность ГМО. По данным одного из комитетов НАТО, ГМО могут быть использованы и в качестве биологического оружия. Происходит недооценка опасности ГМО, которые надо сравнивать с **вышедшими из-под контроля ядерными реакциями.**

В первую очередь это связано с несовершенством самой технологии встраивания гена. Поэтому имеется много исследований, которые показывают патологические изменения во внутренних органах животных, нарушение репродуктивных функций, гибель потомства при добавлении в корм животных ГМ-культур.

Почему учеными были допущены ошибки? К сожалению, во многих странах наука превратилась в бизнес: она «работает» на того, кто платит, независимо от конечной цели. При этом существующая в мире система способствует отбору так называемых ученых-менеджеров, которые обладают поверхностным мышлением и не способны к глубокому анализу. Они умеют на научных исследованиях зарабатывать деньги, но не знают, как решать научные проблемы. Если этот процесс будет продолжаться, то в критические для Земли моменты, которые, увы, приближаются, спасти планету будет некому.

От того, как и каким путем будет развиваться наша страна, зависит и мир на планете. В период перестройки произошло ослабление позиций России, что привело к нестабильности, войнам и новой гонке вооружений, в том числе и масштабному производству и распространению ГМ-культур, которые являются угрозой не только существованию человечества, но и всего живого на планете.

В.Я.Васин, эколог:

Усиление глобальных изменений климата сегодня ни у кого не вызывает сомнений. В 2007 году изменения пого-

ды вызвали пожары в США и Греции, небывалые наводнения в Великобритании, Голландии, Германии. На планете быстро идут необратимые изменения, так, облачность возросла с 7% в 1990 году до 14% в настоящее время. Повышение температуры в Антарктиде на 3 градуса за последние 50 лет вызвало интенсивное таяние шельфовых льдов, появились проплешины в Антарктиде и Гренландии. Заявления о том, что потепление несет благо для холодной России, бесосновательны. Так, таяние вечной мерзлоты превратит значительные территории в непроходимые болота, изменит микробиологический фон, принесет ранее неизвестные болезни.

Исследования приводят к тревожному для человечества выводу о неизбежности вселенских катастроф, но их влияние можно ослабить, если наука будет направлена на организацию спасения человечества. Нынешняя ситуация усугубляется тем, что к изменениям, вызванным космическими законами, добавляется антропогенный фактор.

Весь мир сжигает топлива в десятки раз больше, чем необходимо. Продолжается ввод в эксплуатацию изживших себя схем производства с низким коэффициентом полезного действия, которые можно классифицировать как интеллектуальные отходы, загрязняющие среду. Олигархи вкладывают деньги в то, что быстро окупается, разработка же и внедрение новых высокоэффективных технологий не ведется. Временщики, получившие власть, не принимают во внимание экологические проблемы.

Выпускается множество ненужных продуктов, создаются миллионы искусственных веществ, которые циркулируют в природе, не разлагаясь и нанося ущерб здоровью живущих. Вопрос «комфорт или безопасность жизни?» следует решать в пользу безопасности.

При разработке новых технологий, например, нанотехнологий, а также при исследовании космоса, не изучаются повреждения планеты.

Лиц, желающих разбогатеть на ухудшении условий жизни людей, становится все больше, их деятельность облегчается действующей экономической и политической системой (ослабление контроля, отмена стандартов, усиление роли экономической целесообразности вопреки экологическому ущербу и т.д.).

В России ситуация усугубляется тем, что за границу мы продаем чистые металлы, электроэнергию, газ, а в страну ввозим отходы, загрязняющие среду.

Киотский протокол, предписывающий снижение эмиссии парниковых газов, допускает денежную игру (получение прибыли при продаже и покупке квот) и не решает экологических проблем. Однако власти США, а также еще пяти стран, не хотят подписывать и его, не желая приостановки роста своей промышленности.

В 2004 году Дж.Буш получил разработанный ЦРУ и Пентагоном документ о грядущих катастрофических последствиях резкого потепления, но не счел нужным информировать об этом общественность.

Надвигающаяся катастрофа повсеместно замалчивается. Информация об экологических изменениях поступает от частных исследователей, а не от государственных систем. Не в состоянии оценить угрозу и власти России, политика нынешних политических элит такова: апокалипсис подождет, у нас выборы! Самоустранение властей от решения вопроса «быть или не быть человечеству?» приведет к тому, что мы окажемся перед лицом бедствия незащищенными. Все эти угрозы касаются как бедных, так и богатых.

Знание положения дел должно дать возможность людям почувствовать важность поднимаемых проблем. Предупрежден — значит вооружен! **Пришло время для общества потребовать от государственной власти решительных действий для спасения миллионов людей от гибели.**

Л.К.Фионова, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем технологии микроэлектроники РАН:

Сказанное здесь выстраивается в печальное единство: разрушение науки и наукоемкой промышленности, ухудшение образования и использование технологий управления массовым сознанием, понуждение ученых к эмиграции и преследование духовной элиты общества — писателей, издателей, журналистов — все это свидетельства сознательной политики властей, исполняющих заказ внешних сил на превращение России в сырьевую колонию, которой не нужны ни наука, ни образованный народ. В стране уже сегодня некому учить и лечить, некому работать на немногих уцелевших предприятиях.

В результате политики властей деградация — умственная и нравственная — поразила все слои общества. Деградируют выпускники элитных вузов России, становясь клерками, торговцами. Нищета и рабская зависимость от

администрации институтов приводят к деградации научных сотрудников. Деградируют ученые, уезжающие за рубеж, ибо там они попадают в зависимость от местного начальника, зачастую имеющего невысокую квалификацию. Западная наука прекрасно оснащена технически, но неизмеримо беднее творчески, чем русская, из-за ее предельной коммерциализации. Западный ученый делает только то, за что платят. Невостребованные творческие способности русских эмигрантов угасают. Замкнутые в треугольнике «работа — дом — супермаркет», они быстро превращаются в индивидуалистов западного типа. Их дети, оторванные от родной среды, вырастают «гражданами мира» — стандартными роботами, лишенными национальных корней.

Политические элиты сегодня формируются из людей с низким интеллектом и сомнительными морально-нравственными качествами, ибо они — удобные марионетки теневых структур. Властные элиты — олигархи, чиновники — демонстрируют параноидальную жажду власти и денег, разнузданное потребление, отсутствие хоть какой-то реакции на ухудшение жизни людей и нарастающее повреждение природы. Все это свидетельствует, что деградация наиболее сильно поразила именно элиты.

Безнравственность правил игры в человеческом сообществе, соединенная с техническим могуществом людей, привела к разрушению естественных экосистем на огромной территории планеты. В результате человечество вплотную подошло к кризису, составными частями которого являются глобальные изменения климата в результате вредного влияния промышленного производства и вымирание растений и животных в результате широкого использования биоинженерии и химических препаратов. Экологический кризис приведет к разбалансировке всех систем жизнеобеспечения, к нехватке пресной воды, голоду, массовой миграции, военным конфликтам и т.п. В условиях нынешней взаимозависимости всех стран катастрофа затронет всех землян, и безопасных убежищ на планете не будет. Это может привести к исчезновению человека как биологического вида.

Политическая причина кризиса — власть теневых структур глобального управления и транснациональных корпораций. Паразитарные объединения сверхбогатых захватили власть в большинстве стран, выстроив удобную для них экономическую систему — капитализм, «обще-

ство потребления». С помощью внедренной в массовое сознание фальшивой ценности — денег «общество потребления» превращает людей в ненасытных покупателей, управляемых рекламой, в легко манипулируемых избирателей. **Такая власть в состоянии справиться с народом, подавляя протест зомбированием или силой, но справиться с повреждениями природы она не сможет, ибо сама их и создает.**

Выход состоит не в принятии косметических мер вроде Киотского протокола, а в принципиально новых подходах к организации общественной жизни. Необходимо срочное сокращение производства и потребления до разумного минимума, отказ от роскоши и излишнего комфорта, от массового использования индивидуального автотранспорта и т.п. Необходимо внедрение в массовое сознание аскетизма, коллективизма и справедливости как главных условий выживания человека на земле. Все это невозможно осуществить без перехода к более справедливому распределению богатств между странами и людьми.

Наука должна быть переориентирована от разработки технических новшеств, создающих комфорт человеку, к исправлению нарушений природы. Эта новая наука должна заработать в мобилизационном режиме — изменения в природе нарастают стремительно.

Надо менять ситуацию быстро и бесстрашно, помня, что шкала страхов, как и шкала ценностей, у нас ложная, навязанная теньевыми структурами. Опасность потерять работу или навлечь на себя гнев начальства, служащего разрушительному режиму, ничто по сравнению с той глобальной опасностью, с которой нам придется столкнуться, если ничего не менять.

Председательствующий **А.Н.Самарин** завершил заседание:

Усилиями убогих преобразователей наше общество загнано в стратегический тупик: оно живет два десятилетия, проматывая достояние предков, уже близкое к истощению. Стремящаяся к глобальному господству всемирная олигархия претендует не только на перекройку политических границ и упразднение многих государств, но также и на физическую ликвидацию населения целых стран. Блок тех же сил, которые разрушили СССР, готовится к обрушению остатков российской государственности. Риск исчезновения нашей державы в одночасье и без видимых

внешних причин нарастает. Идеолог нового миропорядка З.Бжезинский (США) с предельной ясностью озвучил нашу перспективу: «В XXI веке Америка будет развиваться против России, за счет России и на обломках России». **И пока дело не дошло окончательно до появления «обломков» — самое время остановить любой ценой неолиберальную коррозию социального и национально-государственного единства.**

Материалы, представленные на заседании «круглого стола», прокомментировал Председатель Центрального совета общественного движения «За возрождение отечественной науки», член-корреспондент РАН, доктор физико-математических наук, профессор **Б.С.Кашин**, избранный 2 декабря депутатом Государственной думы:

Сохранение интеллектуального потенциала России, и в первую очередь сохранение отечественной науки — ключевой вопрос для будущего нашей страны, выходящий далеко за рамки национальных границ. Хочется согласиться с академиком Львовым, который этой весной, за несколько месяцев до своей кончины, написал: «Это может показаться странным, но взоры большей части человечества сегодня обращены к России, к нашей великой стране, униженной и оскорбленной недалёковидными политиками и мародерами от науки, но сохранившей огромный потенциал, способность к возрождению. Ее притягательный образ вселяет надежду на то, что, преодолев тяжелейшие испытания, она в очередной раз представит миру новое видение перспективы».

Однако сегодня судьбу российской науки определяют люди, не заинтересованные в ее эффективности. Главное для них — добиться «послушания» ученых и всей интеллигенции. «Вопрос о власти в научном гетто» — так называлась моя статья, опубликованная в газете «Правда» осенью прошлого года. Модель «гетто» достаточно точно описывает положение в науке и сегодня. Отсутствие интереса со стороны государства, резкое падение престижа науки в обществе, полная глухота власти — вот ключевые проблемы научной сферы. Согласие с администраторами от науки стало для ученых необходимым условием самой возможности заниматься научной работой — корпоративная демократия закончилась. Многие активные и способные ученые не хотят работать в условиях бесправия, нарастает утечка мозгов. Неконкурентная зарплата ученых

также стимулирует этот процесс (для сравнения: нормальная зарплата профессора математики в США 130—150 тысяч долларов в год).

Министерство образования и науки, не сумев добить Российскую академию наук при помощи «кавалерийской атаки», сменило тактику и не спеша способствует тому, чтобы ситуация в научном сообществе дошла до абсурда. Власть консервирует архаичную систему управления наукой и спокойно решает свои проблемы. Такая тактика может рассматриваться как часть плана выстраивания в России полуфеодального режима, которому не нужна наука.

Возврат в позапрошлый век, естественно, не устраивает ученых. Не устраивает он и левую оппозицию. Профсоюз работников РАН весной 2007 года оценил как разрушительную научно-техническую политику государства после 1991 года и потребовал отставки министра образования и науки А.Фурсенко. Фракция КПРФ в июне 2007 года также предложила отправить в отставку министра за некомпетентность и одновременно внесла свой план первоочередных преобразований в научной сфере. Все эти предложения и оценки власть проигнорировала.

Накануне парламентских выборов президент В.Путин впервые посетил Президиум РАН. Этот визит должен был продемонстрировать его озабоченность проблемами науки. Однако выступления В.Путина и А.Фурсенко в Академии показали, что ясного понимания того, что происходит в науке и как проблемы науки решать, ни в Кремле, ни в правительстве нет.

Сегодня перед обществом стоят задачи, которые может решить только наука — об этом свидетельствуют выступления ученых, принявших участие в заседании «круглого стола». Общество постепенно осознает остроту и важность борьбы за возрождение отечественной науки.

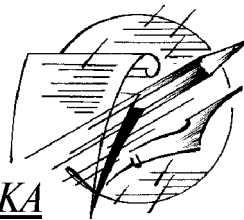
ПРОЕКТ РОССИЯ

ВЛАСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА СИЛЕ

Ни на минуту не забывая, что цель нашего исследования найти систему, природа которой стремится культивировать в людях человеческое, начнем рассмотрение с вариантов, где принцип формирования власти находится в силовой области, то есть диктатура на силе. Кто сильнее, тот и власть. Для чистоты исследования абстрагируемся, насколько это возможно, от эмоций. Представим себя инопланетянами, получившими задание оценить перспективу этой модели.

Власть, навязанная силой, именуется диктатурой, тиранией и прочее. Эти слова несут в себе отрицательную смысловую нагрузку и потому неизбежно влияют на сознание. Раз мы это понимаем, значит, должны учитывать и делать на это поправку. Тем более слов, определяющих такую форму власти с положительным оттенком, в современном лексиконе нет (демократия, понимающая толк в информационной войне, постаралась).

Итак, диктатура. Рассмотрим естественные устремления ее природы. К чему она тяготеет? Как это ни удивительно, диктатор обязан прививать народу понятия патриотизма, чести и долга. Если он не будет формировать иерархию ценностей, где человеческие качества выше прибыли, стимулом будут материальные блага. Понимание прибыли как высшей ценности сделает из людей потребителей. Экономика станет единственной основой государства, активизируя людей потреблять все больше и больше, обосновывая это желание различными правами и свободами. Далее появляются лозунги в духе «вся власть народу». Неиз-

Окончание. Начало в №3 за 2008 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бежен рост протестных энергий, как естественный, так и накачиваемый врагами. В определенный момент они пре-высят силу государства и в час «X» буквально разорвут страну на части. Диктатура рухнет, на ее обломках расцветет демократическая риторика демократии, и власть перейдет к капиталу. В общем, мы повторяем то, о чем говорили ранее.

Парадокс в том, что чем успешнее тирания прививает народу идею совести и долга, тем меньше народ способен терпеть осознанную несправедливость. Власть на силе означает власть насильника над жертвой, власть террориста над заложниками, — несправедливости не избежать. Честные граждане, движимые понятием о чести и подстрекаемые внешними врагами, вступают в борьбу с тиранией. Враги всячески подпитывают эту атмосферу, и при первой же возможности такая власть свергается. Когда монархия стала подниматься как тирания, у нее не было шансов выжить. Никакие штыки не могли защитить ее от развала.

Выходит, чем больше тоталитарная система создает людей чести, тем ближе она к гибели. Природа СССР создала диссидентов. Они же его и разорвали, при этом сами толком не понимали, что творят. Их просто использовали. Диссиденты были инструментами, которыми манипулировали западные специалисты. Но эффективными эти инструменты стали благодаря тому, что в советских школах объясняли, что такое совесть. Когда воспитанный в таких традициях человек видел в реальной жизни явления, противоречащие его принципиальным установкам, но не понимал ситуации в должном масштабе, он не мог сделать верных выводов и становился идеальным материалом для вражеских манипуляций.

Чтобы понимать свою страну как «империю зла», нужно иметь базовые понятия о Добре и Зле. Современный кризис демократии, напротив, в том, что жители не имеют таких понятий. Их все меньше и меньше можно подвигнуть на духовные подвиги и поступки. Потому что человеческие понятия заменены математическими. Прибыль и Убыток сегодня координируют жизнь демократического общества. Особенно ярко опасные последствия такого мироощущения видны на примере демократических армий, где солдаты и офицеры уже не служат Родине, а работают, то есть получают прибыль. Готовность умирать за прибыль противна человеческой природе. Запад обре-

чен слабеть в человеческом понимании, усиливаясь лишь экономически. В итоге Рынок душит такое общество в смертельных объятиях.

А что получается? А то, что диктатура — самая хрупкая конструкция. Талейран, наполеоновский министр, однажды сказал, что штык всем хорош, но сидеть на нем нельзя. Мировая история подтверждает справедливость этого высказывания. Потому диктаторы и тираны во все времена всеми силами искали иное, не силовое основание своей власти. Одни объявляли себя ставленниками (или наместниками) Бога. Другие заявляли, что их выбрал народ. Кто не смог уйти от силового основания своей власти, тот был свергнут в силу естественных законов существования общества.

Чтобы окончательно убедиться в ущербности диктатуры, рассмотрим ее лучший вариант. Представим, у власти стоит умный и честный диктатор, обладающий набором волевых и организаторских качеств. Предположим, он использует свои таланты на благо народа. Под его властью нет никаких выборов, система избавлена от временщиков, и кажется, государство должно быть прочным, а народ благоденствовать. Но это иллюзия. Все будет хорошо до тех пор, пока у тирана все получается. Как только начнется невезенье — начнутся ошибки. Если возникнет ситуация, которая потребует затянуть пояса, народ, не умея понять причины проблем, возропщет. Тиран, чтобы удержать страну от развала, будет вынужден применять непопулярные меры — грубую силу штыка, на котором, как вы помните, сидеть нельзя. Из благородного отца отечества он в глазах народа превратится в деспота. Потеря авторитета будет компенсироваться полицией и армией. В итоге получится искусственная конструкция, удерживаемая штыками. Общество станет чем-то вроде зайцев, которых силой заставили сидеть на дереве. Ослабнет сила, и зайцы разбегутся.

Но это еще полбеды. Что мешает постоянно удерживать конструкцию силой? Как говорится, была бы сила. Но практика показывает, что полицейскую силу невозможно постоянно наращивать, в то время как внутренние противоречия при диктатуре неизбежны и нарастают постоянно, до бесконечности.

Допустим совершенно нереальную ситуацию — тирану всегда везет, у него все получается, сложных ситуаций не возникает. Но и такая система обречена. Есть одно не-

преодолимое обстоятельство — тиран когда-нибудь умрет. Замещение вакантной должности будет происходить через борьбу за власть, в которой примут участие придворные и оппозиционные группировки. Решающими и востребованными качествами в такой борьбе станут беспринципность и беспощадность. Победит группировка самых бессовестных и беспринципных. Честные и совестливые всегда проигрывают в борьбе такого рода. С этого момента власть от диктатора-человека перейдет к диктатору-партии. Ключевые места в партийной иерархии гарантированно займут мелкие люди, победители битвы за власть. Власть им нужна исключительно ради власти. Ничего удивительного в том нет.

В итоге это всегда вырождается в образчик поздней КПСС, наполненной людьми, именующими себя коммунистами и рассказывающими пошлые анекдоты про коммунизм. Чтобы ярче представить всю ничтожность этих правителей, вообразите человека, который говорит, что он верующий, но при этом рассказывает пошлые анекдоты про свою религию и Бога. Традиционно эти типчики никакого чувства, кроме брезгливости, не вызывают.

О ПАРТИИ

Что есть политическая партия? Во-первых, это лекарство для государственного организма. После выздоровления лекарство не нужно. Это значит, политическая партия после решения своих целей должна уничтожаться. Во-вторых, партия, это хищник, который сначала борется со своими врагами, постепенно распространяясь на всю страну. Когда он съедает всех врагов и ему становится некого есть, он начинает поедать сам себя.

Любая партия, если ее не уничтожить, после выполнения своей функции превращается в язву на теле государства. Поэтому любое общество под властью партии обречено. Идеиное наполнение партии не имеет значения. Будь то фашисты, демократы, коммунисты или еще кто-то, все произойдет в два этапа.

Первый — борьба за власть, время суровых испытаний. Под партийные знамена стягиваются только воины духа, готовые на страдания и смерть ради идеи. Про таких у Некрасова сказано: *«Ему судьба готовила путь славный, имя громкое народного заступника, чахотку и Сибирь»*. Эти

испытания выполняют роль очистительного огня, выжигая «соломенных» людей, «стальных» же сплавляя в монолит. Страдания выводят из партийного организма «шлаки» — ищущих выгоды или просто случайных людей. Никакая сила, кроме организации из таких же «стальных» людей, не может противиться настоящей партии. Государство со всем своим карательным аппаратом по сравнению с этими людьми — ничто. Оно может убить некоторых членов такой организации, но никогда не сможет их победить. Непобедимость — их внутреннее и потому неустранимое качество. Как солома никогда не сможет противостоять натиску стали, так и чиновники никогда не будут способны противостоять натиску воинов. Общество государства погибнет под натиском общества партии.

Второй этап — получение партией власти. Возникают принципиально новые условия. Если борющаяся партия несла своим членам страдания, то победившая несет привилегии. Разные условия стягивают и объединяют людей разных типов. На выгоду стягиваются обыватели, ищущие личных благ. Это объективный закон. В партию-победительницу, как мухи на мед, начинают слетаться карьеристы и приспособленцы. Идея, за которую вчера умирали, при активном участии новых «партийцев» выхолащивается, обрастает канцеляризмами и умирает.

Партия, пока живы старые борцы, сохраняет первичное «лицо», но из-за нарастающего потока карьеристов, устраивающих внутрипартийную драку за посты, быстро хиреет. Все начинает решать не бескорыстная преданность делу партии, а владение приемами бюрократической борьбы. Побеждает тот, кто умеет подставить товарища и лучше прогнуться перед начальником. Люди чести в такой борьбе всегда оказываются побежденными. Верх наполняется негодяями. Укрепляя себя, они притягивают таких же негодяев. Если в борющейся партии уплотнения (группировки) возникали только вокруг идейных моментов, то в победившей партии группировки возникают по меркантильным поводам. Как раньше группы выдавали одиночек, проникших в партийные ряды с меркантильными целями, так теперь идет тот же процесс, но с обратным знаком — выдавливаются идейные одиночки. Между рядовыми членами партии и партбоссами встает стена непонимания. Рядовые партийцы, видя предательство идеи, или сами пускаются во все тяжкие, или безрезульт-

татно ищут правду, или идут на компромиссы, приспособляясь к новым условиям, или покидают партийные ряды. Никакая идейная борьба в новых условиях больше невозможна. Революционно-идеологическую элиту сменяет административно-хозяйственный актив. В лучшем случае места вождей занимают честные завхозы. В худшем — воры. Но в конечном итоге политкомиссаров всегда сменяют политкоммерсанты. На «теле» партии возникает злокачественная опухоль, растущая вокруг тщеславия (тщетной славы) и стремления к выгоде. Новые «партийцы» никогда не верят в то, что говорят. Для них это просто выгодная работа. Двойная мораль разрушает ключевые и фундаментальные узлы государства.

В книге «Сломанный меч империи» М. Калашников пишет: *«Нет, мы не проиграли американцам. Нам всадили кинжал в спину свои же партийные бонзы. Для победы в полувековой холодной войне не хватило одной лишь «малости» — суровой, закаленной элиты. Нас убили «номенклатурно-комсомольские черви».* К сожалению, автор не понимает, что появление «червей» есть следствие системы. Партия-победительница их генерирует, а аппаратно-чиновничья борьба селекционирует. В конечном итоге во власть попадают только самые «ядренные» черви, прошедшие все круги ада.

УЩЕРБНОСТЬ ДИКТАТУРЫ

Понятно, что под такой властью никакое общество жить не сможет. И ничего здесь не сделаешь. Поэтому диктатура, независимо от того, кто ее осуществляет, — партия или человек, — самая ущербная конструкция. Партийная бюрократия всегда есть власть беспринципных. Власть любой партии — самая обычная диктатура, ибо, если власть всякой партии основана на силе, значит, всякая правящая партия есть диктатор. Чтобы скрыть это обстоятельство, власть утверждает, что властвует только потому, что ее народ выбрал, то есть прячется за ширмой демократии. Но шила в мешке не утаишь. Народ знает, что он ничего не выбирал. В итоге возникает двойная мораль со всеми вытекающими последствиями.

Наиболее понятен пример с русскими коммунистами. Согласно коммунистической теории, власть должна не назначаться, а выбираться народом. В первые годы со-

ветской власти это привело к тому, что выбираться во власть стали местные богатеи, располагавшие средствами для рекламной кампании, о чем писал Л. Троцкий. Получилось точно как в пословице: за что боролись, на то и напоролись. Хотели народных выборов власти? Получайте!

Что делать? Как оправдать власть? Коммунисты нашли выход в рекомендациях. То есть партия не назначала руководителей, а рекомендовала. Но эта уловка не отвечала на фундаментальный вопрос: на каком основании, товарищи, правите? Откуда ваша власть, раз Бога нет и выборов нет?

Чтобы не выглядеть диктаторами, пришлось возвращаться к выборам, правда, на этот раз фиктивным, то есть прятаться за вывеску демократии. Начались потешные выборы, где 99,9 % голосовали за КПСС. Всем, и в первую очередь коммунистам, было очевидно, что это профанация, но где выход? Признаться в диктатуре — самоубийство. Сказать, что их власть от Бога — курам на смех. В итоге говорили одно, делали другое. В Евангелии сказано, что *«всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет»* (Мф. 12:25). Американцы лишь помогли «углубить и расширить». Система рухнула из-за своего неустраняемого внутреннего порока — отсутствия фундамента. Работы Ленина и прочих теоретиков не могли служить фундаментом, потому что исходили из утопических установок демократии, а не из реальной природы человека. Власть КПСС продержалась бы дольше, если бы партия сказала правду: что выборы — это не выборы в прямом смысле, а ритуал, демонстрирующий единство партии и народа (примерно по этому пути идет правительство Китая). Возможно, такое признание и устраняло бы повод для рождения двойной морали, но не решало бы главного. Вопрос, на чем, товарищи, основана ваша власть, по-прежнему витал бы в воздухе. У КПСС было два выхода: или признать себя диктатором и дожидаться возникновения достаточной протестной силы внутри общества, или продолжать устраивать потешные выборы, хоть как-то оправдывающие право на власть. Тот и другой путь был самоубийствен, и в итоге СССР развалился. И не развалиться не мог.

Хотелось бы обратить внимание еще на один факт — никакую идеологию, предлагающую устроить мир без Бога, нельзя реализовать в принципе. И вот почему. Реализо-

вать цельное учение можно при условии, что есть человек, а идеально, группа людей, понимающих это учение не частями и кусками, не по вершкам и в общих чертах, а полностью. Это как полководец, охватывающий масштаб мышления все поле сражения. Или как архитектор, режиссер и т.д. Если человек не охватывает ситуацию в целом, он не может быть ни полководцем, ни архитектором.

К строителю государственной модели еще более жесткие требования. Политик, не понимающий, что он хочет строить с помощью власти (инструмента), похож на строителя, который просит денег на дом, но чертежи и смету этого дома показывать отказывается. Вместо этого обещает, мол, дом будет хороший, и все жильцы будут счастливы. Естественно, никто в здравом уме и твердой памяти такому «строителю» денег не даст. То, что выбранным политикам удается получить власть, свидетельствует лишь о состоянии народа, об уровне его зомбированности. В обмен на общие слова политики получают реальную власть, понятия не имея, как ее теперь использовать, кроме набивания карманов.

Помимо масштабного мышления государственному деятелю нужны железная воля и крупный организаторский талант. Набор этих редких качеств должен совместиться в одном лице (или сразу в нескольких). Допустим, хотя бы один такой человек появился. Допустим, теория его идеальна. Допустим, он честен, беззаветно предан делу, имеет масштабное мышление, отличая первичное от вторичного. Никакая сиюминутная выгода не соблазнит его и не собьет с курса. Железной рукой он проводит нужную политику, игнорируя текущие неудобства и сиюминутные соблазны. Даже страдания народа не остановят его, ведь он знает, что они временные. Потому что стремящемуся к великому надлежит и потерпеть. Он сам терпит, команда терпит, народ терпит. Симулянтов, паникеров и пораженцев он сметает с пути. Он способен на многое, потому что понимает главное, видит целесообразность в действиях, непонятных другим.

Время реализации задачи пропорционально ее масштабу. Чтобы перестроить мир, требуется очень много времени. Одной человеческой жизни на это не хватит. Отец-основатель изначально понимает, что конечных результатов он не увидит. Нужно растить преемника, который продолжит начатое дело. Для продолжения такой миссии

преемник должен иметь ровно такие же качества, как и основатель. И ни талантом меньше. (Обращаем внимание, что таланты создать нельзя).

Если повезет, такой человек найдется. Но постоянно везти не может. Как только везение заканчивается, в руководители приходит человек более низкого уровня. Даже если это абсолютно честный человек, искренне желающий народу счастья, он будет формировать план действия, исходя из своего понимания ситуации. Учтывая, что он не мыслит в масштабе всего мира, но народу хорошо сделать хочет, честный правитель будет делать хорошо так, как он это понимает. Железной волей он станет действовать в рамках своего понимания «хорошо». Будет способствовать продавливанию правильных, с его точки зрения, решений. Отсутствие масштабного мышления означает, что, честно действуя сообразно своему пониманию ситуации, он неминуемо будет совершать глобальные разрушения, не осознавая того. Там, где масштабный человек приказал бы затянуть пояса, немасштабный, не понимая дальней угрозы, устроит «пир во время чумы». Его доброта окажется бомбой замедленного действия, но он никогда этого не поймет. Он сделает так, как на данный момент лучше, опасно накрывая всю конструкцию. Чем «аукнется» этот крен в будущем, он не способен просчитать. Потому что имеет ситуативное, а не стратегическое мышление.

Выходит, всякая власть, построенная на силе и философском учении, имеющем точкой отсчета не Откровение, а рациональную логику, даже если допустить, что это учение абсолютно верно, может существовать только при наличии постоянного руководителя, наделенного невиданными по масштабу талантами. Он должен мыслить не в категориях ведения хозяйства на пять лет, хотя и таких немного, а в категориях веков и континентов. Даже в самой смелой фантазии нельзя допустить постоянное появление таких мега-личностей.

Возникает правомерный вопрос: где же выход? Мы видим его только в системе, условия которой требуют не понимания, а веры. Руководитель должен верить в необходимость выполнения определенных требований. Именно верить, а не понимать. Только это позволяет надеяться, что ключевые узлы общества правитель будет сохранять при любом раскладе событий, совершенно при этом не понимая, зачем все нужно.

Власть, построенная на принципе веры, бесконечно прочнее системы, построенной на знании. Она расширяет круг людей, охраняющих и контролирующих ключевые узлы. Народ, верящий в необходимость выполнять ключевые требования, образует самосохраняющуюся и самоконтролирующуюся систему. Он поддерживает фундамент общества исключительно потому, что верит. Наличие веры гарантирует, что народ будет сохранять ключевые узлы своего общества, даже имея от этого личный вред. Только вера позволяет, не рассуждая, признать высшие стратегические интересы выше личных сиюминутных, не вдаваясь в подробности. В таком обществе прорисовывается система ценностей, которую никто не может объяснить, но в необходимость которой все верят. Если допустить толкование вопросов, заведомо лежащих за рамками обычного человеческого понимания, можно с уверенностью прогнозировать ложные выводы, из которых последуют вредные действия. Если в системе начинается широкое обсуждение масштабных вопросов, оно неизбежно скатывается на оперирование сиюминутной выгодой. Поэтому общество, оперирующее бытовой логикой в стратегических вопросах, неизбежно начнет пожирать само себя. Избежать этого позволяет источник, лежащий за границами человеческой логики. Только это защитит ключевые узлы общества от логических атак.

ВЛАСТЬ, ОСНОВАННАЯ НА АВТОРИТЕТЕ

Прочность государства зависит от уровня авторитета власти. Чем больше авторитет, тем прочнее конструкция. Это объясняется тем, что большой авторитет позволяет действовать сообразно ситуации, а не сообразно уровню народного понимания. Авторитетной власти не нужен популизм. Она воспринимается народом так, как дети воспринимают отца.

Власть без авторитета вынуждена прибегать к популизму, принимать внешне красивые, но по сути губительные решения. Стоит ей принять непонятные народу решения, на ближайших выборах этим воспользуется оппозиция, и власть будет переизбрана. Демократическая власть подобна генералам, приговоренным действовать в рамках солдатского понимания. Так было во время Гражданской войны, когда солдатский комитет обсуждал — исполнять при-

казы командира или нет. Решения выше солдатского понимания были исключены, и армия моментально опустилась до уровня партизанского отряда. Такие процессы сегодня идут во всех крупных государствах.

Отыскание максимально прочной модели перетекает в отыскание максимально большого авторитета. Какой самый большой авторитет может иметь власть? Такой большой, что больше представить нельзя? После непродолжительных раздумий мы вынуждены констатировать: нет больше авторитета, чем власть от Бога. Вне зависимости от того, верим мы в Бога или нет, этот вывод абсолютен. Самым большим авторитетом пользуется власть, которую люди считают данной от Бога. Никакие человеческие достоинства не могут дать такой уровень авторитета. Максимальный авторитет дает только вера в то, что власть дал Бог. Таланты правителя могут приятно дополнять такую власть, но не могут заменить ее мистическое основание. Такое понимание возможно при условии, что народ религиозен. Такой народ никогда не поддержит самозванца, рвущегося к власти, будет он хоть трижды талантлив. В глазах общества он будет преступником, потому что у его притязаний нет мистического основания. Достойных много, а носитель власти от Бога — один. Из всех возможных вариантов единовластия только диктатура максимального авторитета ограждает страну от бесконечных разборок в деле выяснения, кто способнее и достойнее. На этом принципе основаны ключевые узлы человеческой жизни. Никто не будет менять отца только потому, что нашелся другой, более талантливый. На этом основана власть патриарха в Церкви. Никому не придет в голову менять менее талантливого патриарха на более талантливого. Талант не может дать права на власть, здесь годится только авторитет. Самый высший авторитет — сакральный. Это подтверждает тысячелетний опыт Церкви, которую можно характеризовать как самую устойчивую конструкцию.

Из наших рассуждений следует, что максимально прочной конструкцией является монархия. Ее главное преимущество в легитимности власти. Монархия отличается от диктатуры тем, что имеет основанием авторитет, а не силу. Если даже основатель династии получает власть силовым способом, основанием своей власти он всегда делает религию.

Эффективная власть — это независимая власть. Под-

линая забота о благе общества возможна только в условиях, когда высшая власть недостижима в принципе, и потому независима. Учесть состояние всех частей и принять решение, ориентированное на благо целого, можно только при условии полной независимости и недоступности. Так действует мозг. Например, если сознание плывущего человека получает от уставших рук сигнал, что они хотят отдохнуть, он не позволяет им отдыхать, чтобы человек не утонул. Он дает команду работать, несмотря ни на что. В конечном итоге такое решение спасет весь организм, в том числе и руки. Но стоило бы мозгу уравняться в правах с остальными частями тела и принять решение по поводу уставших рук через демократическую процедуру, человек бы утонул. Части, не умея осмыслить целого, начали бы бороться за свои «права». Просчитывается, что равноправие лишило бы всех жизни. Кстати, именно это мы наблюдаем в сегодняшней действительности.

Монархия выводит высшую власть за границы борьбы. До тех пор, пока будет возможность получить власть в результате борьбы, наверх будут проникать самые опасные хищники, для которых власть не более чем инструмент решения личных проблем. Власть, которую можно получить как приз, неизбежно привлекает самых талантливых хищников, выдающих в ней лицензию на вседозволенность.

Монарх представляет максимально независимую власть. Ему нет нужды мараться в грязи бюрократических игр и брать на себя обязательства перед теми, кто помог ему прийти к власти. Наследник никому не обязан своей властью, кроме как факту своего рождения. Любая иная власть, в силу того, что постоянно должна выбираться и завоевываться, рождается и умирает в зависимости. Это ее неотъемлемый порок, который не устраняется даже теоретически. Такая власть зависима от рождения, по факту своего возникновения, которым обязана определенной силе. Кто эта сила, крестьяне или банкиры, не имеет значения. Важно, что перед этой силой у правителя возникают обязательства. Как он будет гасить эти обязательства (или не будет, обманет) — второй вопрос. Главное — власть от рождения отягощена обязательствами, не имеющими к государственным интересам никакого отношения. Особенно ярко это видно на примере демократического строя, когда претенденты на власть даже не

скрывают, что являются представителями определенных политических сил, а не всего общества. Они представляют не интересы России, а интересы части России. Это принимает гротескные формы. Появляются партии зрителей, садоводов, автолюбителей, военных, предпринимателей и т.д. Это даже не смешно.

Разумеется, не все так однозначно. Если у народа закрадывалось сомнение в истинности монарха, возможен был бунт, с логической точки зрения «бессмысленный и беспощадный». Народ, оскорбленный в самых высших чувствах, рушил все на своем пути, в большинстве оставаясь верным заповедям Бога. Он не грабил тех, против кого бунтовал. Он сжигал и разрушал добро, несправедливо нажитое через обман. В этом зарубежные историки усматривали парадокс. Оперировав логикой, они бы признали в бунте смысл, если бы бунтующие не сжигали добро, а забирали его себе. Но в том-то и есть наша логика, что она ориентирована на заповеди, а не на выгоду. Брать чужое нельзя, даже если это очень выгодно. А бунтовать против власти, которая «не от Бога», можно и нужно, потому что власть не от Бога есть поругание веры.

Случаи, когда народ поднимался против «ненастоящего царя», найти можно и в нашей истории сколько угодно. Например, сын Годунова, Федор, венчанный на царство по всем правилам. Далее — Лжедмитрий I. Затем польский королевич Владислав. Всем им народ присягал на верность. Но всех этих царей он сверг, как только усомнился в их легитимности. Если власть не от Бога, то это и не власть. Это диктатура, которую надлежит свергнуть.

Красоту цветка лучше всего передает один цветок. Высшие человеческие качества лучше всего передает один человек. Толпа демонстрирует обратное. Никакая Дума близко не выразит нравственный идеал лучше, чем один человек. Лицемерный спектакль, разыгрывающийся во всех представительных собраниях, — лучшее тому подтверждение.

Такой гигантской стране, как Россия, нужен не временщик, а хозяин, не диктатор, а отец. Нужен человек, которому нет нужды воровать и жульничать, чтобы расчитаться с теми, кто помог ему прийти к власти, нет нужды подстраиваться под уровень народного понимания. России нужен Отец. Власть отца только тогда не становится бременем, когда домочадцы не претендуют на

нее. Если члены семьи оспаривают власть отца, ничего, кроме глупости и самодурства, в такой семье не будет. Когда высшая власть выведена из сферы борьбы, это дает ей возможность стоять над схваткой, действуя не по писаному закону, но по неписаному. Стоит нарушить это правило, наградить всех членов общества правом руководствоваться личным благом, умрет целое. Уставшие руки тонущего человека перестанут грести из последних сил.

Чтобы этого не произошло, необходимо руководствоваться законом целого, а не части (вспомните пример о координации деятельности мозга и других частей человеческого организма). Отдельный член общества не может оперировать такими категориями. Ориентироваться по ситуации, игнорируя, если того требуют обстоятельства, формальный закон, имеет право только голова. Если такое право получают все, возникает хаос. Если такого права нет ни у кого, закон душит общество.

На свете нет правительства, всегда действующего по закону. Все нарушают закон, потому что никакой закон не в силах поспеть за ситуацией. В результате закон говорит одно, а ситуация диктует другое. Когда на словах одно, а на деле другое, возникает двойная мораль. И только при монархии такое нарушение невозможно, потому что воля отца имеет статус закона.

Считать, что можно придумать идеальные законы, учитывая все нюансы, — утопия. Идеальные законы, которых, кстати, не было за всю историю человечества, смогут действовать на определенном временном отрезке. Пройдет время, общество поменяется, идеальные законы перестанут быть идеальными. Их снова придется нарушать, и снова двойная мораль.

Как мы видим, идеальный закон — утопия. В итоге торжествует Рынок, который собирает лучшие силы, но не для блага общества, а для его пожирания. Людей заколдовывают и отнимают у них все. В том числе душу. По закону.

Монархия опирается на религию для фундаментального, а на логику — для сиюминутного. Монарх есть капитан, отслеживающий курс государственного корабля. К этому он подготавливался с младенчества, в условиях максимальной нравственной чистоты. Царь отслеживает курс государственного корабля, ориентируясь на благо страны, а не на личное благо. При демократии власть получа-

ет человек, прошедший все ступени демократического и чиновничьего ада. За это время он превращается в паука, который, оказавшись в банке с другими пауками, победил всех. Каким он стал за время «борьбы», догадаться с трех раз... Моральные качества демократического правителя не идут и не могут идти ни в какое сравнение с моральными качествами православного царя.

Принцип монархии, адаптированный к современным условиям, образует новую модель, обращенную в XXII век и третье тысячелетие. Она устремлена в будущее, а не в прошлое. Русский святой праведный Иоанн Кронштадтский говорил: *«Демократия в аду, на небе — Царство»*.

Во все времена простые люди сознавали ситуацию лучше ученых. Они чувствовали преимущества монархии перед другими формами правления. Поэтому до последнего держались за царя. Инстинкт и житейский опыт подсказывали: если есть лицо, не заинтересованное грабить народ, если есть Отец, к которому можно обратиться по-человечески, которого можно любить, — у народа будет защитник. Такой Отец будет смотреть на страну с позиции ответственности перед Богом, а не с позиции приближающихся выборов. Не будет царя — не будет защитника. Все лучшее утонет в парламентской демагогии, за которой стоят корыстные интересы. Власть затуманится, измельчает, размажется и в итоге переориентируется на прибыль. Представьте, ваша семья имеет главным ориентиром не человеческие ценности, а прибыль. Можно догадаться, как вы будете использовать жену. Ну и что из того, что это проституция. Зато как выгодно!

Л. Тихомиров, русский мыслитель и ученый, увлеченный в свое время либеральными идеями, был и марксистом, и анархистом, и демократом. Но, как умный и честный человек, он не смог игнорировать неприглядность демократии, открывшуюся за ее парадным фасадом. Перебрав все модели правления, он не обнаружил ничего лучшего, нежели монархия. Этот человек нашел в себе силы признать ошибки. Став монархистом осознанно, он отмечал, что к выражению нравственного идеала способнее всего отдельная человеческая личность, как существо нравственно разумное. И эта личность должна быть поставлена в полную независимость от всяких внешних влияний, способных нарушить равновесие служения с чисто идеальной точки зрения.

По всем соображениям — логическим, прагматическим, душевным выходит, что до тех пор, пока Россия будет бесхозная и ничейная, без Хозяина и во власти временщиков, никакого порядка в ней быть не может. Поэтому не надо искать черную кошку в темной комнате. Не надо искать мифических врагов. Все они — следствие бесхозности, как воришки на бесхозном предприятии. Стоит появиться хозяину, как все эти типы исчезают. С устранением причины устраняется и следствие.

ГЛАВНОЕ ПРЕИМУЩЕСТВО МОНАРХИИ

Теперь «измерим» монархию предложенным нами «аршином» — ее стремлением делать из человека высоконравственное существо, вне зависимости от желания монарха. Эффективность системы определяется не качеством руководителей, а качеством самой системы. Хорошая система та, что в силу своей природы заинтересована прививать людям человеческие качества.

Насколько монархия заинтересована в воспитании лучших человеческих качеств? Чтобы ответить на этот вопрос, спросим себя, кто такой монарх? Это человек, которому Бог дал власть. Чтобы люди не сомневались в этом, они, как минимум, должны верить в Бога. Если население признает власть монарха как данную от Бога, монархия возможна. В атеистическом обществе монархия невозможна. Царь, не признаваемый своим народом представителем Бога, превращается в тирана. Чтобы этого не произошло, монархия вынуждена воспитывать народ в духе веры. Она видит это своей стратегической задачей.

Итак, монархия заинтересована давать народу религиозные ориентиры. Но что такое религия? Это выполнение заповедей Бога. Что такое заповеди Бога? Это «не убий», «не укради», «чти отца и мать» и т.д. На светском языке это называется честь и совесть. *«Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Если брат и сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: «ты имеешь веру, а я имею дела? покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих» (Иак. 2, 14—18).*

Монархия кровно заинтересована воспитывать в своих подданных понятия чести и совести. Люди получают единый для всех ориентир, единые правила поведения, единое понятие о том, что такое хорошо и что такое плохо. Религия четко фиксирует понятие морали и нравственности. Если члены общества начинают сочинять собственные понятия морали и нравственности, монархия умирает.

Вывод: центральный элемент монархии, ставящий существование самой государственной конструкции в зависимость от развития человечности, необходимо использовать при отыскании современной модели нового типа государства.

ТЕОКРАТИЯ

Ради объективности нельзя обойти вниманием еще одну государственную конструкцию — теократию, то есть власть священнослужителей. При всех ее плюсах, мы не можем не замечать фундаментальных и потому неустранимых пороков этой социальной конструкции. Проблема в том, что правящая миром Церковь должна будет совершать действия, противоречащие ее природе: казнить, воевать, торговать и т.д. Все это будет разрушать ее природу, обмирщать и развращать, что и произошло с западной церковью. За относительно короткое время Церковь точно так же, как партия, наполнится не воинами духа, а приспособленцами и корыстолюбцами. Снова вырисовывается демократия, система, от которой мы бежим. Если же Церковь, ради сохранения своей сущности, передаст силовые и исполнительные инструменты в руки светских властей, как это сделала западная церковь, она потеряет реальную власть.

ВАРИАНТЫ ОПТИМАЛЬНОЙ МОНАРХИИ

Монархи получают власть или посредством силы, или через выборы, или наследуют.

Рассмотрим первый вариант. Сначала *власть берут силой*. Потом придают ей легитимность через религию. Этот вариант практиковался в деспотиях Востока. Он породил практику убивать действующего монарха и вместе с ним всех возможных наследников. В итоге получалась демок-

ратическая ситуация (постоянная чехарда во власти из-за борьбы за власть). Это самый неустойчивый вариант авторитаризма, которому сопутствуют основные рассмотренные выше недостатки власти, основанной на силе.

Второй вариант — *выборность власти*. Суть его в том, что нового монарха всякий раз выбирают. Кто и как выбирает, это второй вопрос. Плюсов у власти, основанной на авторитете, где правитель избирается, достаточно много. Вспомним, как в 1613 году выбрали 16-летнего Михаила, первого царя династии Романовых. Монархические выборы были не циничным шоу, а сакральным действием, с постом и молитвами, где люди как перед Богом стояли. Это была метафизика, то есть действие, лежащее за границами физического мира, в котором участвовали народ и Церковь. К тому же победитель определялся не большинством, а стопроцентным согласием. Лучшие представители со всех концов России совещались, молились и постились до тех пор, пока не нашли фигуру, устраивающую всех абсолютно.

Предложение избирать нового правителя по принципу Земского Собора 1613 года звучит заманчиво. Не раз в пять лет, а раз в 30—50 лет. Идиота точно не выберем. Власть всегда будет продолжать государственный курс. У древних такая модель называлась «принципат». В целом действительно хорошая система. Вне всяких сомнений, она лучше силовой диктатуры и тем более демократии. Но нас смущают ее отдельные моменты, которые нуждаются в подробном рассмотрении.

Начнем с того, что один человек в любом случае страной управлять не сможет. Нужна политическая элита, аристократия, а вот ее надо возвращать. Допустим, на протяжении нескольких десятков лет из людей, которые трудятся рука об руку и служат вместе стране, вырастает настоящая элита. Что такое элита? Это люди, цели которых лежат за рамками земного мира. Сильные понимают свои таланты не как возможность обижать слабых, а как возможность защищать и помогать слабым. Как отец и старшие братья в семье. Элита понимает смысл жизни как спасение своей души через устройство общества, где каждый имеет шанс спасти душу. Для этого она стремится исполнить заповеди Божии. Смысл государства элита понимает как создание условий, способствующих спасению души подданных. Если у элиты нет метафизических целей, она неизбежно превращается в паразитов, использующих свои таланты на удовлетворение плотских желаний в ущерб обществу. Преимущественно за счет слабых.

Но вот правитель умирает. Нужно выбрать нового. И вот тут возникает *ситуация*. По какому признаку будут вычислять оптимальную кандидатуру? Оптимально по устойчивости конструкции. Из предыдущих утверждений мы знаем, что устойчивость конструкции зависит не от уровня способностей и талантов, а от уровня легитимности власти. Принципат может реализоваться двумя путями. Первый: выбирать власть, исходя из авторитетности фигуры. Второй путь: определять через таланты. Последний можно сразу отвергнуть, ибо это самый тупиковый путь, ведущий к столкновению амбиций, и далее к спекуляции на лозунге «народ имеет право выбирать власть». Закончится все предвыборными песнями с плясками и переходом на демократию. Значит, единственный путь, по которому пойдет принципат, это отыскание наиболее сакрального авторитета, то есть путь католического королевства франков в современном варианте.

Здесь мы хотим высказать свое узкое мнение. Подчеркиваем, что еще совсем недавно мы его не разделяли. Но логика нас подталкивает именно к этому выводу. Получается, хотим мы того или нет, оценивая ситуацию объективно, оптимальной для России фигурой может быть только кто-то из последней династии. Мы ни в коем случае не настаиваем на ком-то конкретном. Более того, мы очень даже допускаем, что эта личность еще не родилась. Но здравый смысл подталкивает нас к решению в пользу последней династии, потомков Романовых, как и четыре века назад подтолкнул наших предков.

Возможно, мы ошибаемся. Поэтому особое внимание хотим обратить на то, что мы желаем восстановления системы и принципа, а не какой-либо монархической фамилии. Наше решение основано на историческом примере. Минин и Пожарский знаменем своей борьбы объявили спасение России, а не воцарение свергнутой династии Годуновых или Шуйских, потомки которых имели определенные права на престол. Успех 1613 года во многом обязан именно такой позиции. Предыдущие попытки сплотить людей под династическими лозунгами провалились на корню. Народ пошел «за Россию», а не «за Шуйских». Мы хотим постараться для России, а не для тех, кто заранее определил себе право на царство. Определять правителей вообще не наше дело. Наше дело — восстановить систему. В то же время мы открыты для диалога с претендентами на престол, но диалог возможен только в рамках спасения России.

Престол не покупается. Кто будет Царем — решать Богу и народу, а не нам с вами. Мы поддерживаем *идею*, а не фамилию. Мы не берем на себя функций Земского Собора. Наша задача — создать условия для зарождения новой модели, впитавшей в себя все лучшее, что изобрело человечество. Сначала на Руси, а затем и в других странах. Постепенно, незаметно, в череде текущих как бы сами собой событий, вернет Россия себе былые мощь и силу.

Помимо высказанных соображений, есть и проблемы. Раз уж мы договорились не сочинять социальные модели, которые могут существовать только при условии, что под них нужно менять человеческую природу (как русские коммунисты пытались вывести новый тип человека «под коммунизм»), мы должны признать, что у выбранного монарха будут дети, родственники. Семья по необходимости превращается в мощнейшую по всем показателям группу. Рисуем картину дальше. После смерти отца остается старший сын. По человеческим законам авторитет семьи концентрируется на нем. Он становится представителем самой влиятельной группы в стране. Какой смысл имеют выборы в этой ситуации? Нулевой, потому что заранее ясно, кто победит.

Рассмотрим ситуацию, когда монарх умер и не оставил после себя сыновей. Понятно, что за время его правления родственники сформировали влиятельнейший клан. В любом случае они выдвинут от себя своего представителя. Это будет родственник покойного «принцепса». По сравнению с другими кандидатами у него будет больше и авторитета, и ресурсов. Не надо быть особо прозорливым, чтобы понять, к какому решению склонится Собор (не забывайте, речь идет именно об устойчивости системы, единственным гарантом которой является законность притязаний на престол). Таланты в данном случае, как говорилось выше, могут быть лишь приложением к власти, но не подменой ее. В итоге выборы власти приведут не к концентрации, а к столкновению ресурсов государства. Избежать этого столкновения при выборной системе невозможно. Столкновения порождаются самой природой выборной системы. Для государства же было бы идеальным не сталкивать между собой имеющиеся ресурсы, как это происходит при демократии, а концентрировать их на решении проблем. Единственный вариант достижения такого результата — только максимально возможный отказ от выборов верховной власти.

В третьем варианте, когда *власть передается по наследству*, тоже есть свои недостатки. Во-первых, никакой закон о престолонаследии не гарантирует, что власть окажется в руках полноценного человека. Во-вторых, нет гарантии, что его родственники будут масштабно мыслящими честными людьми. История свидетельствует, что, скорее всего, это будут обыватели с соответствующими целями. Результат совмещения малого мышления и гигантских ресурсов всегда производит разрушительный эффект. Вчера это выражалось в появлении «элиты», не способной помыслить выше балов и бриллиантов. Сегодняшняя «элита» не способна мыслить выше «золотых унитазов» и банковских счетов. Такой перекося приводит к размножению «глистов».

При наследственной монархии страна всегда рискует получить слабого правителя (при демократии она гарантированно получает команду временщиков). Другого рода опасность заключается в том, что человек с мелким масштабом мышления всегда находится под чужим влиянием. Он подобен современному избирателю, который ориентируется не на суть проблемы, а на внешнюю привлекательность источника, уверяющего избирателя в своей способности эту проблему решить. Правитель с малым масштабом мышления гарантированно окажется под влиянием чуждой идеологии. Как, например, М. Горбачев, последний президент СССР. И сделать с этим ничего нельзя, потому что нельзя человеку дать больший масштаб мышления, если его нет от рождения. Это такой же талант, как музыкальный слух. Он или есть, или его нет.

НОВАЯ СИСТЕМА

Мы предлагаем новую государственную систему— Царство, базовый принцип — совмещение элементов наследственности и выборности. Лучшие качества монархии соединяются с лучшими качествами советской системы. Чтобы сложился образ, представьте демократический СССР времен Александра III. Авторитет и легитимность этой конструкции будут строиться не на демократической идеологии, а на Православии. Принцип формирования власти — выборы. Но не демократические выборы, а выборы по образцу Земского Собора 1613 года, где кандидатуры будут рассматриваться только из рода после-

днего легитимного правителя России. Во-первых, таким образом мы достигаем максимально возможного авторитета власти. Во-вторых, избегаем опасности получить неполноценного монарха (из многих родственников всегда есть возможность выбрать вменяемую кандидатуру). В третьих, участвует в выборах только элита, сформировавшаяся за время служения России (о признаках настоящей элитарности мы говорили выше).

Сразу все встает на свои места. Глупости, порождаемые идеологией, выведенной из новоевропейской философии, и издержками наследования по первородству, исчезают. Плюсы единовластия и демократической системы самоуправления остаются. Православие дает скрепы, придающие государству максимальную прочность (другие мировые религии не ущемляются, потому что они — скрепы местных и региональных сообществ).

Царство защищает власть от «всенародных» выборов государственной власти. Нового правителя определяет Земский Собор. Расширить круг кандидатур за рамки родства с последним правителем нельзя, иначе все сведется к демократии. Церковь венчает царя на царство. Министры и губернаторы — назначаются. Выборы остаются на местном уровне, где возникает реальное самоуправление. В итоге устанавливается живая связь народа и власти, которая пронизана единой идеей служения Богу. Царь служит Богу. Губернаторы и министры, служа царю, служат Богу. Народ, каждый на своей службе, служит в итоге Богу. В итоге все служат Богу и своему Отечеству.

Православному правителю, помощнику Бога, нет смысла лукавить. Потому как ответ ему держать перед Ним. Не перед виртуальным электоратом, который пробуждают на время выборов, а потом держат в состоянии социальной спячки, а перед Богом, от которого ничего утаить нельзя. Верующий правитель венчается на России точно так же, как верующий муж венчается с женой перед алтарем. Народ и царь, как муж и жена, берут на себя обязательства в первую очередь не перед людьми, а перед Богом. Свобода их действий регламентируется не юридическим законом, а заповедями Бога. Не капитал и не личные страсти задают обществу направление, а Божественный Закон, равно понятный сильному и слабому, умному и глупому, богатому и бедному.

Новое царство даст народу самые ясные и непротиворечивые очертания греха и добродетели, потому что ориенти-

ровано на духовное. Все светские системы лишены этого, потому что цели их лежат в рамках видимого мира. Главный недостаток в том, что мелкие цели делают действия тоже мелкими. В итоге они не соответствуют государственному масштабу. И только царство определяет черное и белое не с точки зрения выгоды, удовольствия или личных симпатий, а с точки зрения абсолютного мерил — веры. Страна становится подобна кораблю, капитан и команда которого имеют единую цель. Экономика воспринимается как обоз при боевых частях. При любой другой системе обоз доминирует над идеологией, что в итоге сводит смысл существования государства ради прироста обоза.

Царство ориентирует человека на сердце, демократия — на желудок. Мы не говорим, что желудок не нужен. Мы говорим, что он вторичен. Чувство голода не дает права любой ценой искать питание. Лучше остаться голодным, чем отнимать еду у ребенка.

Царская власть есть власть светского института в лице Царя и духовного института в лице Патриарха. Эти два института уравновешивают друг друга. Эффективность модели оценивается не правлением одного правителя, а в совокупности за тысячу лет. За это время будут сильные цари и слабые патриархи. Будет и наоборот. Решающее значение имеют не личностные качества, а принцип системы. Судить о системе нужно по усредненному результату за несколько веков, а не на текущий момент. Царская власть с этой точки зрения дает лучший результат по сравнению с любой иной системой.

Чтобы сохранить Царство, нужно удерживать две системообразующие точки — Трон и Алтарь (симфония властей). Если выполняется это условие, равновесие системы является следствием. Чтобы выполнить его, требуется власть, не ограниченная ничем, кроме веры.

Иван Солоневич писал, что самая основная идея русской монархии ярче и короче всего выражена А.С. Пушкиным, который уже почти перед концом своей жизни пришел к мысли, что «должен быть один человек, стоящий выше всего, выше даже закона». Эта формулировка совершенно неприемлема для римско-европейского склада мышления, для которого закон есть все: *dura lex, sed lex* (суров закон, но закон). Русский склад мышления ставит человека, человечность и душу выше закона. Не человек для закона, а закон для человека. И когда закон входит в

противоречие с человечностью, русское сознание отказывает ему в повиновении.

Любой организм с заторможенной реакцией — не жилец. Демократия со всеми ее процедурами есть заторможенная система. В мировой практике известно множество случаев, когда демократическое правительство, ясно сознавая, что страну грабят, ничего не могло сделать, потому что грабили по закону (или пользуясь пробелом в законе). Инцидент с Гельмутом Колем в 1991 году, когда пятая по величине в мире химическая корпорация «Dow» буквально «раздевала» бюджет Германии, и никто ничего не мог поделать, ярко иллюстрирует подобный приоритет закона. Или спекулянт Сорос, ограбивший Англию по закону. Это лишь некоторые из нашумевших примеров. А мелким нет числа. Так выглядит реальная власть человеческого закона.

У Царства можно найти недостатки, но они не идут ни в какое сравнение с пороками демократии. Многократный французский министр Аристид Бриан признавался, что 95% его сил уходит на борьбу за власть и только 5% — на работу власти. Да и эти 5% чрезвычайно краткосрочны...

Недостатки монархии проявляются исключительно в сфере непредвиденных обстоятельств, тогда как недостатки демократии есть неотъемлемое свойство системы. Кроме того, любая идея отличается от практического воплощения. Мы ставим вопрос не о частностях практики, а о расчетах в теории. Прежде чем строить дом, разрабатывают проект. Представьте, что вам принесли на выбор два проекта по строительству небоскреба. Один проект предлагает строить небоскреб из дерева, другой — из железобетона. По расчетам выходит: деревянный после пятого этажа начнет рушиться, тогда как железобетонный выдержит 100 этажей. Вопрос: какой чертеж выбрать? Разве можно, находясь в здравом уме, выбрать проект деревянного небоскреба, отвергнув железобетонный только потому, что предыдущее строительство аналогичной конструкции провалилось из-за нерадивости строителей или какой-то случайности?

Сегодня главным аргументом против монархии вообще является не логическая база, а эмоции. Люди утверждают, что монархия и ее принципы устарели. Получается, демократическая модель, извлеченная из язычества, не устарела, а новая модель, соответствующая христианству и собравшая лучшее от всех государственных форм, устарела... Интересно...

Рассуждать о единовластии как об изжившем себя пред-
рассудке, — значит не понимать предмета разговора. Если
конструкции прошлого рухнули под напором потребитель-
ской цивилизации, из этого не следует, что будущие кон-
струкции, использующие этот принцип, тоже рухнут. Здесь
как с человеческим организмом. Вчера еще он не мог
противостоять инфекционным заболеваниям, потом изоб-
рели пенициллин, и он успешно справляется с болезнью.
Аналогично и с обществом. Вчера оно не могло противо-
стоять демократии. Сегодня, когда природа заразы стала
понятна, появился пенициллин против демократии —
Царство.

Царство — это не абсолютная власть в смысле «что хочу,
то и ворочу». Это живое продолжение народного орга-
низма, система со строгими правилами, которые не поз-
волено нарушать никому. Например, Царь не может сме-
нить свое вероисповедание, не говоря о вероисповедании
своих подданных. Например, мысль о том, что москов-
ский царь может по своему произволу переменить рели-
гию своих подданных, показалось бы москвичам совер-
шенно идиотской мыслью. Хотя такое было вполне при-
емлемо в тогдашней Европе. Вестфальский мир устано-
вил знаменитое правило *quiis religio, eius religio* — *чья власть,
того и вера*: государь властвует также и над душой своих
подданных. Он католик — и они должны быть католика-
ми. Он переходит в протестантизм — подданные тоже
должны перейти. Московский царь, по В. Ключевскому,
имел власть над людьми, но не имел власти над душой и
традицией, то есть над неписаной конституцией. Так где
же было больше правды, в *quiis religio* или в тех москвичах,
которые ликвидировали Лжедмитрия за нарушение мос-
ковской традиции?

Любопытно мнение русского полководца Суворова,
который во время разговора с французами, описывавши-
ми преимущества демократического правления, ответил,
что любому рулю нужна рука. Когда рулят все скопом,
ничего хорошего не выйдет. Наше общество интуитивно
понимает, что должно быть что-то постоянное, не зави-
сящее ни от ловкости политтехнологов, ни от денег, ни
от СМИ. Оно потому тяготеет к сильной руке, что видит
в ней гарантию стабильности, присущую единовластии.

Английская королева одним фактом своего существо-
вания дает ощущение связи времен. Слово королевы-до-

стопримечательности перевесило экономические соображения, и национальная валюта Англии — фунт — переборола евро. Сам факт, что ее слово перевесило все аргументы, заслуживает внимания. А вот во Франции франк, имеющий глубочайшие исторические корни, исчез. Он вел свою родословную от золотых монет с латинской надписью «Frankorum rex» (то есть король франков), выпущенных специально для выкупа короля Иоанна II Доброго, попавшего в плен к англичанам в битве при Пуатье в 1356 году. Франками на Востоке называли рыцарей-крестоносцев. Утратив франк, французы утратили часть себя, своей истории. За бесполом и тусклым евро нет никакой истории. Одна экономика, и та под большим вопросом.

И все же мы вынуждены высказать свои сомнения по поводу принципата, потому что наша цель найти истину, а не продавить и навязать свое мнение. Выборы царя из монаршей династии тоже могут иметь большие последствия и неприятную трансформацию. Как ни крути, но царь в данном варианте оказывается обязан своей властью не Богу, а выбору. Причем не просто выбору, а давлению, которое оказал его клан. Получается, реальная власть будет принадлежать не царю, а царской семье. Вместо монархии мы будем иметь даже не аристократию, власть лучших, а что-то новое. Это будет власть родственников, которые не обязательно будут лучшими. Они будут разными и, по теории вероятностей, вряд ли масштабно мыслящими людьми. А это значит, они будут иметь соответствующие цели, для реализации которых начнут задействовать государственный ресурс. И снова общество покатится к своей гибели.

В этом свете институт наследования власти, когда власть получают единственно по праву рождения, то есть от Бога, представляется, если рассматривать ее в перспективе, самой устойчивой моделью. По крайней мере, тут достигается максимальная концентрация власти в одном человеке. Нет расплытия власти на всю семью. Одного человека всегда можно воспитать в твердых установках. Тем более к этому будут привлечены лучшие силы страны. Всех родственников воспитать в таком ключе нереально. Власть по праву рождения поднимает царя над родственниками. Он не обязан им своей властью. У него власть от Бога, и это здорово меняет ситуацию в лучшую сторону.

Вряд ли в одной книге можно четко ответить на все

глобальные вопросы. Книга может задать направление мысли, запустить мыслительные процессы, которые дадут более взвешенные и продуманные ответы на главный вопрос: что вместо демократии?

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Сегодня слушаешь людей — кажется, Бог есть. Смотришь, как они живут, — кажется, Бога нет. На словах многие верят в Бога, но *«по плодам их узнаете их»* (Мф. 7:20). Народ не верит в Бога. Современные люди строят жизнь в соответствии с догматами демократии, а не веры. Пока эта тенденция не переломлена, ни о какой Великой России нельзя вести речь. Нынешняя система не может перевести народ из потребительско-атеистического состояния в духовно-религиозное за короткое время. Чтобы сформировать новое сознание, нужно время, много времени. То, что мы пытаемся сделать, увидят потомки. Наше поколение в своем большинстве безнадежно отравлено вседозволенностью. Этот суррогат свободы не создал даже иллюзии счастья, зато укрепил в сознании миф о том, как ужасно жить в мире, ограниченном религиозными догматами. В результате добрая христианская атмосфера вытеснена злой и похотливой демократией. Но последняя, называя себя свободой, вводит людей в заблуждение и добивается предпочтения.

Крушение прежних монархий во многом произошло потому, что у человечества еще не было понимания опасности красивых фраз и слов. Здесь уместна аналогия с масонами, заполонившими в свое время Францию. Они были такие справедливые, милые, честные. Они помогали нищим, обеспечивали бедным девушкам приданое, занимались благотворительностью. Никто не обращал внимания на их некоторые странности, на антихристианские мысли. Свою мораль они выражали общими словами, неконкретно, мягко и красиво. Никто и близко не мог представить, во что это выльется. Они буквально очаровывают высший свет. Примечательны письма Марии-Антуанетты, в которых она всем советует и рекомендует их принимать и содействовать. Но проходит время, и начинают вырисовываться последствия тех странностей, на которые никто не обращал внимания. Мария-Антуанетта уже пишет другие письма, в коих рисует своих недавних

друзей в образе самых ужасных чудовищ, каких можно только представить. Но поздно. Ей отрубили голову. Во Франции началась кровавая баня. Похожая история и с русской царицей Екатериной II, переписывавшейся с Вольтером. Правда, там был более благополучный исход, она просто прервала отношения. Сегодня призрак этой чумы снова вырисовывается, но в еще более замаскированном, и оттого еще более опасном варианте.

Возвращаясь к теме, мы склонны думать, что никакие монархи прошлого не могли выйти из той ситуации. Даже если бы знали, к чему все идет и чем закончится, международная конкуренция не дала бы реализовать это знание. Что толку, если правитель осознает опасность прогресса? Ему нужно сегодня отвечать на вызовы истории. Если ответ зависит от развития прогресса, что делать правителю? Человечество обрушится завтра, а обороноспособность нужно обеспечить сегодня. Отсюда следуют выводы, перевешивающие все масштабные рассуждения. А потому глобально направлять ход истории неподвластно ни одному человеку.

ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

Чтобы лучше понять Царство, посмотрите на него как на чистый принцип, на систему без обычных стереотипов. Расстаньтесь с негативными ассоциациями, и вам откроется новое. Называя православное царство оптимальной моделью, мы прекрасно понимаем, какой выбор эмоций вызывает новая структура. Никто из нас не родился поклонником монархии. Все мы — дети атеистической эпохи, по умолчанию считавшие единственным возможным источником власти народ. Настолько естественным, что мысли не допускали рассматривать иные варианты. Прошло время. Незыблемые шаблоны демократии утратили авторитет. И здесь мы столкнулись с парадоксом. Оказывается, мало осознать подвох. Само по себе осознание ничего не стоит. Что толку с того, что народ осознает финансовые пирамиды как обман? Если разрешить жуликам вновь строить финансовые пирамиды, люди потянутся в очередной МММ. Потом их обманут, а они снова потянутся. И так до бесконечности. Можно возмущаться, оскорбляться, но факт остается фактом.

Подтверждают эту аномалию выборы. Сколько бы из-

бирателей ни обманывали, они все равно с завидным упорством продолжают ходить на выборы. Их снова будут обманывать, а они снова будут ходить. Единственный способ защитить общество от экономического и политического обмана — создать условия, исключающие такую возможность.

Люди живут шаблонами. Для многих они значат больше, чем здравый смысл и логика. Приверженность шаблонам свойственна природе человека. Французский ученый Густав Лебон писал, что людьми движут подсознательные установки и верования. Они подчиняют и определяют всю нашу жизнь. Вы можете переубедить человека, и он станет вашим единомышленником. Но до тех пор, пока помнит систему доказательств. Когда ваш новый «единомышленник» забудет логическую цепь доказательств, он вернется к прежним верованиям. Чем сложнее доказательство, тем быстрее человек его забудет. Встретив этого «единомышленника» через три дня, вы с удивлением обнаружите, что зря потратили время. Текущая жизнь смыла из его сознания вложенную информацию. Как будто вы долго и кропотливо чертили пальцем на морском берегу формулы. Но набежавшая волна смыла все, что вы написали, и берег снова девственно чист. Переубежденный вернулся к своим верованиям, потому что их невозможно забыть, они у него в подкорке. А ваши логические доказательства дальше сознания не пройдут. Если их постоянно обновлять, со временем они перейдут из сферы сознания в более надежную область подсознания. Но если не делать этого, новые знания просто-напросто забудутся.

Чтобы сознательные установки перешли в бессознательные верования, требуются поколения и потрясения. Верования формируются или временем, или потрясениями. Раньше старые установки ломались ситуациями, связанными с опасностью для жизни — войной, голодом и стихийными бедствиями. Теперь их можно сломать посредством определенных технологий. Бесконечные сериалы, ток-шоу, блокбастеры, эстрада и прочие зрелища каждый день по капле формируют подсознание. Никакой логикой эти установки убрать нельзя. Можете хоть треснуть, объясняя человеку вред демократии, но если его подсознание упаковано демократическими догмами, все будет как об стенку горох. Подсознание заставит его пустить

всю силу своего ума не на осмысление ситуации, а на защиту своих подсознательных верований. Люди в своей массе всегда следуют не логике, а чувствам. Они ищут логическое оправдание уже сформированному чувству, и никогда наоборот.

Мы это понимаем и потому никаких иллюзий относительно силы действия нашей логики не питаем. Мы спокойно относимся к тому, что большинство сохранит положительное отношение к демократии и отрицательное к монархии, даже если найдет критику демократии безупречной. Здесь точно как с афоризмом «женщине можно доказать, но нельзя переубедить», в ответ прозвучит: «Ты прав, но я все равно не согласна». Люди добросовестно забудут логику и вернуться к своим демократическим верованиям (социализму, фашизму, коммунизму и прочему).

Нужно понимать — перед нами человеческая природа. Коммунисты, стремясь создать нового человека, поставили самый гигантский в истории эксперимент, и он закончился полным крахом. Природу нельзя переделать, как нельзя изменить силу всемирного тяготения. С ней нужно считаться, ее нужно учитывать, но нельзя тратить силы на ее перестройку.

Если людьми двигают верования, необходимо формировать нужные верования. Наши враги активно используют естественные стремления человека, о которых подробно рассказывалось в самом начале книги. Активизировав самооценку и жажду политической свободы до болезненных размеров, они получили возможность спекулировать природой человека. «Ты не раб, ты свободный, ты сам можешь выбирать себе власть», — говорит враг нашему обывателю, и тот, зачарованно открыв рот, внемлет ему. Враг продолжает: «Чтобы не было тиранов, власть нужно постоянно менять». Эта логика, поданная столь завлекательно, адресованная не разуму, а чувствам, лишает человека способности мыслить. Тактика ветхозаветного змея: съешь яблоко и станешь как Бог. Человек обретает верование, что *он не раб и потому должен выбирать власть*. В итоге добрыми намерениями создается ситуация для жуликов.

В утверждениях, которыми кормят наших обывателей, нет логики, сплошные эмоции. Но поданные привлекательно, полностью адресованные не разуму, а чувствам, они лишают человека способности мыслить. Человек обретает верование, что он не раб и потому должен выбирать

власть, чем в итоге превращает себя в еще большего раба. Помимо тела поработается душа, и это самое страшное.

Абсолютная свобода есть непосильное бремя. Человеку нужны ориентиры, тогда как полная свобода предлагает сочинить их самому. В результате ориентиром становятся деньги. Общество покоряется Рынку. Демократия — это бездонное лукавство, за которым крайне сложно увидеть обман. Полная свобода отнимает право на жизнь. Ты свободен, у тебя есть право заработать и купить еды. Ты можешь жить, если можешь заработать. Если ты слаб и не в состоянии заработать, у тебя остается единственное право — умереть. Права на жизнь у тебя нет.

Возвращаясь к теме, еще раз повторим: чтобы поломать демократические верования широких масс, нужно воздействовать не на их логику, а на их чувства. Организовать такой процесс возможно, понимая идею на рациональном уровне. Это единственный уровень осмысления, позволяющий перевести идею в эмоциональный формат.

Эволюционные мифы сформировали верования атеистического характера. Демократические мифы сформировали верования рыночного характера. Когда эти верования причудливо сплелись между собой, образовалась ужасная смесь. Большинство насколько безапелляционно, настолько и бездоказательно протестует против монархии. Их «знания» о монархии остались на уровне понятий, что это дикость, архаика, мракобесие и «средние века». Поэтому что так в школе учили.

Нужных делу людей множество не только среди образованных, но и среди необразованных. Образование и эрудиция вообще не являются решающим фактором. Все определяет талант. Чингисхан не умел ни писать, ни читать, но это не помешало ему создать величайшую империю. И таких примеров сколько угодно. Из этого следует, что знания сами по себе бессмысленны, как бессмысленны ноты для человека, у которого нет музыкальных талантов.

Наша задача донести мысль не до начитанных и эрудированных, а до масштабно мыслящих. До умных и крупных людей, будь то крестьянин или власть имеющий. Только такие ухватят суть сказанного, игнорируя противоречия на уровне «бантиков», неизбежные при таком масштабе. Усвоив генеральную мысль, они смогут лучше ориентироваться в ситуации и поймут правила Большой игры.

Масса не может свободно мыслить. Она зависит от образов, рождаемых словами. Спросите у любого человека,

что нужно сделать с мужиком, который режет детей. Все 100 % ответят, что его нужно жестоко наказать. И никто не подумает, что речь идет о детском хирурге. Мышление массы — как у собаки Павлова: горит лампочка, возникает образ, идет реакция. Запрограммированное сознание ставит слово «монархия» в один ассоциативный ряд со словами «диктатура», «концлагерь», «насилие», «угнетение». Слово «демократия» ассоциируется со словами «свобода», «равенство» и «прогресс». Отрицательное отношение к диктатуре перекидывается на Царство, потому что это своего рода диктатура (власть, основанная на авторитете, значит — авторитаризм, то есть диктатура, а диктатура — это плохо и т.д.). Положительное отношение к свободе связывается с демократией. В итоге выступать против демократии означает прослыть в глазах современной массы душителем свободы. Ратовать за Царство равносильно ходатайству за возврат в Средние века. Никому нет дела, что реальное положение никак не связано со штампами.

Царство — это форма управления государством. Эту форму используют в каждой структуре, начиная от вашего тела и заканчивая любым хозяйством, заводом или армией. Царство — это не кровавая диктатура, и ее правитель не палач. Царство воплощает принцип единовластия. Он нигде не исчезал, этот принцип. Он есть во всякой здоровой структуре. Нельзя представить семью, устроенную по демократическому принципу, где глава меняется каждые четыре недели. Или завод, где каждые четыре месяца меняют руководителя. Потому что это абсурдно.

И опять парадокс. Люди отказывают государственной модели в принципе иерархии. Современным людям не кажется абсурдным каждые четыре года менять правительство, потому что в своих рассуждениях они отталкиваются от демократических верований. Умным не кажется абсурдным менять хорошего и честного управленца только потому, что демократические каноны не велят. Никто не хочет оперировать здравым смыслом. Никто не хочет увидеть очевидного: за микроскопический по государственным меркам срок нельзя сделать дело государственного масштаба. Нельзя не потому что не хочешь, а потому что времени нет. Как нельзя построить дом за три минуты. Палатку натянуть можно, дом построить нельзя.

Иван Грозный, Петр I, Екатерина II, Сталин ничего не сделали бы за два срока правления из того, что сделали.

Они просто не успели бы вникнуть в ситуацию, сделать выводы и реализовать их на практике. Чтобы вершить великие дела, человек должен чувствовать себя хозяином. Только это позволяет сажать деревья, которые будут плодоносить внукам. Любое ограничение власти по сроку будет иметь негативные последствия, потому что провоцирует поведение временщика.

Иван Грозный правил 37 лет, остальные — около того. Время твердого правления несменяемых царей увеличивало и укрепляло Россию. И дело даже не в длине срока власти, а в его восприятии. Когда человек не ограничен жестким сроком, его сознание действует по ситуации. Когда есть жесткие ограничения, человек поневоле, на уровне подсознания, мыслит в рамках отведенного срока. Так что сам факт неограниченной власти выводит мышление человека за рамки любого срока. Все, вошедшие в анналы истории великими делами (а не великим воровством), вошли именно потому, что имели время глубоко вникнуть в ситуацию. Имели возможность сосредоточить свое внимание на проблемах страны, а не на приближающихся выборах. Для серьезных дел всей жизни не хватает. Нынешние два срока по четыре года есть диверсия с целью разрушения российской государственности. Этому эффекту способствуют временщики всех мастей, питающиеся пред- и послевыборной чехардой, извлекая из нее немалые выгоды. О России они не думают и думать не могут. Вместе с тем их поведение есть не природная злонамеренность, а естественная реакция на ситуацию. Будучи активными, они скупают выборные должности, как Чичиков скупал мертвые души, чтобы потом заложить их в банк и получить доход. Остановить эту тенденцию разговорами и нравоучениями невозможно. Ситуация — как с лежащим на улице кошельком — не я подниму, так другой поднимет, но зачем же другой, когда могу я. Это железная логика, вытекающая из природы человека. Кто теряет кошельки, тот не должен возмущаться, что их подбирают.

Регулярная смена власти разрушает все — и государство, и завод, и семью. Если наше тело начнет жить не по принципу иерархии, где царь всему — голова, а по демократическому, где каждый член сам себе режиссер, — наступит паралич. Если каждый член получит право биться за власть, победит не обязательно голова. Такие выборы могут выиграть, например, седалищные мышцы...

СТРЕМЛЕНИЕ К ИДЕАЛУ

У человечества два пути. Один — отказаться от всякого рассуждения о фундаменте и природе общества, слиться с толпой, охочей до хлеба и зрелищ, и отдаться на волю стихии. Второй — вникнуть в суть дела, в причины наших бед и построить современную систему, вобравшую в себя лучшие черты известных государственных моделей — Царство. Мы получим то, о чем говорил Конфуций: *«Правитель да будет правителем, подданный — подданным, отец — отцом, а сын — сыном»*. Больше ничего и не надо. Этого достаточно, чтобы возникла максимально прочная структура.

Как бы мы ни старались доступно и просто преподнести наши мысли, люди все равно не смогут в одночасье расстаться с привычными штампами. Особенно если сознание утратило эластичность и заостенело, что свойственно старшему возрасту. Оно не желает вот так запросто расставаться с мифами, вбитыми в наши головы. Наша задача — постараться разбить эти штампы, вернуть проштампованному сознанию миллионов человеческие свойства и традиционный взгляд на мир.

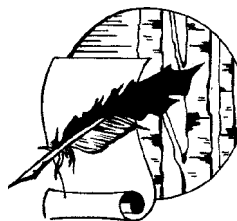
Подводя итог сказанному, хотим еще раз повторить главную мысль: любое общество вытягивается в пирамиду. Разница только в том, что царство возводит на трон человека, который всей своей жизнью служит Богу. Остальные формы правления в конечном итоге сажают на трон представителя маммоны. Царство никогда не скрывает источника своей власти. Все формы демократии всегда скрывают истинный источник своей власти, маскируясь под ту или иную форму демагогии. Любое общество находится под властью, данной или Богом, или противоположной ему силой. В конечном итоге перед нами стоит выбор из двух возможностей: *сажать на трон представителя Бога или представителя маммоны*. Все остальные варианты — подвиды.

Кому будем служить? Никакие завхозы не могут ответить на этот вопрос. Хозяйственники и экономисты осмысливают ситуацию в рамках экономики, тогда как ее нужно осмысливать в объеме человечества. Никто, кроме воинов-аристократов, не может взяться за решение проблемы, *«Ибо Царство Божие не в слове, а в силе»* (1 Кор. 4:20). Не все еще потеряно, в России все равно начнется оздоровление.

Множество людей согласятся с нашими выводами, но не многие сумеют жить сообразно новому знанию. Большинство аморфно и беспомощно и потому продолжит жить на «автопилоте» демократии. Оправдывая себя, люди выглядят грустно и забавно одновременно. Ссылаясь на некие либеральные догматы, имея при этом о демократии меньше понятия, чем революционные матросы о коммунизме, они показывают свой масштаб. Кстати сказать, сила ума тут ни при чем. Многие с очень сильным логическим аппаратом будут не согласны с нами не потому, что мы не правы, а потому, что у нас разное видение ситуации. Кто смотрит на поле брани с высоты своего роста, у того одна логика действий. Кто смотрит с высоты птичьего полета, у того — другая. Мы стараемся подняться на максимальную высоту, доступную человеку. Кто не хочет лезть туда вместе с нами, рискует превратиться в марионетку, которую заставляют идти за «морковкой».

Фашисты соблазняли возможностью стать первым благодаря «правильной» форме носа. Коммунисты — лозунгом «грабь награбленное». Демократы соблазняли призывом «обогащайтесь» и пустопорожней риторикой о «маленьком счастье», правах и свободах. «Морковкой» всех демократических революций был лозунг «грабь награбленное». К чему ведут эти лозунги, никого не заботит. Рассуждения на тему «куда мы идем» никогда не омрачают сознание масс. Раньше они становились коммунистами, фашистами и демократами, так и не понимая, что же это такое. Их привлекал набор случайных обстоятельств, показавшихся им интересными. Сегодня их ничто не привлекает, потому что массу духовно кастрировали и она уже мало способна озадачиваться темами, выходящими за границу сугубо личных и очевидных интересов.

Допустим, мы не правы. Если так, предложите свою идею. Откуда, по-вашему, должна братья настоящая власть? Народ заставим выбирать? Или силой возьмем? Или иначе? Из какого источника она должна исходить? Может быть, у вас есть какой-то иной принцип? Нужно подойти к решению проблемы конструктивно, а не «просто наворотить делов, а там будь что будет».

Андрей ШАЦКОВ

ГODOVЫЕ ТРОПЫ

АВГУСТ 2007

Здравствуй август, как обложка глянцево́й,
От росы упавшей на траву...
Палевый, зеленый, померанцевый,
Отразивший в плесах поутру

Небо,
 поздним светом осиянное,
В шелесте и треске птичьих крыл.
Здравствуй август, время покаянное
Расставанья с тем, что так любил.

С тем, что было с Рождества завещано,
Обещаньем неземной любви
Той земной, обыкновенной женщины,
Что сыновни волосы мои

Гладила,
 шарфом пуховым кутала
Шеи выпирающий кадык...
Опускалась ночь свинцовым куколем,
Оставалось времени впритык

До прощальной поминальной ростани,
За которой свет не так уж бел,
Как белы палат больничных простыни,
Уводящих в сумрачный придел!..

Здравствуй, август! Подари спасение,
Ну а если вдруг спасенья — нет.
Пусть печальным праздником Успения,
Ляжет в землю штрифель и ранет.

И растают горьким дымом в просини,
Литии бесплотные слова...
И не будет мамы в этой осени,
И не будет в осени тепла!

ОСЕНЬ, ДЛИСЬ!

Осень, осень, листвы пепелище,
Да холодная рябь по пруду.
Стали воздуха легче и чище.
Тяжелеют рябины в саду.

Расстели свой Покров на полсвета.
До Николы предзимье простри.
Недосказанность бабьего лета,
За уход неурочный прости.

Осень, осень — от веры к надежде
От надежды до поздней любви.
Так и мыкаюсь, путая вежи:
Спас-на-водах и Спас-на-крови.

Так и жду запоздалого снега
Седину,
на сады и виски,
На «скончанье» двадцатого века,
И похмелье поминной тоски.

И предчувствую зимнюю скуку,
Нарастающий лед на реке...
Уменьшая с весною разлуку
Осень, длись...
многоточьем в строке.

И покуда в небесную просинь
Льется солнечный свет на дворы
Осень, длись нескончаемо...
Осень —
Золотые шары и миры!

ПОЛУГОДИНЫ

Юдоль окончания жизни земной.
Пора ледостава...
А мама — как Ангел была за спиной,
Но мамы — не стало.

С апреля прибавилось горьких седин —
Печали добычи.
Обряд отмечания полугодин —
Славянский обычай.
Мы рано зажжем за окошками свет,
Затеплим лампаду.
Украсим живыми цветами портрет.
Так надо.

 Так надо.
Поднимется к горлу шемающий комок,
Прольется слезами.
Прости, убережь тебя, мама, не смог.
Лишь память о маме
Стучится ночами в скрипучую дверь.
И в образе светлом
Пребудет в синоднике главных потерь
Разлукой и пеплом.

ПЕРВОЗИМЬЕ

Вот опять на дворе беспробудного царства пора.
И на смену предзимью приходит черед первозимью.
Вечереет с утра,

 и безмолвие бродит с утра,
Подпоясавшись рек и проток остывающих синью.

Первый лед, первый снег — до оскомины, право,
 скучны.

Я — не пес, чтобы в свежих порошках валяться...
Эти странные строки, наверное, даже грешны.
Ведь уныние — грех, утверждают наивные святцы!

А на святки кудесить, в «личинах» и «харях» скакать,
Мне — за пятый десяток шагнувшему, в общем,
 не дело.

Лучше ты расстели на двоих, как и прежде, кровать.
И теплом своих рук отогрей мне усталое тело.

Ну а душу, покуда жива у поэта душа,
Отогреет любовь,
 что приходит душе во спасенье.

И бездонные снега на землю прольет из ковша
Млечный путь...
 и до светлых минут Воскресенья

Им лежать — этим вечным, матерым снегам,
Чтобы полнила грусть непонятные, рваные строки.

Первозимье...

Иду поклониться соломы стогам.
Обелисками лету застывшими возле дороги.

РОЖДЕСТВО НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Святая ночь, святое торжество —
Настало,
и шагами пилигрима
Спускается на стогны Рождество
Со стен и башен Иерусалима.

В небесной грусти Гефсиманский сад.
Песок и камень овамо и семо.
Здесь пуп земли, так книги говорят.
Здесь луч Звезды достигнул Вифлеема.

Здесь нет лесов, где правят волшебство
И колядуя, втайне тешат беса,
Но все равно встречают Рождество
Желанное и жданное...
Завеса

В сочельник расточается пурги,
Ложась пуховым платом на дороги.
Здесь не слышны тяжелые шаги,
И к валенкам привычны с детства ноги.

Отсюда так далек Ершалаим
Библейский,
над Гихона берегами.
Здесь торжествует в силе Третий Рим —
Московия, над грузными снегами!

Здесь я рожден, и будит сердце зря
Загадочной страны призыв и вызов.
Восточная лимонная заря.
Русскоязычный шепот кипарисов.

АПРЕЛЬСКОЕ

Это свежее небо, глядящее в бездну воды.
Свет Фавора, струящийся ниц из созвездий бутона...
Где-то там, за рокадой, пропали былого следы,
И Кощеево царство асфальта, стекла и бетона.

Только духовные наши святыни
Светом немеркнущим тянутся к нам!
Ближе, и пристальней, и неременней,
Нас поднимая до смысла судеб
Связей земных и родных поколений,
Истину нам поднося, словно хлеб.
Ну, а она — в сопричастности вечной
С тем, что за гранью любых облаков
Реет над этой планетой увечной,
К вечному свету во веки веков!

* * *

Озимь под снегом. Погодка
Выдалась не ко двору.
Эх, голубая походка,
Да на слезящем ветру!
Дома сольемся дыханьем...
И полушалонок к ногам...
Тихим и грустным сияньем
Шелест волос по губам...
В печке заноят поленья,
Ночь с распростертых полей
Выпадет как искупленье
Скучных и пасмурных дней.
С выдохами ледяными
Над занесенной избой...
Имя, шепчу твое имя —
Жизни не хватает самой...

РУБАШКА

Почитай, что остался лоскут
От рубахи когда-то веселой...
И дожди над равниною голой
Поредевшие травы секут.
Засорило всю душу листвою.
Ты ж, склонившись над брэнною тканью,
Целиком отдаешься старанью —
Терпеливо мерцаю игою.
Располынное счастье мое!
Всю-то жизнь мне рубашку латаешь,
Словно помнить и знать не желаешь,
Что родился на свет — без нее!

* * *

Вот опять день и ночь, день и ночь
В поле вьюга дымится.
Стонет печь, и хандра моя — прочь!
В окнах — белые птицы.
В светлой горнице скóбленный стол,
Половицы скрипучи.
Я сюда не случайно зашел,
Приманил меня жгучий,
Крепкий мед ветром тронутых губ,
Острый крик петушиный
И сосновый, приземистый сруб,
Запах в сенах полынный.
Здесь покой с каждым вдохом растет,
Словно тесто в опаре.
Здесь красавица дочка живет
Николая да Марьи.
На нее мне украдкой взглянуть —
Словно снегом умыться...
Эй, хозяин, дай вьюги глотнуть!
Эй, хозяин, позволь мне жениться!

В ДУБРОВЕ

Как сладко лежалось в полынном чулане!
В сыром палисаднике ветер крепчал.
Светилась подушка, а ты о Татьяне
Под отблески молнии думать устал...
Накрапывал дождик в сосновые стены,
Качались деревья за мутным окном,
Так громко антоновкой пахло и сеном!
Так остро мерцало в сознание твоём:
Что годы уйдут, и вовеки не станет
Ни глаз, ни улыбки ее, ни души,
И никого уже это не ранит,
И не встревожит... Печалься, дыши
И прикасайся к морщинистым бревнам
Крепким своим упругим плечом,
Думай с высокой любовью о кровном,
Может, для этого мы и живем...

Иван ЩЁЛОКОВ

ЖАЖДА РОСЫ

* * *

Уходим не мы, а уходит эпоха.
Уходит тихонько, не хлопая дверью,
Как трепанный жизнью сосед-выпивоха,
Как та деревушка в болотах под Тверью.

Ей наших напутствий в дорогу не надо,
Она не сторонница людных прощаний.
Уходит и все! Как пора листопада,
Как девушка в женщину после венчанья.

Пока я с народом на пляже под Сочи
Согретому морю восторженно внемлю,
Эпоха с подножки вагона соскочит
И скупо дождем впитается в землю.

* * *

Ни весной, ни летом врагов
Не имел и нажил их по мере
Приближения холодов
И охоты на дичь и зверя.

Кто они мне, и кто я теперь?
Между нами тропа — двустволкой.
Я не просто опасный зверь —
Коренной из семейства волка.

Мечь как страсть. Тугой патронташ.
Метким выстрелом в темя — слово:
— Он не наш! Он не наш, не наш!
Мы в расход его, без отлова.

Я когтями впиваюсь в дерн,
Ухожу по яруге в степи.
И под каждым моим когтем
Жаром пыхает порох стеблей.

И под каждым моим когтем
Жажда схватки и ярость травли

Роют пулями чернозем
И свинцом окропляют травы.

И под каждым моим когтем
На удачу всей зверской мощью
Полыхает живым огнем
Распаленное сердце волчье...

Я уйду от своих врагов!
Я вернусь под родные кроны!
Лягут в лунки моих следов
Эхом стрелянные патроны.

* * *

Неужели снится?
Страшно, хоть кричи.
Над погостом птицы —
Черные грачи.

За оградой память —
Бабка, дед, отец...
Хватит душу маять:
Есть всему конец!

У крестов начала
Не было и нет.
Птицы зря кричали,
Всполошили свет.

На весенней льдине
Сплавлен груз сердец:
Хата у плотины,
Бабка, дед, отец...

И ничто не снится.
И не страшно, нет.
Просто криком птицы
Всполошили свет.

* * *

Окраина и глушь. Из бензобака
Не топливо, а кровяную жижу
Сосет мотор, подобно вурдалаку...
Бомжи поодаль, упражнясь в драке,
Осваивают собственную нишу.
У свалки, к лесу и чуть-чуть пониже,
Хозяйничают драные собаки.

Век синантропный обнажает рожу,
Мутантов лепит из геномов свалки
И как хирург кроит чужую кожу,
Чтоб все друг с другом были внешне схожи:
Бомжи, ежи, куницы, зайцы, галки
И хищники из близлежащей балки, —
Кто вне дерьма существовать не может.

* * *

За город, за город! Скорее к росе!
Прохладою смоемся усталы.
Шашлычным набором на жало шоссе
Нанизана Новая Усмань.

Дорожных кофеен, вина, шашлыков
Чурается что-то натура.
Мне надо туда, где среди лопухов
От зноя хоронятся куры.

Политикам разным ладонь пожимал,
Здоровался и с президентом,
Но что-то умней от общенья не стал,
Мотаясь по всем континентам.

Зато без речушки в густых камышах,
Без юркой на ветке синицы
До нитки обобрана скукой душа
И вряд ли на что-то сгодится!

Леонид КОРНИЛОВ

СКИФСКАЯ МАДОННА

* * *

Моя праматерь — амазонка
В седле расшитом. Меч в руке.
А за спиной — колчан с ребенком.
И конь, распластанный в броске.
Простор качается под нами.

И я в разрывах дымных лет
Играю первыми словами,
Зажав коленками Тибет.
Сквозь пальцы лью янтарь варяжский.
И север пью, как молоко.
И слышу лук на вздохе тяжком,
Стрелу пускающий легко.
Взметнется снег, прикрыв собою.
Ударит стремя по земле.
Но я, усыновленный боем,
Как в зыбке, вырасту в седле.
И вновь увижу: в вихре конном,
Планету превращая в путь,
Несется скифская мадонна
С младенцем русским, взявшем грудь.

* * *

Твои подруги смотрят, словно судьи.
А нас ведет трагический мотив.
Похоронила мужа и... танцуешь,
На белый танец призрак пригласив.
Я для тебя — бесплотное создание.
Слов нашатырь массирует виски.
Любить ушами — это наказание
Для женщины, оглохшей от тоски.
Когда-нибудь по швам располосуешь
Свой многолетний траурный наряд.
Ну а пока ты медленно танцуешь,
Из прошлого не возвращая взгляд.
Раба любви устала быть вдовою.
Я слышу, как рука твоя слаба.
И страшно мне быть названным тобою
По имени усопшего раба.

* * *

Мне последнего слова не надо.
И когда хлынет кровь под кадык,
Из меня, как чеку из гранаты,
Время выдернет русский язык.
И сорвет оглушительной силой
Свет со звезд, словно пламя со свеч.
Над воронкой размером с Россию
В космос вздыбится русская речь.

Немота перейдет все границы.
И полмира забудет слова.
И минута молчанья продлится,
Может, год, может, век, может, два.
Но когда кошельками моллюсков
Мир себя до отвала набьет,
Он очнется и вспомнит про русских,
Про бесхитростный русский народ,
Раздаривший Аляску и правду,
И поднявшийся к небу впритык.
Мне последнего слова не надо.
Говорить будет русский язык.
Он из наших последний великий
Прикрывает надежно отход.
Лишь иконы и книги, как лики,
Остаются на полках высот.
Что хотите вы мне говорите...
Как в пространстве царит высота,
Так числом русских букв в алфавите
Измеряется возраст Христа.
Древним словом мы с будущим слиты.
Человечество — наш ученик.
Наш круг чтения — земная орбита.
Наша Родина — русский язык.

* * *

Мой современник, соплеменник,
Стоящий в очередь в обменник,
Мы — только спицы в колесе
С мельканьем страха на лице.
Ты мой сокамерник по грусти,
По курсу доллара сокурсник.
Но в повести летящих лет
О нас упоминанья нет.
Не то что в списках храбро павших —
Нас не найдут и в списках наших.
Ты понимаешь, мы с тобой —
Разрыв во времени и сбой.
На фоне разиных и зорро
Живем заразно и позорно.
И вены вскрывшая страна
Смывает наши имена.

Сергей ЩЕРБАКОВ

СОВЫ В ДОМЕ

РАССКАЗ

Моему другу Андрею Хвалину

У нашей калитки стоит дуб. Под его сенью любой гость успокаивается и разговаривает тихим голосом. Если утром я забываю поприветствовать дуб, он ласково касается листьями моего лица: «Не суетись». Глажу шероховатый родной ствол: «Здравствуй, дружок».

За двадцать лет деревенской жизни много народу побывало у нас под дубом. Конечно, чаще всех — сосед Александр Иванович и вездесущие Зоя с Геней. Без них в деревне шагу ступить нельзя: они и пахали, и дрова заготавливали; да любая работа у них в руках горела... Здесь, под дубом, Мишка, крестник моей жены Марины, переборол гордыню — попросил у меня прощения. Однажды жизнь скрутила его в бараний рог. Несколько раз попадал в больницу, потом никак не мог подходящую для слабого здоровья работу найти. Чтобы не испортить подачками, я с детства придумывал Мишке с его неразлучным другом Панькой, моим крестником, заделье: двор убрать, воды нанести; когда подросли — дрова расколоть, щели мхом законопатить... На этот раз надо было помочь весомее. Заказал Мишке столик для компьютера. Деньги я вперед не даю —

ПРОЗА

учен много раз — но уж очень он нуждался. Сначала у Мишки материала не было, потом выздоровел — на работу устроился... пятое, десятое. Я про долг не напоминал, а он старался не попадаться мне на глаза. За целый год раза три издали виделись, и Мишка сворачивал в сторону. Очень это было печально.

В конце июля, накануне главного для нас с Маришей события — крестного хода из Борисоглеба в Кондаково, на родину преподобного Иринарха, — звонок в калитку. Вышел и глазам своим не поверил — Мишка склонил голову под дубом: «Дядя Сережа, я долг принес. Спасибо... Простите». Не иначе как сам батюшка Иринарх его привел. От радости я про все свои болезни забыл: «Ты понимаешь, что ты сейчас сделал? Ты не деньги отдал, а богатство приобрел. Этим поступком мужским ты себя из грязи вытащил». От всей души обнял его, расцеловал: «Вовремя ты пришел — завтра крестный ход начинается. Знаю, знаю, ты у нас теперь человек занятой, но хотя бы в воскресенье, в последний день, приезжай на мотоцикле со своей Анжелкой в Кондаково. Километр от храма до святого колодчика как на крыльях пролетите — тоже станете крестоходцами!»

С тех пор жизнь у Мишки снова наладилась.

* * *

В прошлом году прибыл к калитке под дубом Лешка — не забыл наши встречи на берегу реки... Несколько лет назад он продал мешок колхозной муки. Суд почему-то все откладывали, откладывали, и Лешку, чтобы не тратить на него казенные деньги, отпустили пока домой. Да и куда ему бежать? Он же не олигарх Березовский. Лешка даже пить бросил от такой нечаянной радости. Все дни спозаранку сидел с удочкой на нашей прекрасной реке Устье. Поглядывал на поплавок, на небо, на землю... Слово хотел нарыбачиться, наглядеться на весь срок заключения. Каждый день, гуляя в лугах с Малышом, моей зырянской лайкой, я разговаривал с Лешкой. И однажды он признался: «Антонич, в этот раз очень тяжело мне идти туда. Вряд ли я вернусь...»

И вот, после отсидки, Лешка благодарно пришел к моей калитке — не забыл, как я проводил его в нелегкий путь парой добрых слов. Я пригласил в дом, но Лешка, конечно, отказался: «Не зима — чего зря пол топтать». Скром-

но сел на ступеньку крыльца. Рассказал, как жил в лагере. Что все, слава Богу, обошлось. Я посочувствовал: «До-сталось тебе там?» Он улыбнулся: «Нет. Меня ведь там Пошехоном зовут». В его родном Пошехонье почти все деревни вымерли, а оставшиеся крестьяне рассеялись по Ярославщине. Неужели и в лагерях уважают страдания русского крестьянства?! Звучит-то, конечно, красиво «Пошехон», но прозвище негрозное, нестрашное, а Лешку не трогали...

Напоследок, по-крестьянски тщательно затоптав окурок — в деревянных домах живем — Лешка доверил новую печаль. Оказывается, обыграл там одного «подкрученного». Тот поставил на кон все, что имел: квартиру, машину... подругу. Теперь ему надо долг отдавать либо Лешку убивать. Лешка виновато пояснил: «Я-то, конечно, сразу простил ему все, но у них законы другие...» На этот раз я только дакнул. Когда сказать нечего, тогда и «да» хорошо.

Лешка праздновал все лето. Пьяный простудился и умер в бреду. Даже на работу не успел устроиться. Предчувствие все же не обмануло его. На этот раз он не вернулся...

Однажды, трапезничая в нашем монастыре, я вспомнил, что несколько лет Лешка работал здесь сварщиком. Рассказал братии его печальный конец. Они не на шутку заперевивали: была ли панихида? «Если нет, то мы отпоем — он хороший был человек. Не обидчивый. Безотказный».

* * *

А недавно вышел я по звонку — под дубом, отведа от лица ветку, стоит Борис: «Дядя Сережа, у вас работа найдется?» Он тоже то ли мешок колхозного зерна пропил, то ли бидон у дачников стащил и на днях вернулся из мест не столь отдаленных. Знакомый монах как-то с горечью промолвил: «Кто миллионы наворовал, того посадить не могут, а русского мужика за алюминиевую ложку на три года за решетку прячут».

Хотя Бориса я не провожал в тюрьму, но его младший брат Панька — мой крестник. Потому крикнул с крыльца: «Приходи через недельку, тогда что-нибудь придумаем. Сегодня в Москву уезжаю». Он понятливо кивает, но ветку из руки не выпускает. То ли стало ему хорошо, надежно под дубом, то ли денег сейчас попросит? Посуrowел я — давно на водку не даю. Хлеба — пожалуйста. Но

все-таки дуб пересилил — Борис неожиданно спросил: «Что-нибудь новое написали? Мы на зоне ваши книги читали. Потом обсудили...»

— Ну и как?

— В общем, решили: читать можно. Но двух вещей не хватает. Одна книга называется «Про зырянскую лайку». А раз про лайку, то ружье должно быть. А у вас нету. И еще, не хватает домашности.

Я обрадовался — Чехова они тоже читают. Он как-то сказал, мол, если писатель помянул про ружье, то оно потом обязано выстрелить. И, конечно, в лагере люди тоскуют по дому. Точно они подметили: в деревне я часто живу один, а какая домашность без хозяйки!..

Борис мотнул головой влево: «У Брызгаловых в доме совы завелись. Ночью так кричат...» Я тоже каждый вечер вздрагиваю от криков этих сов. Кивнул, дескать, знаю. Но потом до меня дошло: Борис непросто вспомнил про них, а прикровенно подсказал тему: как совы в доме завелись. Вовремя подсказал — я за девять месяцев ни строчки не написал...

* * *

А завелись совы в доме Брызгаловых так. Жили в нем русские крестьяне, Николай Иванович и Александра Ивановна. По-нашему, по-деревенски, дядя Коля и тетя Шура. Хлебнули они горюшка досыта. Еще подростками отдавали «все — для фронта, все — для победы». С рассвета до заката кланялись каждому колоску, каждой картофелине, а сами частенько ели лебеду с ботвой! Кончилась война, и опять их призвали подтянуть потуже пояса и напрячь все силы, чтобы поднять народное хозяйство в кратчайшие сроки... При Брежневе вздохнули было облегченно, тут новая война — перестройка... За все лишения и труды героические Николай Иванович с Александрой Ивановной, как все советские люди, получили в награду от приватизаторов «волчару». Так у нас прозвали ваучеры, а самих приватизаторов — прихватизаторами! Стали наши крестьяне никому не нужны. В Америке да в Турции с Китаем всего полно — не знают куда девать. Старший сын дяди Коли и тети Шуры Виктор в поисках лучшей доли женился во второй раз и переселился в другой район. Младший, Колянка, родившийся в конце семидесятых, учился уже в той школе, в которой не знали чему

учить, то ли добру — как стать настоящим человеком, то ли злу — как деньги делать. Потому он научился только дешевую водку пить. А от водки этой не просто пьянеют, а дуреют. Сначала Колянка выгнал жену и остался с двумя малыми детьми. Конечно, их взяли на попечение Николай Иванович и Александра Ивановна. Тетя Шура уже очень болела. Из окна я видел, как она каждоденно, опираясь на палку, ковыляла в другой конец деревни к Колянке. И каждый раз я с горечью думал, что вскоре она покинет земную юдоль. Но шли годы, а она все ковыляла и ковыляла. Я понял: Бог держит ее на свете ради внуков. Если она умрет — они погибнут без нее, без этой ветхой старухи.

А в позапрошлом году Колянка, одурев от телевизора, где свальный грех, где пьют, дерутся, убивают, запинал до смерти родного отца. Колянку посадили. Детей забрала мать в Ростов. Тетю Шуру сдали в дом инвалидов. Я попроведывал ее. Она лежала в палате для умирающих. На голой клеенке! Дал ей денег, но она, христианская душа, не взяла: «Зачем они мне? Тебе нужнее». А сама — на голой клеенке! Я молча показал врачу. Он устало промолвил: «Нянечка одна на столько душ, а зарплата у нее на хлеб да соль». Но нянечку все же вызвал, а та: «Простыней чистых нету». Врач пояснил: «Шофер наш в отпуске, а второго взять не можем — платить нечем. Некому белье в стирку отвезти. Зато по телевизору все решают, куда нефтедоллары девать». Я согласился с ним: «До нас они, видимо, не доходят».

На прощанье тетя Шура со слезами схватила за руку: «Скажи моим, чтоб забрали меня отсюда. Я буду где-нибудь на задворках лежать...» Слезную просьбу тети Шуры я не передал. Сноха Люся ютится с новым мужем и тремя детьми в комнате заводского общежития. Рассказывает: «Ночью, когда встанешь, боишься на детей наступить». Они спят на полу. У сына Виктора задворки есть, но и твердокаменная жена тоже имеется. Ей не пришло на ум подсказать мужу: «Давай возьмем твою мать к себе, пусть доживет у родных. Много ли ей осталось. И у нас совесть будет чиста». Видимо, она так не сказала... Тетя Шура отдала Богу свою измученную душу через три месяца после дяди Коли. Виктор же после похорон забрал из дома все, могущее пригодиться. А когда его спросили, что делать с собакой, зло ответил: «Пушкай подыхает. На хрен она мне нужна». Невдолге сам вдруг заболел раком. Очень боялся

умирать — все вызывал в больницу сына Вовку, которого вырастила бабушка...

Стоит опустевший дом Брызгаловых. Тяжело глядеть в его темные, словно глубокие омуты, окна. Бывало тетя Шура сидела у окошка, дожидалась сыновей да внуков. Соседке Капе все чудится дымок из их трубы. Но это струится от ветра листва тополиная...

А зимой за домом стали жутко кричать какие-то существа. Рэкс Ванюшкин лаял на них, но, словно боясь, далеко туда не заходил. Я уж думал: не звери ли какие ходят? Потом понял — совы это. Но все равно от их уханья не по себе становится, словно сама смерть рядом летает. И то — три человека из одного дома за год умерло!

В Псалтири сов называют ночными вранами. Воронами. «Яко ночный вран на нырищи» — птица смерти на развалинах!

Может, и навсегда опустел дом Брызгаловых. В лагере ведь как: изнасиловал — самого будут насиловать; избил — самого будут бить смертным боем... И там Бога помнят — по наущению матери попросила Саломия у царя Ирода голову святого Иоанна Крестителя на блюде, и самой потом голову между льдин зажало, отрезало, и принесло на льдине, как на блюде, к ногам матери... Так что вернется ли живым Колянка? Один Бог ведает...

* * *

Вечером хожу по двору. Гляжу на звезды далекие, думаю о близком — ставлю точку перед сном. Но теперь жутко хохочут совы и точку поставить трудно. Правда, летом они ведут себя потише. Лето не их время — тепло, светло. Это студеной зимой смерть везде хозяйничает. Потому летом совы не хохочут, а лишь жалобно плачут. Так обманчиво жалобно пищат почти все хищные птицы. И всё сов как-то не увидишь, словно тень бесшумно мелькнет над головой. Будто они живут на грани нашего и того мира. Зато присутствие их ощущаешь, как смертельную опасность. Уже не до звезд, не до туманных далей за рекой. Душа болит. Да и как же ей не болеть. Этой зимой пошел к реке. За околицей столько снега в полях намело! Решил по деревне погулять. Гляжу на потемневшие от русских метелей вековые дома и привычно думаю, что ничего лучше крестьянской жизни человечество не знает. Люди из таких бревенчатых домов много отдавали дру-

гим, а сами обходились малым. Грязи от них ни соседям, ни земле не было, не то что от нынешних жителей... И Бога они дольше всех помнили! Хрестьяне...

Для тепла все дома у нас чуть не до окон снегом завалены. Во многих стекла треснуты и заклеены бумагой. Нету денег на стекло, да и некому его вставить — мужики все полегли... Кто на полях брани, кто на пьяных «полях» перестройки и капитализма... Одни старухи еще фронт держат. Они у нас всегда самые стойкие. И сейчас в храме, в очереди на исповедь, обычно весь изведешься, даже сердисься на тех, кто долго исповедуется, а старухи горбатые стоят, опершись на костылик, и с улыбкой всех пропускают вперед, как малых детей...

В окнах темно, хотя спать еще рано. Свет они экономят. На их пенсию шибко не разгуляешься. Тети Нинин дом здорово вперед подался. Умрет она, и дом завалится. Пока в нем, самом старом-престаром, живут люди, он будет стоять. А уйдут — вскоре скособочится и упадет. И тети Валин дом назад присел. И стариков Перепелкиных. И Гены с Риммой. Эти хибарки даже дачники не купят. Разве ради земли.

Так, печально размышляя, до тети Лиды добрался. У нее, слава Богу, дом покрепче. Летом на луговине подле него — тысячи солнечных одуванчиков. Самых приветливых цветов. Идешь по тропинке, а они все дружно тебе кланяются. Может, потому их так много возле тети Лиды, что она самый благодарный человек в нашей деревне?.. Недавно прохожу возле ее дома, а она приветливо с крыльца кивает: «Спасибо тебе за иконку Иринарха. Я ночью, когда от грозы просыпаюсь, то прошу его: Иринарх, батюшка родимый, пронеси бурю в леса, там она никому не повредит». В ту же ночь меня разбудил страшный гром. Небо от грохота раскалывается. Молнии, того гляди, дом спалят. И сразу я вспомнил молитву тети Лиды: «Преподобне отче наш Иринарше, пронеси эту грозу в леса...» И что бы вы думали, молитву тети Лидину Иринарх услышал — гроза сразу прекратилась. Да и сама тетя Лида наверняка в ту минуту тоже молилась!.. А Спаситель сказал: где двое или трое соберутся просить что-либо во имя Мое, то будет им...

Тетя Лида в нашей деревне самая счастливая старуха. Каждый вечер вся деревня, кто с радостью, а кое-кто и с завистью, смотрит, как к ее дому подъезжает на синем грузовике внук Вовка, — они-то редко своих детей-вну-

ков видят. Чаше с карточками на стене разговаривают. Для нас с Маришей это одна из самых светлых минут — когда Вовкина машина катит по деревне. Кто первый увидит ее, непременно поделится радостью: «Гляди, Вовка едет!» Но умрет тетя Лида, и синий грузовик перестанет радовать нас. У Вовки квартира на центральной усадьбе, и он, конечно, продаст дом чужим людям.

Даже самая счастливая в нашей деревне тетя Лида страдает от одиночества — пригрела трех кошек и уж так с ними нянчится. Соседка Капа как-то съехидничала: «Лида каждый вечер по деревне ходит — кошек на ночь собирает». Мол, совсем с ума сошла на старости лет. А я возразил: «Одна останешься, может, и ты будешь кошек на ночь собирать...» Она сначала глянула недоуменно, но все-таки вспомнила, что один внук уже ушел из дома, что сын дешевую водку пьет (от нее половина русских мужиков отправилась на тот свет). Покорно согласилась: «Может, и буду».

Когда подошел к своему дому, то даже озяб от горестного итога: на нашем конце деревенском в недалеком будущем едва ли три крестьянских дома останется! Зинки с Пашкой, Варюшки с Ванюшкой, и Капин дом... Но Зинка с Пашкой, хотя и работающие, правильные, уже не крестьяне, на них деревня не удержится. Они работают в поселке и все-то домок и машинешку холят — для себя живут. Ванюшка с Варюшкой хотят крестьянствовать — прошлым летом завели корову Дочку, двух телят, козлят. Слушать Варюшку одно удовольствие. Про Дочку она рассказывает: «Мне говорили, не бери ее — корова малодойная. А я пощупала вымя и поняла — моя. Она у меня чуть не по ведру зараз надаивает. Верно говорят: плохих коров не бывает, бывают плохие хозяева». На нашем конце несколько лет ни одной коровы не было! Теперь есть у кого молоко, творожок, сметану взять. Когда слышу мычание Дочки, то радуюсь больше, чем соловьиному пению весной — оживает наша деревня. При встрече с Дочкой непременно крещу ее и ласково прошу: «Доча, помычи». Она, умница, подымает голову и трубно мычит на всю деревню... Мой самый родной поэт Николай Рубцов написал:

*Не кричи так жалобно, кукушка,
Над водой, над стужей дорог,
Мать России целой — деревушка,
Может быть, вот этот уголок.*

Устав от стужи русских дорог, наглядевшись по телевизору на «красивую» легкую жизнь, Ванюшка поддается всеобщему одурению — запивает. Варюшка тогда грозит продать Дочку и уехать в поселок к матери. В очередной Ванюшкин загул пришел я к ним. Варюшка сетует: «Не знаю, что делать? Уже и кодировка ему не помогает. Вон другие кодируются и по году, а то и по три держатся, а наш...» Я подсказываю единственное, что ей осталось, но и самое верное: «Надо тебе молиться за него». И вдруг у нее вырвалось: «Ну, уж нет». Сразу такая тоска взяла, хоть плачь...

Недавно Варюшкина соседка тетя Валя шепнула: «Ой, Сережа, вчера над их домом сова так и кружила. Так и кружила...» Мне тоже становится страшно, что она кружит «яко ночный вран на нырищи», и я прошу: «Господи, отгони от нашей деревеньки всех и всяческих вранов. Пусть они в непроходимом лесу живут. Там им место. Не допусти, Господи, чтобы Родина наша превратилась в нырище...»

Этим летом нашего полку с тетей Лидой прибыло. Небезызвестный мой дружок Мишка, крестник Маришин, с малых лет ходил по пятам: «Дядя Сережа, еще про ангелов расскажи...» Потом, вслед за мной, бросил пить и курить. Нынче рано деревенские ребятишки к этому зелью пристращаются. Но из телевизора круглые сутки бубнят, кто какого белья, каких штанов достоин. Вдалбливают в умы и души: нынче человеческое достоинство — в шмотье, в безделушках. Взятся и Мишка наш деньги копить — свои прятал, а жил за счет отца с бабушкой. На мотоцикл так накопил, а потом и на старенькую иномарку... Я ему не раз пенял, что так только нехорошие люди делают, что Бог от таких отворачивается, а то и наказывает. Мишка перестал заходить к нам. Вскоре, на заваленной снегом дороге, он зарулил прямо под колесо «КамАЗа». Слава Богу, успел упасть в соседнее кресло, и только ноги немного поцарапало. Пришел, наконец, ко мне. Опять попросил прощения; узнал, кому надо свечку за спасение поставить. Но вскоре собрался в Ярославль. Работы подходящей для него в деревне нет, и ничего больше не оставалось, как перекрестить на дорожку: «Ладно, поезжай с Богом». В Ярославле у Мишки все пошло как по маслу. Устроился плотником. Своя копейка появилась. Мастер, видя, что парень старательный, толковый, помог поступить на вечернее отделение в строительный техни-

кум. Мишка был переполнен рассказами о новой жизни и мы вместе мечтали, как он станет мастером, потом про-рабом, как построит себе дом... Но, человек предполагает, а Господь располагает...

Зимой приехал я в деревню, а навстречу по обочине Мишка бредет. Я даже не узнал его сначала. Подумал, мужик какой-то с похмелью еле ноги тащит. Оказывается, фирма обанкротилась — не на что стало жить, учиться. В общем, все пропало. Я, мол, заходи вечерком, постараемся с Божьей помощью твою беду развести. Но он не поверил — не пришел. Не раз попадался мне на дороге с опущенной головой, частенько я видел из окна его потерянную фигурку, но на этот раз я скрепил сердце — решил: хватит за ним бегать — двадцать лет парню. Когда человек сам помощи просит — ему можно помочь, а если не просит — навряд ли...

В следующий приезд из Москвы, сразу — в монастырь на Всенощную. Прямо на помазанье успел. Поставили елеем крест на лбу — весело на душе стало. А тут еще игумен радости добавил: «Мишка ваш у нас теперь работает». Вспомнил-таки не раз говоренное: будет худо — иди в монастырь; там плохому не научат, всегда помогут.

Теперь Мишка встает в пять утра и едет в Кондаково на святой колодчик преподобного Иринарха: лес валит, рубит крестовины для перил... Поздно вечером забегает ко мне восхищенный: «Вижу, как солнышко встает. Слышу, как журавушки кричат — они поселились близенько от колодчика. Такая там у нас красота, лучше всех на земле... Каждый день с ребятами в купальне окунаемся...» Я целиком разделяю Мишкино восхищение. Даже от избытка чувств как-то написал: «И в Москве помню, есть на земле место, где всегда день дышит прохладой, где текут из-под земли чудодейственные воды, дающие силу жизни... Где, трижды окунувшись в студеную воду в купальне, становишься будто ангелом бестелесным. Сидишь на пеньке подле колодчика, слушаешь ласковое пение воды, падающей из желоба, любишься на букет скромных синих васильков, положенный на крышку колодца чьей-то благодарной рукой, и вдруг явственно понимаешь, это ведь чудо из чудес, что ты попал сюда и был уже множество раз. С любовью вспоминаешь близких, с которыми был здесь, и печалишься о тех, с которыми не был. Не хочется уходить из этой райской кущи, но вот уже и тени скрылись на ночлег под корни дерев... Не-

спешно поднимаясь вверх по крутому склону, просишь только об одном: «Господи, дай еще побывать здесь!»

С улыбкой напоминаю Мишке, как привез его в первый раз на колодчик и он не хотел окунаться. Мол, бабушка запретила. Но все же поверил, что в святой воде даже младенцы не простужаются. Если бы простужались, то бульварные газеты такой бы вой подняли против «попов-фанатиков». Хотя самому мне однажды стало плохо в купальне — накануне я сильно обидел человека. После третьего погружения так кровь в голову бросилась, будто камнем в висок ударили. Насилу вылез наверх... Сегодня, когда собираюсь на колодчик Иринархов, стараюсь жить смирно, вдумчиво, как перед причастием...

Мишка теперь рассуждает как зрелый мужчина: «Если куплю Анжелке попугая (невеста Анжелка все клянчит у него попугая), то она потом норковую шубу захочет».

Знает уже, когда у русских людей праздники. Недавно Ленчик, мальчишка лет двенадцати, прикатил от Мишки мой отремонтированный велосипед. Завел во двор, а сам на яблони косится. Они все яблоками усыпаны. Глядя ему в глаза, я весело уличил его: «А кто сегодня ночью у меня яблони тряс?» Ленчик ответил совсем по-взрослому: «Дядя Сережа, не я. Яблоки до воскресенья нельзя вкушать». Я не поверил своим ушам: «Ну-ка, ну-ка, повтори, что ты сказал». Ленчик смущенно повторил от кого-то слышанное: «До Яблочного Спаса яблоки вкушать нельзя». Захотелось расцеловать его «за пробуженный в сердце май». На нашем конце деревенском коровьего мычания не было слышно несколько лет, и то душа человеческая осиротела! А вот такие прекрасные, живительные слова русские ребяташки не произносили, да и не знали их совсем, уже лет семьдесят! Яблочный Спас! Медовый Спас! Вербное воскресенье!.. Конечно, я догадался, это Мишка просветил. Дедушки с бабушкой у Ленчика нет; мать с отчимом неверующие. Да и не до Бога им. Одно знают — работу да водку...

Недавно сбылась Мишкина мечта — игумен доверил ему баранку монастырского «уазика». И ныне мы с Маришей, да и наверняка многие деревенские, с радостью глядим через стекло, как Мишка подруливает к своему дому на вездеходе цвета сибирского жаркого цветка. А в окне сияет в неизменном белом платочке его бабушка Капа. Может, и не придется ей кошек на ночь собирать, как тетя Лида?.. И на голой клеенке не придется умирать в казенном доме, как тетя Шура?..

Думаю, это самые счастливые минуты для нашей деревни. Даже счастливее, чем когда Вовка подъезжает на синем грузовике... Правда, я уже опять переживаю за Мишку. Внушаю ему, что Лешка Пошехон тоже работал в монастыре, а кончил печально — потому что нога его редко порог храма переступала; что быть рядом с игуменом монастыря не только почетно, но очень непросто, даже опасно. Почти все водители, которых я знаю, очень уж загордились. А как же, такое духовное лицо каждый день рядом с ними сидит! Один, когда его пытались смирить, так и сказанул: «Везде водитель — второй человек в монастыре после игумена». Вон куда метнул, что он над всей братией монастырской поставлен... В общем, заплутали они в трех соснах... Но... все в руке Божьей. Главное, нашего христианского полку с тетей Лидой прибыло. Есть сегодня кому в деревне молиться! «Господи, отгони от нас ночных вранов. Убереги корову Дочку. Пронеси в леса все грозы. Сохрани нашу родную деревеньку, которая ведь — мать России целой...»

* * *

В конце мая снова зазеленеет наш дуб и вернется из армии мой крестник Панька. Пятилетним ребенком он пришел к нам на картофельное поле и спросил: «Можно я вам помогу?» Мы сначала засмеялись такому помощнику, но потом решили: пусть побалуется — все равно скоро уйдет. А он копал весь день! Все два года Панька служил в Сарове. Верю, батюшка Серафим, чудотворец Саровский, приведет его к нашей калитке под дубом...

Олег ПОВЕТКИН

РАССКАЗЫ

САМЫЕ МАЛЕНЬКИЕ ДОХОДЯГИ

Совсем молодая, небольшого роста, чуть полноватая и очень миловидная женщина пытается выбраться наружу из окна своей скромной квартиры. На дворе раннее, стылое северное утро. Слышно, как по главной улице Магадана несутся машины. На женщине красивое осеннее пальто, светло-серая шапочка и белые, с красной оторочкой, легкие торбаса. Она всю упирается ими в стену, а руками пытается удержаться за распахнутые рамы. Этаж хоть и первый, но довольно высокий.

А метрах в двадцати широкоплечий кудрявый молодой лейтенант госбезопасности вдруг оборачивается, отпускает крепкое словцо и во всю прыть несется через двор к дому. Дело в том, что это его жена висит на окне. Если рамы не выдержат, оторвутся от хилых скоб, его любимая грохнет на землю.

— Светка, ты что, совсем дура?! Ну, зачем ты лезешь в окно? Хочешь разбиться? Отпусти раму, я тебя поймаю.

Светка отпускает раму и летит вниз, в надежные объятия мужа. Утвердившись на земле, поправляет сбившиеся торбаса и отряхивает пальто:

ПРОЗА

— Дура, говоришь? А зачем ты меня в комнате запер?
— Не хочу, чтоб ты работала! Моей зарплаты нам с лихвой хватит.

— Работать я начну уже сегодня. И не командуй! Я дипломированный врач и иду устраиваться в больницу. До вечера!

И действительно, часам к десяти желанное заявление подписано, трудовая книжка заведена, и ее, теперь уже врача детской городской больницы, главная медсестра ведет знакомить с персоналом. Пожимая руки коллегам, Светлана, по счастливой привычке чистых и безгрешных натур, смотрит им прямо в глаза и ни в одних не обнаруживает живого блеска. Она сердцем чувствует, что все вокруг какие-то подавленные, невеселые, безысходные. Ее начинает одолевать безотчетная тревога. Светлана пытается понять, в чем дело. Она старается разговаривать то одну медсестру, то другую и даже вызывает на откровенный разговор главврача. Но никто ее словно не слышит. И только одна санитарка шепнула: «Скоро сама все увидишь».

И вот как-то поздней ночью за окнами Светланиного кабинета в мутно-сером тумане показался яркий свет фар. Двигатель грузовика заглох у входа в больницу, и в коридоре появились какие-то мрачные люди в штатском, но с отчетливой военной выправкой. Их было трое, и каждый держал под мышкой по небольшому свертку. Они направились напрямиком в кабинет главного врача, вероятно, поднятого из постели и вызванного на работу заранее. Выглядит он очень плохо: под глазами синева, лицо серое, безжизненное. Тут в кабинет входит Светлана и вдруг видит, что один из свертков, лежащих на кушетке, слабо шевельнулся. Она бросается к нему, но один из «штатских» крепко берет ее за руку. Светлана с диким криком кусает эту твердую руку и распахивает пеленку. Там маленький ребенок, младенец, похожий на скелет. Другой «штатский» со значением смотрит на главврача. Понятно, что вскоре станет с этим человеком, если, паче чаяния, Светлана на следующий день где-нибудь проболтается об увиденном или вообще поднимет шум на весь Магадан.

Через минуту все трое равнодушно выходят из кабинета и направляются к автомобилю.

Светлана бросается за ними. Несмотря на молодость, человек она проницательный. Она подходит к самому

пожилому и вежливо, почти ласково спрашивает, откуда привезли этих младенцев. И узнает от сально разулыбавшегося старого бабника, что деток возят с 23-го километра Колымской трассы, где находится ЖенОЛ — женский особый лагерь.

Там же, на территории лагеря, расположен, оказывается, и «детский сад», где «трудящимся матерям — врагам народа» позволяют раз в сутки покормить своего ребенка грудью. Но какое может быть молоко у женщины, работающей на лесоповале?! Поэтому младенцы «доходят» быстро.

Рано утром, отпросившись у дежурного врача, Светлана бежит домой, чтобы поговорить с мужем. Она врывается в их крошечную комнатушку и видит, что муж еще дома, причесывается у маленького, висящего на стене зеркальца. Анатолий замечает в зеркале жену, резко, с радостью, оборачивается и слышит истошный крик:

— Ты все знал?!!

— Дорогая, ты о чем? Наверное, тебе нездорово...

И тут с лица Анатолия начинает сползать искренняя, белозубая улыбка, щеки медленно сереют, а широкий гладкий лоб покрывается крупными каплями пота.

— Да, ты все знал...

Светлана медленно, как больная, опускается на стул.

— Дорогая моя...

— Молчи!

— Милая, послушай! — и Анатолий осторожно присел на соседний стул.

— Не хочу тебя видеть! Ненавижу! Уйди-и-и!!!

Анатолий судорожно дернулся, подскочил со стула, потом тихонько двинулся в сторону еще не застеленной кровати. И только опустившись на нее, сообразил, какую страшную ошибку только что совершил. С неузнаваемо изменившегося, осунувшегося и побелевшего лица жены на него глядели пылающие гневом карие когда-то, а сейчас желтые, как у кошки, глаза. Взгляд этих бесконечно любимых и всегда мягко улыбающихся глаз, наполненных теперь стеклянной жутью, начал медленно переходить с лица Анатолия на подушку и обратно, на подушку и обратно... Анатолий понял, какие мысли сейчас роятся в голове жены. Она представляет себе, с кем она сегодняшним вечером разделит супружеское ложе. С пособником убийц! Анатолию стало по-настоящему страшно. Он обхватил плечи руками, опустил низко голову и на не-

сколько минут словно заledenел в этом положении. Он тоже думал, думал, думал... Наконец он поднял голову, взглянул на жену потухшими глазами и горестно произнес:

— Светочка, родная! Пойми, хорошая ты моя: здесь ничего нельзя изменить. СИСТЕМА!

...На следующее утро из подъезда этого дома вышла молодая, хорошо одетая женщина невысокого роста, очень похожая на ту, что днем раньше пыталась выбраться из своей комнаты через окно и потом у стены ссорилась с мужем. Только, пожалуй, чуть старше и серьезней. Быстрым шагом она двинулась вверх по проспекту и через четверть часа уже входила в двери детской городской больницы.

— Глафира Федоровна! — позвала она главную медсестру. — Соберите весь средний и младший персонал и направьте в мой кабинет. И обязательно приходите сами.

Через десять минут в кабинете Светланы Гордеевны сидели на стульях и стояли вдоль стен фельдшеры, медсестры, нянечки, повариха и совсем молоденькая уборщица.

— Сколько у нас сегодня рожениц с лактацией?

— Четверо.

— А доходят?

— Живых?

— Да, живых.

— Один.

— А сколько их привезли этой ночью?

— Трех.

— Сколько из них были живы?

— Двое.

— У того, второго живого, а теперь мертвого, шансы были?

— Матушка ты наша! Кто ж такое знать может! Как проверить-то?

— Вот ради этого я вас тут и собрала. Проверять будем так. Все молодые мамы сдадут сегодня поздно вечером часть своего молока — кто сколько горазд. Когда приедут эти... В общем, небольшой запас молока каждой ночью должен быть наготове. Доходяжкам давать по десять граммов на каждый прием. Большой порции за раз их желудочки не освоят. Всех мам хорошенько кормить и только домашней пищей! Список предпочтительных блюд полчат все.

Светлана Гордеевна что-то записала в свой большой зеленый блокнот и тяжело вздохнула:

— Что еще сказать... Кто выживет — тот выживет! Но я уверена, что выживать их будет все больше и больше.

И тут от окна раздался панический вскрик:

— Так ведь нельзя же, чтоб они выживали! Обязательная утилизация, приказ товарища...

— Ну и дура ты, Катька! Круглая дура. Круглее не бывает. А еще фельдшер! — прозвучало вдруг от двери.

...Светлана посмотрела на часы: пробил первый час ночи. Анатолий возвращался со службы обычно не позднее девяти. На электроплитке давно уже остыли макароны по-флотски, любимое блюдо Толи. Светлана подошла к телефону, сняла трубку, набрала номер дежурного по части, где служил муж, и попросила позвать его.

— А он давно спит, Светлана Гордеевна, — вежливо ответил дежурный.

— Как — спит? Где спит?!

— В Ленинской комнате, на раскладушке. Сказал, что устал, что завтра на службу раньше обычного. Ученья у нас, понимаете ли... Хотя если судить по его виду, то можно подумать, что у вас с ним...

— Ничего у нас с ним! Поднимите его и отправьте домой... пожалуйста.

Через десять минут у подъезда затормозил автомобиль и из него выпрыгнул Анатолий. Распахивая шинель, он зашел в комнату и вопросительно уставился на жену.

— Быстро за стол, я макароны четвертый раз грею. Вон, все уж высохли на сковородке.

Ужинали молча, лишь иногда обмениваясь пристальными взглядами.

Когда укладывались спать, Светлана тайком сунула что-то себе под подушку.

— Что это там у тебя? — заинтересовался Анатолий.

Ни слова не говоря, Светлана достала из-под подушки небольшую иконку и, положив ее на правую ладонь, поднесла к глазам мужа:

— «Всех скорбящих радости» называется.

— Светка, ты с ума сошла! Меня же за нее упекут, если узнают!

Тогда Светлана извлекла из-под подушки еще один предмет — фотографию 9х12, держа ее «лицом» вниз.

— А это что? — спросил Анатолий, с трепетом глядя в холодные, жесткие глаза совершенно переменившейся за одни-единственные сутки жены.

— А вот что!

И перевернула фотографию. На любительском снимке, еще слегка влажном, были изображены четыре костистых младенческих трупа, лежащих рядышком на боку.

— А за это что нужно сделать, и с кем?! Упекут его... Спи уж там. — Светлана Гордеевна Гаврилова протянула руку к стоявшему у кровати старенькому, с дырявым абажуром, торшеру, дернула за шнур, и свет погас. — Спи...

Из прессы:

«Вчера, 18 июля 2007 года, поздним вечером, на пороге своего загородного особняка выстрелом в голову из малокалиберной спортивной винтовки был убит известный своей благотворительной деятельностью и благополучием в делах пятидесятидвухлетний банкир Гордей Гаврилович Светланин. Его личный капитал на сегодняшний день составляет сотни миллионов долларов.

Своих родителей банкир не помнил, так как родился в колымском лагере. Поговаривают, что имя, отчество и фамилию он получил от одного из врачей, лечивших его в младенчестве от крайнего истощения.

Процедура прощания с покойным и похороны состоятся 20 июля».

Спи, спи, спи...

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Не успел налетаться вволю, и вот, на тебе — пенсия уже на носу. Что ж, когда-то это должно было случиться.

Сергей Васильевич засобирался на «материк», в Москву, где еще в прошлом году приобрел себе и матери двухкомнатную квартиру. Впрочем, до отъезда оставалось еще целых три месяца, и, не привыкший сидеть без дела, решил он за это время исполнить свою давнюю заветную мечту — научиться водить машину.

Да, знаменитый на весь Крайний Северо-восток страны человек, пилот высшего класса, о котором слагались легенды (а один чукотско-эскимосский ансамбль даже создал и по сей день исполняет танец «Пилот Канков прилетел»), Сергей Васильевич никогда не сидел за рулем легкового автомобиля.

И неудивительно. Жил летчик в маленьком поселке, плотно зажатом на пологой косе с одной стороны горба-

той тундрой, с другой студеным морем. Улиц здесь не было, а были небольшие пространства среди сугробов, на которых стояли одно- и двухэтажные дома. Не поселок, а просто большой двор, рассеченный надвое довольно широкой и протяженной взлетно-посадочной полосой. Лучшего места для первых уроков практического вождения автомобиля не сыскать, поэтому Сергей Васильевич все же решил купить легковушку. И уже на следующей неделе его друзья-моряки пригнали ему из Хабаровска на военном катере четырнадцатую модель «Жигулей» в северном исполнении, то есть в большом, просторном контейнере, который мог использоваться как гараж. Один из старых приятелей Сергея Васильевича, вездеходчик Володя, взялся его обучать, а начальник райотдела милиции пообещал раздобыть ему в Магадане водительские права.

И процесс, как говорится, пошел. Два дня подряд приятели не вылезали из «Жигуля», колесили по всему поселку (сугробов еще не намело), сожгли невероятное количество бензина и распугали всех местных собак. А на третий, то был понедельник, Володя не смог вечером после работы продолжить уроки вождения, одолели домашние дела.

Сергей Васильевич стоял у своей «ласточки» и с обидой смотрел в сторону его дома. Человек он был азартный, и если что-то задумывал, то брался за гуж немедленно, и не было еще случая, чтоб он вдруг оказался не дюж.

Через полчаса тягостных раздумий и жестоких приступов сомнений и нетерпения он распахнул дверцу машины и удобно устроился в водительском кресле. Машина завелась с первого оборота. Сергей Васильевич счел это благоприятным знаком. Осторожно выжав сцепление, он включил первую передачу и мягко, как учили, отпустил педаль. «Жигули» с легким порывом сдвинулись с места и с подвыванием стали набирать скорость. Сергей Васильевич включил вторую, затем третью передачу... Четвертую врубать он пока побаивался.

Выехав со двора на взлетно-посадочную полосу, он стал закладывать смелые виражи, не опасаясь врезаться в какое-нибудь препятствие. Места вокруг вполне хватало.

Мало-помалу он успокоился, и им постепенно овладело ностальгическое настроение. Так сколько лет прожил он в этом поселке? Ровно двадцать пять! Здесь его друзья, родные, близкие, здесь он жил, работал, пел под гитару разудалые песни, ходил по грибы, играл в футбол... На душе стало хорошо-хорошо! Так бывает, когда сделано большое и полезное дело.

Двадцать пять лет... «Да, домов в поселке тогда было меньше, голец по тундровым озерам на блесну брал лучше, женщины целовали крепче...» — подумал Сергей Васильевич.

Женщины... Он вспомнил свою свадьбу — первую и, как он в свои пятьдесят надеялся, последнюю в его жизни. И тут же вспомнились розы. Но эта история случилась пятью годами позже.

...Ранней зимой, когда зверские морозы только-только начинают устанавливать свой контроль почти над всей человеческой деятельностью в сих Богом забытых краях, в зале ожидания аэропорта Анадырь сидел в утлом деревянном кресле и крепко спал мужчина в легкой стриженной дубленке. Женщины вокруг не сводили восхищенных глаз с букета маленьких алых роз в стоящей у его ног здоровенной вазе с широким горлом, до верху заполненной коричневатым грунтом.

Сергей Васильевич подошел к вазе и подумал: «А неплохо купить хотя бы одну». Он порылся по карманам и вскоре наскреб приблизительно месячную зарплату северного летчика, со всеми надбавками и коэффициентами, потряс за плечо спящего, и тот открыл глаза.

— Что вам надобно, молодой человек?

— Я прошу продать мне хотя бы одну розу из вашего чудесного букета. Понимаете, у меня дома молодая и красивая жена...

— А у меня молодая и красивая дочь! — грубовато ответил счастливый владелец мини-розария. — И у нее завтра свадьба.

— И все же — продайте мне одну!

С этими словами Сергей Васильевич полез в карман и достал все, до последнего рубля.

Мужчина пересчитал деньги. Потом ни слова не говоря, аккуратно разгреб грунт, извлек оттуда одну-единственную, не самую, конечно, прекрасную, но все же очень красивую розу с корнями и вручил ее Сергею Васильевичу.

Теперь оставалось только доставить это сокровище по адресу, не заморозив в пути. Сергей Васильевич сел в кресло и глубоко задумался. До его села лету на вертолете часа полтора. Вертолет грузовой, не отапливаемый. Значит, в салоне будет не меньше десяти градусов мороза. Ни одно в мире растение такого испытания, конечно, не выдержит.

Сергей Васильевич поднялся и отправился в диспетчерскую, где работали его знакомые девушки. Они долго охали, ахали, глядя на цветок, но посоветовать ничего не смогли.

Тогда Сергей Васильевич направился к киоску «Союз-печати» и купил пять номеров газеты, затем зашел в аптеку, приобрел полметра самой толстой медицинской трубки, возвратился в диспетчерскую и на виду у изумленных красавиц приступил к конструированию хладоупорного устройства для перевозки розы.

Сначала он сложил газеты в стопку и свернул что-то вроде длинного толстостенного фунтика, проклеил его по краю, чтобы не разворачивался самопроизвольно и аккуратно вложил в него розу. Подумав, плотно сложил верхушку фунтика и тоже тщательно проклеил. Наконец, взяв ножницы, отхватил острый конец и вставил в образовавшееся отверстие трубку. Крепко обмотал место соединения трубки с фунтиком обычной нитью, проверил конструкцию на прочность и отправился на посадку.

Все полтора часа лета Сергей Васильевич каждые тридцать-сорок секунд набирал полные легкие воздуха, брал в рот конец трубки и делал мощный выдох. Согретый его легкими, а лучше бы сказать, сердцем воздух выходил из фунтика через оставшиеся после проклейки неплотности. Да, он очень любил свою жену, которая обожала розы. Он уже представлял, с каким восторженным восклицанием она кинется ему на шею, а потом посадит розу в какой-нибудь горшок и будет ее поливать.

Еще шасси вертолета не коснулись земли, а Сергей Васильевич уже знал: в поселке произошло что-то необычное. На взлетно-посадочной полосе стоял милицейский «газик», рядом с ним топтался в рыжих унтах его водитель Колька, а к вертолету спешили сразу четверо милиционеров во главе с начальником райотдела Степаном Ивановичем, большим его приятелем и самым азартным партнером по шахматам.

Сергей Васильевич перевел взгляд дальше, и сердце у него чуть не разорвалось от жуткого предчувствия. Чуть в стороне от «газика», в тени огромной горы тюков с оленьими шкурами, стояла в своей любимой дубленке его жена, а рядом с ней — главный бухгалтер стройуправления Влад Думов. Неподалеку от них громоздились на снегу рюкзаки и чемоданы, часть которых он сразу узнал.

Направляясь к выходу, Сергей Васильевич успел заметить взгляды, брошенные в его сторону пилотом вертолета и его помощником, — взгляды сурово-сочувственные и тревожные одновременно.

Выпрыгнув из вертолета, Сергей Васильевич бросил на снег фунтик с розой. Чтобы увеличить свои шансы доб-

раться до бухгалтера раньше, чем подоспеет власть, он взял левее и резко рванул с места. Но милиционеры тут же отреагировали, и уже через минуту Сергей Васильевич лежал на снегу в наручниках. Он все же увидел, как быстро и споро несколько местных жителей и двое милиционеров похватили разом весь багаж беглецов и помчались к вертолету.

Не прошло и трех минут, как погрузка и посадка были закончены, двери вертолета захлопнулись, и лопасти винта начали свой мерный разбег по кругу. Когда Ми-4 оторвался от полосы, Степан Иванович снял с Сергея Васильевича наручники.

— Сейчас мы едем ко мне, — сказал он. — Выпьем чаю, поиграем в шахматы. Поддадим хорошенько, если, конечно, хочешь. У меня есть хороший коньяк.

В «газике» было тепло, уютно, мысли о возмездии скоро размякли и словно вытекли из души Сергея Васильевича. На их место свалилось ощущение огромного горя, отчаяния и сиротства.

...Высыпавшие на улицу ученики школы-интерната видели, как на большой скорости новенький серебристый «Жигуленок» несется напрямик на невысокую, но довольно толстую стальную трубу, вкопанную неподалеку от магазина. К ней каюры привязывали свои оленьи и собачьи упряжки, когда заезжали сюда за покупками. Через несколько секунд раздался грохот удара, рев двигателя и вой сигнализации.

«Сигнализация... Боже, зачем мне здесь сигнализация? — думал Сергей Васильевич, стараясь поймать непокорными руками расплывающийся и проваливающийся куда-то во тьму руль. — Кто тут будет красть машины и куда вор их станет прятать? Как глупо, как все в этой жизни глупо... Простите, простите...»

Очнулся Сергей Васильевич только на третьи сутки от боли. Рядом с его койкой сидел на табурете Володя.

— Сережа, — сказал он тихо, — что же ты натворил! Ну, зачем ты сел за руль без меня? И потом: почему ты не объехал столб? Вокруг него ближе ста метров ничего нет! Ты что, не видел его?

— Володя! — ответил, еле шевеля распухшим языком, Сергей Васильевич. — Володя, я... понимаешь... я его видел... но... но в последний момент я взял штурвал на себя!

Дмитрий МЕЩАНИНОВ

ЭЛЕКТРИЧКА В ПРОШЛОЕ

РАССКАЗ

Михаил Николаевич докурил сигарету в тамбуре. Еле успел бросить чинарик в щель между вагоном и платформой. Двери со скрипом закрылись. Электричка вздрогнула. Нервно дернулась. И, что-то недовольно заурчав, начала набирать скорость.

Он облегченно выдохнул. Потер руки. Приободрился... Давно ему хотелось хоть ненадолго сбежать от работы, от семьи, от бесконечных служебных и домашних проблем, от суматошной, обезумевшей Москвы.

Михаил Николаевич как-то неожиданно устал от жизни. Впал в депрессию. Все ему теперь казалось никчемным и пустым. Каждое утро, просыпаясь, он спрашивал себя: зачем зря вставать, если впереди очередной бессмысленный день?

Самому найти ответ, как ни старался, не удавалось. Единственный выход — поехать и встретиться в холостяцкой квартирке с единственным другом. Тот жил в маленьком городке дальнего Подмосковья. Хотелось с водкой и хорошей закуской всю ночь напролет поговорить с ним по душам. Потом днем побродить вместе по родным местам,

ПРОЗА

навещать некоторых еще живых одноклассников. А вечером вернуться в Москву...

Михаил Николаевич зашел в вагон. В послеобеденной электричке были свободные места. Он уселся напротив аккуратного, интеллигентного, средних лет мужчины чрезвычайно печального вида. На его худощавом лице с большими глазами словно бы отпечатался вечный траур. Он походил на живой монумент всеобщей скорби и, без сомнения, мог бы украсить любое кладбище в необъятной России.

Михаил Николаевич с ужасом осознал, что долго не сможет видеть напротив себя свехпечального человека. Наверняка можно умом тронуться. Спятить. Или впасть в лучший случае еще в более глубокую депрессию... Этого ему только не хватало!

Он пересел на свободное место рядом с мужчиной и на всякий случай немного наклонился, чтобы не лицезреть его даже боковым зрением... И как-то сразу успокоился.

— Господа! Товарищи! Кто мороженое будет?.. Такого вкусного нигде больше не купите!— громогласно агитировала продавщица с картонным коробом.

— Друзья!.. Вашему вниманию предлагаются замечательные книги в красочных обложках. Детективы — для взрослых! Сказки — для детей!.. Дешевле не бывает! — перекрикивал шум колес мужчина с вместительной сумкой в руках.

— Мужики!.. Очень советую опохмелиться или просто промочить горло прохладным пивком! — проникновенно верещал небритый старичок с грязным рюкзаком на плече.

За немymi стеклами мелькали серые массивы домов и мостов. Мрачноватые стены складов и пакгаузов. Коробки гаражей. Остатки автомашин, истертые покрышки. Квадратики огородов, обнесенных чем попало. Помойки по откосам.

Тянулись безликие бетонные заборы, украшенные разноцветными надписями-лозунгами. Некоторые из них были усердно замазаны. Но сквозь свежие известковые заплатки все равно явственно проступали огромные буквы, складывающиеся в слова.

«Смерть ОМОНу и царю Соломону!», «Рыжую гадину — вон из Кремля!», «Банду Ельцина — под суд!», «Ельцина — на рельсы!», — призывали неизвестные настенные авторы.

— Туда его, гниду четырехпалую! — согласился с ними живой монумент всеобщей скорби. И воинственно потряс худыми кулачками. — За развал армии, промышлености, науки!.. За уничтожение русского народа!

Михаил Николаевич полностью внутренне поддержал соседа. Даже неожиданно зауважал и непроизвольно пожал ему руку...

Тамбурные двери со скрипом съезжались и снова разезжались. Выбрасывали в вагон все новых и новых коробейников конца XX века. Еще не вышел один, а уже голосил во всю глотку его коллега-конкурент.

Пассажиры-новички, типа Михаила Николаевича, реагировали на происходящее с живым интересом. Ветераны — по-разному. Одни — с нескрываемым отвращением. Вторые — с мрачным юмором. Третьи демонстративно отворачивались и смотрели в окна.

Некоторые доставали газеты, журналы, книги и пытались углубиться в чтение. Молодежь нацепляла наушники и врубала музыку, спасаясь от голосистых торговцев.

Не тут-то было... Оглушительные голоса транспортных коробейников снова и снова выдергивали на бытовую поверхность читающих. Глушили слова и мелодии в ушах слушающих.

— Уважаемые пассажиры!.. Вашему вниманию предлагаются лучшие сорта чая и шоколада по цене ниже розничной!.. Не упускайте свой шанс! — театрально рекламировал товар мужчина с усами, похожий на какого-то актера.

Другой коробейник начал с печального рассказа о превратностях бытия. Мол, кругом полный бардак и беспредел. Все друг друга только и норовят облапошить.

Даже водку трудно купить хорошего качества и нужного градуса крепости. Посему ныне нормальному человеку выжить практически невозможно без собственного... «спиртометра».

Он продемонстрировал стеклянную штучку, похожую на длинный градусник. Достал из сумки бутылку. Налил водку в стакан и сунул туда заветный приборчик. Поплавок колыхнулся и замер на отметке 40 градусов.

Торговец победно осмотрелся. Жадно глотнул. С удовольствием облизнул губы. И закусил леденцом.

— А мою выпивку можешь проверить? — кровно заинтересовался уже полупьяный пассажир.

Коробейник поставил стекляшку в чужой стакан. Поплавок встрепенулся и показал 40 градусов. Клиент был очень доволен результатом.

На радостях он тут же опорожнил посуду. Хрустнул луковицей. И стал первым покупателем в вагоне. «Спиртометры» начали расходиться один за другим...

— В России нигде столько дрянного товара, как в электричке, не увидишь, — вздохнул сверхпечальный человек. И траурным голосом выдал на ухо Михаилу Николаевичу уйму невеселой информации.

Оказалось, «спиртометр» покажет свои традиционные 40 градусов и в водке, и в сухом вине, и в пиве. И в болоте. И вообще где угодно.

В электричке по глупости можно приобрести «суперклея», который не клеит. «Замечательные очки», чтобы в лучшем случае получить косоглазие.

Крем для обуви — крепче камня. «Фирменный» шоколад — просроченный, в сечине налета. «Вечные» батарейки с удивительно короткой жизнью... Ну, и так далее, и тому подобное.

Тонны «неликvida», нигде больше не берущегося в продажу, оказываются здесь и успешно продаются под стук колес. По самым скромным подсчетам, месячный объем реализации в подмосковных электричках не меньше миллиона долларов. В масштабах всей России цифра получается в десять раз больше.

— Кого ты только не увидишь... Кто же эти коробейники? — спросил у соседа Михаил Николаевич.

Оказалось, публика тут сборная. Одни работают «от себя». Некоторые добывают товар на свалках. Моют, чистят и пускают в дело. Другие сбывают хлам мелких фирм, скупающих «неликвид» по дешевке в разных регионах страны или через своих людей на таможенных складах конфиската.

Но индивидуалам становится все труднее и рискованнее в последнее время. Они чаще рискуют оказаться не в милиции, а быть сурово избитыми в тамбуре. Кровавые разборки ныне частое явление.

Можно вылететь из электрички на станции, а бывает — и на полном ходу. Так поступают с теми, кто не идет в услужение к «папам»... Поездная торговля приобрела полукриминальное, если уже не целиком криминальное, свойство.

У авторитетов свои склады товаров дрянного качества под «крышей» какой-нибудь ТОО, АО или ООО. И от пары десятков до сотни подневольных торговцев из разных уголков России или стран СНГ. Каждый имеет свой маршрут и определенный план по выручке на сутки.

Между собой «папы» договариваются, чтобы не создавать друг другу лишних проблем. Их подшефные не пересекаются с одним и тем же товаром на одних и тех же направлениях. А уж с конкурентами-индивидуалами коробейники обязаны разбираться собственными силами и способами...

— Уникальная бельевая веревка из дружественной Белоруссии! Не рвется!.. Покупайте, и вы никогда не пожалеете! — пронзительно верещала женщина с веревочным кольцом на шее.

— Иконы! Свечи! Религиозные книги!.. Платите, сколько можете! — громоподобно басил дядька с опухшей мордой и крестом на шее, явно не имевший никакого отношения к легальным церковным торговцам.

Орали коробейники беспрерывно и так оглушительно, что объявления по громкой связи в электричке не были слышны. Лишь единожды случайная пауза заполнилась записанным на магнитофон кратким призывом «сообщать машинистам о случаях незаконной торговли»...

Иногда появлялись нищие разных полов и возрастов. Они традиционно двигались с протянутыми руками и печальными лицами. С тихими жалобными просьбами «хоть немного помочь деньгами или продуктами».

Неожиданно явился и непонятного возраста бомж. Заросший. Оборванный. Грязный. Вонючий. В отличие от попрошаек, он ни у кого ничего не просил. Неторопливо, молча и гордо прошел по вагону, оставив после себя обратное впечатление и букет непотребных запахов.

— Электричка словно везет нас в обратную сторону, в наше далекое, недоброе прошлое. В коробейниковую, нищую, завшивленную Россию, о которой мы в детстве читали лишь в книжках, — заявил живой монумент всеобщей скорби...

За время пути Михаилу Николаевичу довелось еще увидеть и услышать двух самодельных певцов. Первым стал худой парень с гитарой в спортивном костюме. Второй — морщинистый старик с гармонью в пиджачке с боевыми наградами.

— Что мне водка в летний зной, что портвейн мне разливной, когда мои друзья со мной! — зря, как оказалось, соловьем заливался молодой человек. Его репертуар и исполнительские данные никому не понравились. Посему денег ему никто не дал.

— Артиллеристы, Сталин дал приказ! Артиллеристы, зовет Отчизна нас! — срывающимся голосом пел-декларировал ветеран-фронтовик.

В вагоне все притихли. Разговоры прекратились. Было очень жалко старика, да и самих себя, наверное... Деньгами его не обидели...

— Русским нужен вождь — честный, умный, решительный. Без него мы безвольны и беспомощны, как малые дети, — мрачно изрек на прощание сверхпечальный сосед и вышел на ближайшей остановке.

Электричка неслась дальше на полной скорости. Вагон громко стучал, жалобно поскрипывал, болтался из стороны в сторону... Михаилу Николаевичу казалось, рано или поздно все они вместе неминуемо полетят под откос.

А пока дело до этого не дошло, пивные и прочие бутылки продолжали шумно-хаотично перекатываться с места на место. Иногда они сталкивались лоб в лоб.

В вагон вошли мальчишки-близнецы. Лет им было чуть больше десяти. В одинаковых и изрядно потрепанных рубашках, джинсах, кроссовках. Худющие. У каждого в руке — вместительная сумка.

Согнувшись пополам, братья принялись быстро собирать бутылки. Действовали они как опытные грибники. Схватил одну — заметил вторую. Потянулся за ней — выглянула третья. Иногда собиратели вставали на четвереньки. Стучали коленками, шлепали ладошками по грязному полу. Заползали под лавки.

Михаил Николаевич окончательно расстроился. Он встал и пошел покурить, чтобы хоть немного успокоиться.

За окнами мелькали телеграфные столбы. Степенно проплывали замечательные пейзажи. Вечернее солнышко делало их на удивление рельефными и живописными.

Темные ельники. Светлые поляны. Начинающие желтеть августовские березовые рощи. Синие пятна озер. Волнистые леса на горизонте. Поблизости ровное пустынное поле. А за ним на пригорке — изящная белая церковь с золотистым куполом.

Открывающиеся виды были совершенными и упоительными. Они гипнотизировали и успокаивали. Заставляли отбросить прочь все мрачные эмоции.

Михаил Николаевич улыбнулся. Ведь на сей раз сквозь природное русское великолепие электричка неслась в недалекое, доброе прошлое. В маленький уютный городок, где прошло его счастливое и беззаботное детство...

Василий КИЛЯКОВ

ДОЧЬ СЕВЕРА

РАССКАЗ

Без луны, без солнца, без берега...

Днем и ночью глухо работали винты в толще вод. С подволока светили мертво-соломенным светом искусственные светила, работали кондиционеры, обновляя густой, жаркий, липкий воздух. Лаг считал мили. Временами с неукротимой раздражительной настойчивостью раздавалась дробь мрачных звонков, говорили по трансляции, гнусаво-гортанный звук ревуна объявлял тревоги. Моряки срывались с мест, будь они хоть в галюне, — кидались по местам, с удивительной ловкостью выполняли команды с главного командного поста.

Без четверти два, в самую что ни на есть собачью вахту, ревуна загнусавил, проникая в самую душу, известил о сбросе аварийной защиты реактора.

— Вот тревога так тревога! Черт бы ее побрал! — вскакивая с койки и хватая форменную робу, сонным голосом ворчал Леша Рукин, рыская глазами по переборке, высматривая в темно-синем свете ночника выключатель. — Что бы сказала мама, взгляни она на меня сейчас... Она бы сказала: «Дурак ты, Леха, дурак... Зачем ты, родимец

ПРОЗА

тебя расшиби, напросился во флот? Говорили же дураку бывалые люди, кто в море не бывал, тот и горя не видел...»

Ярко вспыхнули лампы, и кубрик озарился светом. Прянули молодые тела, влезая в робы по тревоге.

— А папаша, что бы он теперь сказал? — сразу не попадая в штанину, зубоскалил и тут Валентин Вяткин.

— Папаша флотский, воевал на Балтике. Он сказал бы: «Держись, Леха, ты у нас разъединственный, кого взяли на подлодку».

— Это если трезвый, а пьяный что бы он сказал? — не отступал Вяткин.

— Он бы заматерился и крикнул: «Не болтай, Валя, чушь, беги, куда расписан по адской тревоге!»

Ловко обегая препятствия, кинулись из кубрика, но все обошлось. Кто-то повредил заслонку, ошибся в контактах, сработала сигнализация.

Свободные от ходовой вахты плотно набились в курительный салон, у всех отвалило. Решили покурить, потом вернуться по местам. А лодка все шла и шла своим курсом, вспарывая толщу хляби, где даже ночью на большой глубине термометры показывали такую температуру забортной воды, какой позавидовали бы на хорошем черноморском пляже.

Реактор растревожил весь экипаж, тревога встряхнула, заколыхала сердца. Говорили весело: как ни кидай, а тревога была не учебная, не пожарная или водяная, а самая что ни на есть гнусная, как сказал бы Леша Рукин — хреновая.

Всегда веселый, беззаботный, выросший в глухом рязанском краю среди речных распадков, заливных лугов и стариц, Леша сник еще перед походом, и все из-за письма. Временами с бьющимся сердцем доставал из рундука девичью фотографию, читал старательно выведенные на обратной стороне слова: «Пусть волны жизненного моря не смоят память о друзьях». Перед отправкой с призывного, когда Леша сажился в вагон, она сунула ему платок с прядью каштановых волос... И полтора года не прошло — замуж выскочила.

Когда с бранью вахтенный офицер заскочил в курительный салон, затушили сигареты и разошлись по команде, надо было идти досыпать, потом готовиться к вахте. Мичман Стыров заглянул в матросский кубрик проведать землячка-акустика Лешу. Свободные от вахт укла-

дывались. Стоял липкий удушливый зной. На ходовых вахтах, в ярком искусственно-солнечном свете, зорко следили за приборами. Спали вповалку, не укрываясь простынями, и устойчивый кислый запах, этот неистребимый дух мужских тел, шибанул в ноздри мичману, как только он шелкнул кремальерой и вошел, оглушенный темно-синим пространством ночника под подволоком.

Акустики Леша Рукин и Валя Вяткин разметались на простынях, говорили тихо: скоро услышат шум винтов цели, сообщат командиру, выйдут на точку торпедирования, расстреляют эту загадочную цель и тогда уж всплывут. Откроется верхний рабочий люк. Желанной шумной лавиной хлынет в отсеки воздух тропиков, опьянит сложными запахами водорослей, йода, и, как всегда казалось Леше, запахом огуречной ботвы в дождик.

Мичман без малого двадцать лет отслужил на лодках, за глаза звали его то гвоздем акустиков, то гвоздем экипажа. Вошел он, не включая свет, долго не мог различить своих акустиков. Думал, что спали. Неверный свет окутывал пространство.

— Как вы тут, моряки? — тихо проговорил мичман, ища глазами Лешу в синей полутьме ночника.

— Живы, мичман, — отозвался Вяткин, томясь духотой, хватая ртом густой жаркий воздух. — Заступать?

— Нет, нет, — шептал мичман, — спи, еще рано. Я на минутку заскочил, думаю: как вы тут, не затужили?

— Та-а, какой тут сон, — Леша передвинулся на край кровати, чувствуя, как гулко, с затяжкой бьется сердце, в висках покалывает.

— Как в парной, — ворчал Вяткин.

— Сравнил хрен с пальцем, — ответил Леша, заправляя койку по-уставному. — В деревенской банешке хоть летом, хоть зимой — отрада сердцу и телу... Сравнил... Не уходи, мичман, побудь с нами...

Не причесываясь, а похватывая мелко-курчавые волосы, Рукин оделся в робу. В синеве кубрика он поработал руками, присел несколько раз, вытер грудь и лицо домашним невестиным полотенцем, подеколонился. В кубрике густо запахло цветочным одеколоном.

— Ну, как вахта? — спросил мичман Вяткина.

— Вахта теплая, — нехотя отвечал тот с закрытыми глазами. — Скоро ли всплывем?

Лодка чуть подвсплыла — то ли по команде, то ли рулевые плохо держали глубину. Чуть качнуло с креном на

левый борт, потом с деферентом на нос. И когда выровняли лодку — вновь стало тихо, только мерно гудели вентиляторы.

Дали команду заступить на вахту. Мичман и Леша пошли в гидроакустическую станцию. Сидевший с наушниками старшина второй статьи Клубко сказал:

— Наверху, видать, шторм. На глубине, а качает... Смотри, Леша, не зевни цель, слушай в оба.

Заступив на вахту, Леша Рукин надел поплотнее наушники, защелкал тумблерами, чутко, по-звериному, слушал партитуру моря. В северных широтах он нес вахту легко и свободно, а здесь, в тропиках — совсем непонятные звуки лились каскадами.

Надевая наушники, мичман Стыров вытер носовым платком потные залысины, сел рядом с молодым акустиком. Мичман натаскивал Лешу перед автономным плаванием. Леша начал усваивать привычки земляка, подражал ему, его манере слушать и докладывать на ГКП.

— Наверху дощ... — сказал Рукин и слегка двинулся на вертящемся кресле.

— Ливень, — уточнил мичман, — скоро утихнет. Классифицируй дальше, что там наверху? Вот что-то заскребло, как кошка в дверь. Определи.

Мимолетным взглядом Стыров скользнул по оголенной руке Леша. Корявыми крупными буквами синела наколка между локтем и запястьем: «Не забуду мать родную и тяткину пьянку». И всякий раз, когда мичман смотрел на эти буквы, хохотал до слез. А Леша, взглянув на землячка, не сразу понял, чему улыбается мичман, что он такое услышал. Догадавшись, тяжело вздохнул, круто отвел руку, эту треклятую татуировку.

Когда-то, еще в школе, одноклассники баловались. Леша попросил сделать и ему наколку о родной матери. Чтобы не было страшно, ему посоветовали завязать глаза платком. Накололи про мать родную, а заодно и про тятку. С тех пор пошло-поехало: в бане ли, на медицинской комиссии, всюду читали про мамку и папашу, хохотали, подначивали. Даже старпом, всегда сердитый, деловой, случайно увидел, взял за локоть и, утирая от смеха слезы платком, блестя влажными серыми глазами, приказал: «Немедля убрать!»

— Цель не прозевай, — все еще улыбаясь, напомнил мичман, проверяя секундомеры.

— Горизонт чист! — отчеканил матрос Рукин, шевеля рыжевато-русыми усами.

— Слушать внимательно! — приказал мичман, и сам чутко, напрягая слух, прослушивал толщу вод.

В гидроакустической рубке стояла тишина. С подволока и переборок лился соломенно-солнечный искусственный дневной свет. Леша дышал с трудом, прикладывал к груди мокрое полотенце. А в наушниках то царапало, то потрескивало.

— Кажется, стихает, — отчитывался Леша скороговоркой.

— Ливень стихает, — поправил Стыров. — Что еще?

— Чавкает что-то, мичман...

— Штатский какой-то... Очень большой...

В это время на ГКП шла лихорадочная работа. Штурман вел счисление, работал с параллельными линейками и приборами, командир отрывался от перископной тумбы только для сна и еды: вот-вот гидроакустики должны были обнаружить цель. Он ждал. Вестовой принес ему на пост лимонный сок в запотевшей бутылке.

Акустики не дремали, слушали. Ливень утих, потоками хлынули непонятные звуки, душераздирающие царапания, вздохи...

— Горизонт чист! — докладывал мичман командиру.

И вдруг в наушниках на миг все стихло, послышался звук, характерный для больших надводных кораблей с глубокой осадкой и большим водоизмещением. «Что за корабль?» — подумалось матросу Рукину. В северных широтах он ориентировался лучше, и звук этот напомнил крейсер. Рукин впился взглядом в лицо мичмана, глаза их встретились. Мичман Стыров, не снимая второй пары наушников, кивнул головой, приказал:

— Докладывай.

— Пеленг... Дистанция... Слышу шум винтов крейсера! — дрожащим от волнения голосом докладывал матрос Рукин.

А мичман, радостно блестя глазами, тоже волнуясь, кивнул ему, своему матросу: мол, так, так, правильно... И тут с ГКП, главного командного поста, командир приказал:

— Классифицировать цель!

Запущены секундомеры, дрогнули и запульсировали стрелки приборов, установленных на приборной доске плотным частоколом.

— Слышу шум винтов крейсера! — вновь доложил матрос Рукин уже смело и уверенно.

«Молодец, так и надо!» — понял он по глазам Стырова. Дальше все было отработано, как точный часовой механизм. Торпедисты каменели на своих постах в ожидании команды.

— Боевая тревога, торпедная атака!

В чреве лодки завозились боевые расчеты, у торпедистов все готово. Штурман, склонившись, проводит новую линию. Построен торпедный треугольник, все рассчитано, сверено. У торпедистов на постах пощелкивают автоматы торпедной стрельбы, замелькали на табло цифры, командир положил лодку на боевой курс.

— Торпедные аппараты — товсь! Пли!

Родная лодка, как любимое существо, вздрогнула всем корпусом, чуть подвсплыла, облегченная. Учебные торпеды вспороли воды и понеслись к цели. Они не разрушат корпус крейсера, не взорвут минные и торпедные погреба, — цель условная, торпеды учебные.

С шумом продуты баллистические цистерны. Вспоров хлябь вод Атлантики, лодка подвсплыла под перископ. Осмотрелись. И командир видел, как сигналили дымком торпеды, видел борт крейсера. Не отходя от тумбы перископа, не отрываясь от окуляра, командует всплытие. На станции погружения-всплытия, рулевые, акустики и торпедисты, электрики и радисты, трюмные машинисты — все весело заговорили, свободнее задышали — отстрелялись.

Все ждали: вот-вот по трансляции объявят отбой тревоги. В отсеках, на всех постах даже в эти ранние утренние часы душная жара не поддавалась ни кондиционерам, ни вентиляторам.

Мичман Стыров, борясь с жарой и усталостью, записывал в вахтенный журнал, изредка поглядывал на Рукина короткими взглядами, улыбался. Улыбка оживляла лицо. Когда открыли верхний рубочный люк, в отсеки к постам и ходовым вахтам хлынул освежающий целительный воздух.

Удивительное это состояние: всплытие.

Ночной выход лодки на поверхность океана — есть в этом что-то жуткое, мистическое. Искусственное чудовище выходит из чрева вод в разрыв лунного, сверкающего по волнам пути, с черным косым плавником, рукотворное чудовище... А там, внутри лодки — центральный пост, тоннель от командира в узком кресле до старпома у пульта связи, вахтенный инженер-механик, боцман на рулях глубины...

«Товсь на быстрой!» — Вот он, ритуал всплытия. Поднят перископ и режет поверхность моря — слышно и на центральном посту из динамика гидрофона. Рев воздуха в цистернах, вздох металла — и лодка выносит себя на поверхность. Душу отдашь — выдохнешь. Центральный пост — тамбурная зона между жизнью и смертью. Выход на мостик командира, вахтенного офицера, сигнальщика, астрономический расчет с секстантами, блокнотами и фонарями; трубный рев продуваемых цистерн, стрелка глубокомера падает до нуля.

Плафон гасят под люком. Никто не должен видеть, чужие перископы, бинокли, радары... И вот — из океана воды в океан воздуха. Отдраен верхний рубочный люк — свист, шипение, покалывание в ушах. И вот отворяется медленно круглая крышка. Все начинает двигаться, — к поверхности в считанные минуты.

— Пять минут на перекур, — смотрит на часы командир, — и будем погружаться.

С каким облегчением, с какой радостью матросы вдыхали, пили этот воздух. Леша вскочил с вертящегося кресла, снял надоевшие наушники. Ни матрос Рукин, ни мичман Стыров не знали, что в это время сигнальщики объявили от имени адмирала: «Выражаю удовольствие». С флагманского крейсера сообщили, что цель поражена, а экипаж лодки поздравили с выполнением задания. От объявления по трансляции у Леша сладко затаило сердце.

— Ну, Рукин, — сказал мичман, обнимая его, — благодарю за службу! Быть в этом году тебе в отпуске, уж это я точно знаю...

— Меду на язык, командир!

Между тем свободным от вахты разрешили по очереди подышать на мостике. Полная луна над горизонтом водяной пустыни все ярче и светлее разгоралась, осиян был корпус лодки, и за кормой расстилался и таял вдали серебристо-шелковый след. Океан притих после ливня, чуть-чуть волновался и блестел гребнями волн. Прохладный дул пассат. Дышалось легко, вольно, радостно.

На мостике стояли вахтенный офицер и сигнальщик. Свободные от вахт моряки шли подышать, полюбоваться океаном. Поднялись на мостик гидроакустики — сначала Леша Рукин, потом Стыров. Зачарованными глазами смотрели на необъятные просторы. Далеко, там, где линия горизонта сходилась с бледно-зеленым ночным небом, струился легкий дымок уходящего крейсера. Луна подни-

малась над океанской гладью, менялись краски водной хляби, все светлее блестели гряды Атлантики. Волны набегали на нос, ласкали корму. Мимо борта слева и справа проплывали медузы, как летние цветные зонтики. Мимо шпигатной решетки стайками проносились какие-то диковинные рыбки, мелькали как стрелы. Мостик еще не обсох после подводного плавания, лужицы — как на асфальте на призывном при прощании с ней. Отсвет и отблеск, борт и рубка, чернь и золото. И лунная дорога, как лычка через погон.

Волна запахивается внахлест, фосфоресцирует гребень.

Вдруг:

— По пеленгу самолет, угол сто двадцать!

— Все вниз, срочное погружение!

Ухнула вода в балластных цистернах. Подводная лодка уходит в пучину.

Акустики спустились вниз через рубочный люк. Моряки уже завтракали. Намазывая галету маслом, мичман заметил в глазах Леша затаенную грусть. Земляк ждал письма от родных. Плавбаза запропастилась с письмом.

Отдыхать разошлись сразу после завтрака. Годки приставали к Леше, спрашивали, как он прошупал цель, какой звук подают акула, киты и другая живность тропиков. Уставший Рукин отшучивался, а накурившись, ушел в кубрик. Раздевшись до трусов, улегся на койку, не закрываясь одеялом. В провентилированном кубрике пахло морем, огородом в дождь. И воздух этот напомнил милые места, отца, мать и... ее...

Проснулся он от толчков, Вяткин тряс его за плечо:

— На вахту пора, мичман звонил. Ну и спать ты горазд, Леша. А чего мычал во сне? Голых девок видел? Матрас уговаривал?

— Матрас, матрас, дай хоть раз... — в кубрике поддерживали, посыпались шутки.

Леша потянулся с хрустом в суставах, вытер полотенцем лицо и грудь, влез в робу. В рубке мичман наводил порядок, проверял приборы, гидролокатор.

— Все же в северных широтах служить лучше... — заметил Рукин, вытирая свежей тряпкой части приборов.

— Это почему? — удивился мичман.

— Да вот не успел освежиться, а снова духота. И никуда от жары не денешься, не спрячешься. А на Севере — оделся в реглан, сапоги на ноги и в ус не дуй, служи себе.

— Ну, братец, философ ты. У вас в Березовке все такие? Тут тоже есть что посмотреть, запоминай, землякам и невесте травить будешь.

Леша кисло улынулся, нахмурился и, старательно вытирая батистовой ветошкой секундомеры и приборы, перевел разговор:

— Где болтается наша лодка?

— У штурмана спроси, он знает. Скоро тропики переходить. Агитирует меня наряжаться морской девой, царицей морей. Ты не выручишь, Леш? Устарел я: лысый, грузный, с морской мозолью. Глянь, момон какой! Морская мозоль!

— Э-э, нет... Смеяться будут, бабой дразнить, не хочу. Мне же дембель скоро.

— Ладно, ладно. Не будешь бабой, служи.

Вечером на мостике опять тесно. Солнце низко над горизонтом. Волны играют красками. Жара спадала, вот уже огромный ярко-алый диск коснулся горизонта. Океан будто втягивал этот окровавленный диск. Теряли очертания волны, наливались сумерками и быстро темнели. И когда солнце спряталось за горизонт, вдруг помрачнело. Ярче заблестели крупные звезды, Южный Крест. Леша, задрав голову, смотрел на звезды. Казалось, они качались так низко, что хотелось потрогать.

— Что ты высматриваешь, Леша? — спросил мичман.

— Больно звезды крупные, ярче, чем наши, рязанские.

Стоявший тут же на вахте сигнальщик хмыкнул:

— У вас в Рязани грибы с глазами... Правда, что у вас девки косопузые?

— Полегче! Смотри вперед, служи — не вякай, курский соловей.

— Разговорчики, матросы! — тихо, но внушительно остановил вахтенный офицер. — Не торчите тут, дайте другим подышать.

Годки переглянулись. Леше не хотелось спускаться в кубрик. Луна с серебром выхватывала колышающиеся гряды волн. Мерно работали винты, слышался плеск, потягивало резиновым сквознячком через открытый рубочный люк. Потянул ветер, развел волну.

— Пора, — сказал Стыров. — Хорошего понемногу.

— Погоди, мичман, глянь на искры под рубкой.

— Это анчоусы, они всегда так ярко светятся, особенно хвосты.

Спустились в отсек, в жару, в духоту. Борт лодки не

остыл, переборки нагрелись. В кубрике сидели матросы, готовились к вахте. Шел разговор про Новый год, как хорошо бы встретить его дома, на родине. Пахло одеколоном, кто-то брился, играли на гитаре:

*Волны бегут волна за волной,
В кубрике спит матрос молодой.
Снятся матросу девичьи косы...*

— Глянь-ка, мичман, — прошептал Леша, опасливо оглянувшись.

— Ого! — взглядываясь в фотографию, сказал Стыров. — Она?

— Она... — Леша отвернулся, дернул носом. — Замуж выскочила.

Рукин хотел положить фотографию в рундук, чтобы забыть навсегда.

— Завязал, — сказал он, — на маленький-маленький узелок...

— Почему на маленький?

— Чтобы вовсе не развязать, вовеки.

Вяткин, торчавший до этого на мостике, выглянул из-за плеча, хитро улыбаясь:

— Дай-ка глянуть, Леха. Жена? Невеста?

— Была невеста, да вся вышла. На, гляди...

С фотографии на Вяткина смотрело простое лицо с крупными глазами. Волосы, сбитые влево, модно свисали на лоб завлекалочками, а на висках прямыми сосульками. Вяткин, вытянув руку с фотографией, ловил свет.

— У нас двое курских прилепили невест в гальюне. Изменщицы. И я своей полгода не пишу: глупая, ей-богу. Волос долог, ум короток. Завалила письмами.

— Любит, значит, — поддержал Стыров, — умеет любить. А ты, брат, недостойн. Сказано: «Любовью дорожить умеете, с годами — дорожить вдвойне...» Слабые вы какие-то: этому не пишет — скис, другого завалила — тоже плохо. Поругался что ли, в отпуске-то был?

— Так точно, товарищ мичман! — рисовался Вяткин. — Мне эта любовь — вот где. Это Леха у нас любовник заядлый. Глянули бы на него в увольнении: идет улицей — не дышит, глаз с прекрасной половины не спускает. В каждой из них — Настя... А чего Настя? Глянул сейчас на фотографию — вполне заурядное, натуральное естество. Деревня серая, Рязань. Лаптем щи хлебает...

— Опять? — взвился Леша. — Не болтай. Пустой ты человек, вот что я скажу. И душа у тебя пустая. Поэтому и на письма не отвечаешь. Обманул девку, всем растрепал, петух. Я, я!..

— Но, ты не больно! Я тебе только сказал, а ты...

— Ну и молодежь, — вник в спор Стыров, с трудом разводя сцепившихся. — К женщине отношение нужно иметь особое, а то не успеют полюбить — ругаются, женятся — тоже так: горшок об горшок и кто дальше... А я вот шестнадцать лет семейный и ни разу не ругался, не верите? «Помирится, о люди! Будьте братьями друг другу. В прочной дружбе ваша сила, а бессилие в разладе!» Песнь о Гайавате, Лонгфелло.

— Ну, мичман, дает, — поддевал Вяткин, остывая от схватки с Лешей. — Поднаторел в автономках, навострился. А я не верю. У меня вон родители оба с учеными степенями, а бывало и дня не проходило без дрызг; бывает она, любовь-то?

— Да говорю же — перед вами. Я счастлив: моя жена — дочь Севера. Я в шутку зову ее Шаманкой.

— А почему Шаманкой зовешь? Это же вроде колдуньи, — спросил Леша, пристраиваясь на койке возле мичмана.

— Шаманкой-то? — Мичман улыбнулся, прислушиваясь к чему-то в себе. — Я ей жизнью обязан. Это ведь только сейчас такой разлад затеяли: русский, украинец, якут, белорус... А я вам скажу: «Где голова, там и ноги, и если ладонь не попала на ладонь, хлопка не получится». Ну, расскажу, слушайте... Лет шестнадцать назад, в эту же пору, декабрьским днем. А служил я тогда, как говорили, по второму году, по первому заходу. Лодку нашу отремонтировали, готовили к плаванию. Все выгрузили, привели в полную готовность. Ждали буксирный катер, чтобы оттащить лодку в док. Старпом командовал неутомимо. Погода стояла серая, задекабрило в базе. Снег валом валил, а бухту, где мы стояли, сплошь занесло снегом. Солнце выглянет из-за сопки, снова спрячется. Словом, безотрадная картина. Наши лодки возле плавбазы, как сестры-близнецы, жмутся друг к дружке... Катерок засвистал, потащил лодку в док, он стоял рядом с плавбазой, только с другой стороны. Все что-то не ладилось в доке. Собрались офицеры, морские инженеры, даже контр-адмирал пришел... Всей командой помогали ремонтникам, до полуночи квасились на стапель-палубе дока.

В полночь, еле волоча ноги, поднялись по трапу на плав-
базу, разделись и — бац спать. Спали как убитые... Нас
отблагодарили, после обеда разрешили увольнение. Хо-
дили в основном в рыбацкие поселки, девчонок завели
там. От базы недалеко, из поселка я катил на лыжах. Взял
вдоль бухты. Еду, снег молодой под ногами, глубокий,
легкий. Солнце не успело взойти, а уже заходило за соп-
ки. Ни души, ни следочка, тихо... К ночи фарватер под-
морозило и занесло снегом. В такие минуты одинокой
поездки — думается, детство вспоминается. А кругом бар-
ханы снега, безлесные места, лишь на сопках редкая рас-
тительность, сосенки да чахлые березки. Вдруг лед подо-
мной подломился, и я провалился в зазор, в полынью.
Бушлат замок и спирал дыхание: кричать — не крикнешь,
так, сиплю нутром охваченных легких, а меня все больше
уносит, затягивает под лед. Бью обмороженной рукой,
хватаю, а сквозь пальцы только изморозь да шуга. Шарю
на сколке льда зажорину. За край схватился, снял беско-
зырку, кинул в нее военный билет, выбросил на берег,
чтобы знали, кто утонул, домой сообщили... Так смерть
внезапно настигла. Ничего не успел. Я смотрю на звезды,
снег летит в лицо. Стал молиться мысленно, и вдруг слы-
шу, как звенит пространство, чувствую опору! Дно! А это
лед был, донник. Коряки плавали на лодках, донник и
коряги переворачивали лодки, пробивали днища. Почув-
ствовал я опору, стащил бушлат, оттолкнулся, рукой за
ропак попал. Вдруг словно под локти подхватил меня кто-
то, перевернуло, потащило за кромку льда. Тут потерял я
сознание...

Очнулся в незнакомом доме. Выбравшись на улицу, едва
не ослеп. Внезапно залаяла собака, показалась упряжка.
Щелкнул бич. Собаки неслись прямо на меня. Я едва ус-
пел отпрянуть на бровку снежной дороги. Ведущий го-
ловной кобель остановился у моих ног, оскалил белые
клыки. Он ошетинился и пятился, вздыбил шерсть на
холке. Собаки скулили, рычали, путались в постромках.
На нартах сидела девушка редкой красоты. Не видел я
таких красавиц ни среди корячек, ни якуток, ни ительме-
нок. И среди русских. На ногах — пимы. Вместо руля
остол. В руке — ременные вожжи с бляшками. Вся она в
меховом с ног до головы. Слегка раскосые глаза добавля-
ли ей лукавства и прелести. Она улыбалась ослепитель-
ной улыбкой, губы без помады, красиво очерченные.
«Моряк, — сказала она, — поддержи вожжи». Легко вста-

ла, ловким движением головы осадил остистый башлык на спину и, снимая рукавицу, протянула мне узкую цепкую руку. Я стоял, как перископная тумба, как кнехт. «Моряк, поздравляю с выздоровлением...» А когда я отпустил ее руку, у меня перехватило дыхание. «День добрый...» Она взглянула на меня и опять расхохоталась. Она смеялась так, что собаки зашевелили ушами и подняли на меня морды. Глаза у жоака загорелись, он зарычал. «Не бойтесь, он ласковый зверь. Давайте знакомиться. Меня зовут Кытна, по-русски Катя». — «Матрос Михаил Стыров!» — отчеканил я.

— Ну и ну, — заинтересовался Вяткин.

— «Холодно, и как тихо, пусто...» — сказал я ей. Она спросила меня о моей родине, я что-то отвечал ей, а сам глаз не мог оторвать от нее, от ее иссиня-черных волос, туго схваченных множеством заколок, блестящих на солнце.

«Вырвалась из города на выходные к отцу, — говорила она. — Выпросила упряжку. Отец дорожит собаками. Иногда так хочется с удовольствием прокатиться. Ни о чем не спрашивайте. Благодарите судьбу, что я тогда оказалась рядом...»

Она родилась на Севере, окончила пединститут. «Со всех поселков приезжают в нашу среднюю школу», — говорила она. Она говорила, что учит детей среди природы, в живой беседе. А в школе они записывают и зарисовывают то, что видели, а главное — что почувствовали. «Но северные народы теряют лучшие обряды, традиции, молодежь бежит... Я никуда не уеду», — говорила она. Она была так необычна, что хотелось трогать руками ее пушки и вытачки одежды. Она была как видение. А может быть, эта тревога в сердце и была зарождением моей любви. Так или иначе, а это была девушка, спасающая меня, вытащившая из полыньи. «Смотрите, Михаил, — говорила она, окидывая взором заснеженную бухту, алую от заходящего солнца. — Смотрите, как этот алый цвет наливется лиловым, переходит в зелень. Каждый миг неповторим, не будет больше минуты, похожей на эту. Сейчас здесь переноса, а летом трава в человеческий рост. Вы захватили здешнее лето?» Я ответил, что не видел лето. «А мои сокурсницы, — сказала она неожиданно, — рвутся на «большую землю». Хотят уехать. Сами от себя, конечно...» Меня шатало от слабости, она поддерживала меня, постромка терлась о ногу. Она поправляла то ошейник, то гладила холку ведущего. Я спросил ее, кто она по нацио-

нальности, она ответила, что корячка. Мать дала ей свое имя и рано умерла. Катя, Кыгна, жила с отцом. Россыпью вспыхнули огоньки рыбацкого поселка, включили свет.

Увольнительная моя закончилась три дня назад. И все это время она оттирала меня, поила жженкой с сахаром и спиртом. И выходила. И вот нужно было возвращаться в часть.

— А как же ты нашла меня, услышала крик?

Она засмеялась.

— Я шаманка, Михаил, дочь Севера и духов. Я увидела твою трехдневную дорогу через полынью и мой дом. А теперь давайте лыжи, кладите их на нарты, садитесь.

Я, стиснув зубы от вывихнутой в полынье мышелки, уселся сзади на нарты. Она шелкнула бичом, крикнула. Нарты взрывали снег, кренились и подсакивали на ожеде. Мелькали карликовые березы, островерхие ели, ледяные окна побережья после оттепели. Собаки то утопали по грудь, то выносили вихрем на сопки, то круто спускались и ехали длинной узкой ложиной.

— Держитесь, Михаил! — кричала она. — Крепче держитесь!..

— Ну что, и правда она была шаманкой, мичман?

— Не перебивай, — отвечал за Стырова Леша Рукин, — а на ус мотай. — Он опять принялся вытирать грудь и лицо одеколоном, такая жарынь...

Подводную лодку чуть накренило, слышно было, как гулко заполнялись балластные цистерны забортной водой. Выровнялись, лодка заметно осела, как бы провалилась, и все поняли, что погрузились на большую глубину. Винты работали с глухим, надсадным гулом, и искусственные солнца поубавили свет. Минуту-другую все сидели молча, слушали шум забортной воды в цистернах, работу винтов.

Помолчали каждый о своем. Мичман то и дело вытирал платком капельки пота на глубоких залысинах, вспоминал детали быта коряков, ставшие близкими ему. На большой глубине поостыли переборки, в кубрике стало прохладнее.

— Прощались на побережье. Я взял ее ладони в свои, она вспыхнула и отвернулась. Взгляд ее был пронзительным. «У тебя дома есть невеста?» — спросила она. — «Нет». — Да так и было. — «А почему ты об этом спрашиваешь?» — «Так, — ответила она, — хочу знать, не чужого ли целую...»

Потом я приходил к ней в увольнение. Она показывала танцы народов Севера: надевала на голову убор, похожий на русский кокошник, учила меня танцевать норгали — корякский танец. Познакомился я и с отцом — добрым, мягким человеком с хорошим корякским лицом, в меховых торбасах. Я отчеканил ему по-флотски, даже звание зачем-то. Он смотрел на меня внимательными глазами, лицо его озарилось улыбкой, а на нижней челюсти засияли золотые зубы. Оленина, юкола без соли, разогретая в огне. Водку, прежде чем выпить, мы плескали в огонь, так заведено...

— Ну а на базе, на базе-то что было?

— К базе подкатили с ветерком. Улицы поселка были плохо освещены, когда свернули с дороги, мне показалось, что мы едем не в ту сторону, не к доку. Я сказал об этом Кате, но она отлично ориентировалась. Показались далекие лучи прожекторов, они шарили по бухте и фарватеру. Светили прожектора с нашей плавбазы, с дока. Там, на доке, продолжались работы день и ночь. «Остановись, — сказал я Кате, — тут недалеко, сам доберусь». Она ловко нажала поворотный шест, нарты круто развернулись. Я пристегнул лыжи. «Поцелуй меня, моряк, на прощание», — сказала Катя. В потемках мокрый снег облепил нас, таял, кухлянка у Кати стала мокрая. «Приходи к нам в Морской клуб, если не гауптвахта — обязательно встречу». Я побежал на свет прожекторов. «Берегись полыньи!» — крикнула она. Я обернулся, она стояла возле собак, махала руками. Было около двенадцати, я спешил на базу. Бежать было тяжело, снег налипал на лыжи, реглан мой залубенел от мокрого снега. Впереди, в свете прожекторов, просматривались очертания дока, силуэты, доносился глухой звон колоколов громкого боя. Прибегаю, а она уже на КПП, моя Катя. Позвонила дежурному и говорила с ним. Так вот и началась наша любовь, с несчастья. Меня, понятное дело, вздули, без берега месяца объявили. На КПП по воскресеньям приезжала она, моя Шаманка, мой ангел-хранитель. Долго еще надо мной смеялись, утопленником звали.

— Мичмана Стырова к командиру! — объявили по трансляции.

— Вот такая любовь живет на свете, братцы. Да это еще не все. Схожу к командиру — доскажу.

Мичман шелкнул кремальерой, вышел из кубрика. Валентин и Леша сидели молча, о чем-то думали.

— Ну, мичман, травить — хлебом не корми... — проговорил Валентин Вяткин. — Сколько его знаю, все у него случаи из жизни, все было с ним, да с подкладкой воспитательной. И сейчас толкует. Думаешь, просто так? Воспитывает нас, дураков, успокаивает...

— Что-то я начинаю ему верить. Честное слово. Прошлую зиму тоже провалился один с дока, в самоволку ходил. Да и нельзя не верить ему, мичман мой земляк, всего перевидал. А что не рассказывать, если есть о чем...

За бортом медленно работали винты. Временами лодка шла то с легким креном, то с дифферентом. Сонно жужжали вентиляторы.

Валентин начал готовиться к вахте, побрился, сделал компресс из полотенца на подбородок. Мичман вернулся от командира веселый, улыбался.

— Ну, братцы, скажу по секрету: завтра переходим тропики, праздник Нептуна будем встречать. Русалкой буду я, Морской Девой наряжусь... Нептуном будет второй штурман. Никто не хочет быть русалкой, а я в пятый раз, так уж и быть, наряжусь, пусть смеются!

— Что ж дальше-то было, мичман? Скоро на вахту заступать, — говорил Вяткин, складывая полотенце вчетверо.

— Проняло? Что ж, можно и дальше.

— Да, дальше. Как любовь-то закончилась?

— Не кончилась, — сказал мичман, — не должна кончиться. Не может моряк без любви, всюду любовь... Зачастил я тогда к Кате, ходил летом и зимой. Напросился на охоту с дробовиками. Кругом желто, дни длинные стали, снегу, помню, мало было, трудно охотиться. Костерок развели. Убили куропатку, изжарили на костре. Домой вернулись усталые, веселые. Я тайком любовался Катей: на голове унизанный украшениями малахай, кухлянка из меха нерпы так шла ей... Мы отогревались, сушились. Жаль, что мало таких дней в жизни. Мы, помнится, еще не записались, а жили так...

— Как так? — удивился Вяткин.

— А так, — ответил мичман. — Катя ждала ребенка, а еще не записались, не успели, ждали демобилизацию. Дождались-таки. Подумал я, подумал и не поехал с ней никуда. Остались на Севере, как и хотела она. Я остался на лодке служить. Привык я к флоту, а тут и дочка родилась, Олей назвали. Черноволосая, красавица. Теперь-то уже на учительницу учится, по-французски лопочет.

— Тормознул, значит, — вздохнул Вяткин.

— Остался, так точно, матрос Вяткин, мичманом, — улыбнулся Стыров своей простецкой милой улыбкой, — тормознул я надолго. Семей обзавелся... Домой тянуло. Снилось, виделась родная деревня. Думал, пока один ребенок, надо домой к отцу, к матери ехать, с Катей познакомить их... Но год за годом — привык. Катя меня всюду с собой таскала: на рыбалку, за черемшой, жимолость собирали... Летом, сами знаете, зелень, травы — в человеческий рост. После трудного плавания приходишь на КПП, Шаманка моя встречается с детишками... Вскоре вторая дочка удалась, краше первой. Ку-уда там Оле, Настей назвали. Теперь десятилетку заканчивает. Весной в путину, в нерест, помню, гуляли мы в лесу, дрова готовили из сухостоя. Сели отдохнуть на высоком берегу. Бухта красивая, блестит на солнце, рыба на отмели так и ходит. Увидали внизу, с обрыва — медведицу с двумя медвежатами у реки. Стоит медведица по брюхо в воде, хватает рыбу, ломает ей голову и кидает на песок. Мы спрятались за бугром и долго смотрели. Медвежата радуются, пищат, как дети, барахтаются на отмели. Помню, у меня тогда Валюшка родилась. Ку-уда там Насте... А летом — варенье варили на всю зиму, про запас, из жимолости. На вольном воздухе. Катя хлопотала у костра, девчонки мои собирали ягоды. Соня тогда была у нас в коляске, ревела. А осень и хвалить нечего, сами знаете — у нас сентябрь светлый, сухой. В сентябре у нас родились сразу две дочки, Роза и Маша.

— Стой, стой! Погоди-ка, погоди! — Валентин даже подскочил. — Что-то я вроде вашу жену припоминаю. Как-то дежурил на КПП. Маленькая, черненькая... С ней девочки были, чернявые. Она якутка?

— Корячка, говорил же, корячка. Кытной зовут. Дочь Севера.

— Что-то я со счету сбился, — откладывая на левой руке пальцы, сказал Леша. — Пятеро получается?

— Шесть. Сбились со счета, ребята, — смеялся мичман. Валентин и Леша переглянулись.

— Вот любовь так любовь! — уходя на вахту, рассуждал Вяткин. — Шесть человек наострил. Вот это я понимаю!

Лодка подвсплыла под перископ. Качнуло на левый борт, потом на правый. По трансляции объявили: «Осмотреться в отсеках, закрепить все по-штормовому!..»

Владислав СОСНОВСКИЙ

ДВЕ СУДЬБЫ

РАССКАЗЫ

СТРАСТЬ

Румяное, щекастое солнце неспешно укладывалось за таежной речкой на ночь в густую, синюю чашобу.

Пятеро косарей, прибывших вертолетом на сезонные покосы луговой травы, мирно сидели у костра и, икая после жирной ухи, дымили папиросами в чистый, прохладный лесной воздух.

— Ты-то, Михалыч, — спросил бригадир Санька Жбанов, — чего в тайгу, я извиняюсь, приперся в таком, прямо скажем, не юном возрасте? Поди, хорошо за семьдесят уже?

— Надоело, — ответил Михалыч, худой, но жилистый старик с острым скуластым лицом, которое в ярких бликах огня казалось еще острее.

— Чего надоело?

— Деревенеть надоело в одном месте. Я текучую жизнь люблю.

— Жизнь? — засмеялся бригадир. — Тебе уж к Богу собираться пора.

— Зачем? Я еще погуляю. Которые есть — за сто лет бегают. А мне, гляди, всего-то семьдесят три.

ПРОЗА

— Ну, гуляй, — разрешил Жбанов. — Жизнь, оно, конечно... Кому чего.

— Я и говорю. Жизнь — штука сильно интересная.

— Чего ж тебе в ней такого сильно интересного при твоих летах? Сидел бы на печке да семечки грыз последним клыком.

— Зачем последним? У меня, на, гляди, весь зуб во рту целый. Потому я ни одной сигарки за всю свою жизнь не принял. Ни одной рюмки водки не принял.

— Да ну?! — поразился Санька. — Старовер, что ли?

— Зачем? Весь я натуральный. Нынешний. Христианский.

— А чего ж тогда?

— Так. Сильно жизнь люблю.

— Что ж ты в ней такого любишь, что даже рюмки водки не выпил ни разу? Чудак ты. Извини, конечно, или больной какой от рождения?

— Дурак ты, Санька. Страсть у меня была. Хоть и при царе Горохе все случилось. Молодые мы тогда с Верунькой моей были. Но такая страсть у меня до нее зажглась в грудях — просто жуть. Чего я только не вытворял. И на морозе под окном ночами торчал. Всю сирень для нее в деревне вывел. И по заборам скакал, как петух. Соловьем трещал на всю область. Одним словом, в мозгу сплошная пропасть висела. И надо ж было ей, дуручке, в те годы, прости Господи, утащить с поля кулек пшеницы. Времена-то какие были. Не приведи Спаситель. Голодные. Страшные. Опасные. Жуть одна.

И вот бежит она с тем кульком, Веруня моя, да прямо на машину с райкома. Конечно, деревенский суд. Посрамления. Враг народа. Веруня-то! И все такое. В общем, кинули ее в телегу, и покатила она сюда вот, в Сибирскую глушь. В лагерь. На поселение. Ну, а мне что делать? Страсть-то жгет. Собрал я, как говорится, свои пожитки и потащился за Веруней.

С полгода блукал я по России. Наконец, дополз до того поселения, а Веруня моя к тому моменту взяла и вышла замуж за одного каторжанина. Ну, правильно. Думала, не вернется уже в родные края. Так и поселились мы, как говорится, поблизости. Мужик у нее не скажу чтоб видный был. Обыкновенный мужик. Болел часто. Жалела она его. Так и прожили всю жизнь отдельно.

— Ну, а ты что ж, семьи не завел, что ль? — спросил бригадир.

— Нет, — ответил Михалыч. — Куды мне. Меня ж страсть губила. Трудился где попало. На строительстве.

Потом рыбу ловил. Охотничал. В общем, всякое. И вот год назад муж Веруни помер. Тут мы и возвратились друг до друга. А ты говоришь, к Богу собирайся. Нет, Саша, жизнь интересная, сильно интересная вещь. Тут тебе и лес. И речка. И звери. А страсть? А?

Но вот недавно сидим мы на лавочке возле дома. Как говорится, звезды считаем. И вдруг Веруня шепчет: вот бы, говорит, поглядеть во тьму телескопической трубой. Может, там какая тайна видна от Господа нашего Иисуса Христа. Тут меня аж током вдарило. Я в один минут и решил. Пошел на следующий день к Николаю Ивановичу, он же, ты знаешь, начальник теперь всего леса и, конечно дело, всего сена. А мы когда-то работали вместе. Ему известно, я мужик крепкий: и дом срубить, и дерево настругать, и сеять, и траву косить. Так и так, объясняю. Посылай, Николай Иванович, на сезон. На сено. Надо денег заработать. Зачем тебе, спрашивает. Хочу, говорю, телескопическую трубу купить. Тьму наблюдать. Вдруг тама чего увижу. Да и вообще сердцу мило. Он, понимаешь ли, посмеялся, но путевку дал. Так вот я к вам и приорганизовался.

Жбанов хмыкнул, почесал шею:

— Чудик ты, Семен Михайлович, — твердо определил он своего подчиненного. — Натуральный чудик. Ладно. Пойдем в теплушку ночевать. Завтра вставать рано.

— Не-е, — ответил Михалыч. — Я тута под кустиком поваляюсь. Давно в тайге не отдыхал.

— Брось. Холодно же ночью при твоих, тем более, годах.

— Мне, Саша, нигде не холодно. Для меня всегда жизнь теплая. Потому у меня страсть возле сердца.

Тихо журчала речка о чем-то своем, не слыша рядом с собой одинокого человека. И только яркая голубая звезда в вышине внимательно наблюдала за стариком, пытаясь проникнуть в его бессмертную душу.

ЖЕЛЕЗА ЖИЗНИ

Вечер стоял тихий, ясный, бирюзовый. Солнце, окруженное грядой ало-золотых гор, медленно клонилось к западу, словно в нем, в западе, был зашит громадный, неумолимый магнит.

Анастасия Андреевна, сидя у окна, с грустью наблюдала красоту мира, как собственную уходящую жизнь. Где-

то там, в глубине западной стороны, в Канаде, жила ее дочь Зина Петухова, которую три года назад предприимчивый заграничный бизнесмен увез к себе на родину, в город Торонто. Оттуда, от Зины, пришла пара восторженных писем. Но затем молодожены переехали в Монреаль, не сообщив ни адреса, ни места пребывания. С тех пор связь оборвалась, и Анастасии Андреевне осталось лишь терзаться да размышлять о судьбе своего драгоценного чада. Сколько бессонных ночей, сколько вздохов и всхлипов пережила ее одинокая комната — кто знает.

И Анастасия Андреевна вдруг решила. Она взяла ручку, тетрадь и, переборов измученное сердце, стала писать.

«Здравствуй, моя дорогая доченька! Не знаю, не ведаю, дойдет ли мое письмо до твоей далекой Канады, так как ни адреса нет, ни весточки от тебя. Знаю только, что город Монреаль, а большой он, этот город, или маленький, как наш Железнодорожный, кто ж мне подскажет. Может, каким случаем и долетит мой листочек до тебя. В таком разе, за неимением другого выхода, так и пропишу, мол, Канадский город Монреаль, Петуховой Зинаиде Васильевне. Авось, добрые люди подскажут. Чай, Петуховых в Канаде, я думаю, не так уж много. Хотя, конечно, ты за эти три года могла взять какую-нибудь другую мужнину фамилию, как правильно подсказал наш бухгалтер Николай Иванович, и забыть, что ты на самом деле чистокровная наша Зина Петухова.

Черт меня, конечно, дернул отпустить тебя в такую даль, откуда даже весточки твоей не дождешься, не говоря о чем другом. Но уж твой канадский бизнесмен такой настырный был, что даже я устоять не могла. Фотками закидал: вот, мол, дом, вот машина, бассейн, вот, дескать, мы на прогулке, на лошадях. Подстриженные лужайки. Куда там! Вот я и подумала: может, тебе улыбнется чего. А то мы с папкой твоим всю жизнь на биофабрике прогорбатились. Ну и что? Два раза, правда, на курорт съездили. А так... Все прокатилось как один день. И вот уже папки твоего нету, Зина. Родственники многие поумирали. Осталась я одна. Семьдесят пятый годок. Но пока какие-никакие силы есть, подрабатываю в домоуправлении уборщицей. Все ж таки добавка к пенсии. Особо-то я, Зинуля, не жалею: на хлеб-кефир хватает. А больше радости, честно говоря, никакой. Одним словом, все по-прежнему. Если не считать, что подремонтировали вокзал, да рядом с ним устроили громадный продуктовый рынок, ну и, конечно, труп-

ки при нем разные. Тут и платица, и кофточки, и шубки кроличьи, и туфельки — во сне не снились. Думаю, даже в твоём Монреале столько добра нет. Только мне это барахло теперь, конечно, ни к чему. Все об тебе мыслю. Пригладываю. Вот, думаю, Зинуле бы такую шубку красивую. Да сапожки на каблучке. А то, знаешь, бассейны бассейнами, а тулупчик не помешал бы. Как тебе это переправить — ума не приложу. Тем более, адреса нет.

Кстати говоря, Наташка, подружка твоя, четвертый раз беременная. А чего бы и нет? У нее все хорошо. Муж, Толик, не пьет. Работает шофером. Зарабатывает неплохо. Все в доме есть. Люда, вторая подружка, тоже при семье. Правда, Колька у нее выпить любит. Но живут. Детишки подрастают. Да и то сказать, отец наш тоже любил пропустить рюмочку. Не без этого. Однако существовали. Тебя, Зина, подняли. Сколь беды-горя вынесли. Болела ты. Все на наших с отцом руках. А теперь — вот выпорхнула.

Брат твой, Миша, служит в Чечне. Думаю, не сладко ему там. Но и то когда-никогда спустит письмецо. Благодарность ему вышла от командиров. В газете пропечатали. Так я хожу, гордая, показую ту газету всем соседям. А ты, Зинуля, словно в воду канула. Я уже все ночи передумала: не случилось ли там чего? Хотя, сама посуди, что может случиться при газонах, лошадях да слугах. А вот у нас случилось. Крестный твой, дядя Федя, будучи сильно наклюкамшись, вышел на балкон прогуляться на пятом этаже, перехилился от любопытства через перилу и — бульк, представь себе, головой вниз. И хоть бы, гад, ногу-руку сломал. Так нет же. Только плечо вывихнул. Сейчас лежит, лопатку водкой натирает. Вот тебе, Зина, чисто русский случай. Такие в Канаде, я думаю, вряд ли происходят.

И все-таки, чует мое материнское сердце, скучаешь ты там, голубка моя, по детству своему босоному, по солнышку красному на закате, по городу нашему. А то иногда дождь пойдет, и крыши вагонов так и дымятся паром. Играет над ними радуга — красиво!

В этот час я люблю выйти на балкон с самоваром. Варенья клубничного себе наложу. Патефон заведу (патефон еще от деда Петухова остался). Пластинку поставлю. «Прощай, любимый город. Уходим завтра в море». Хорошо, Зина. Вот бы, думаю, ты сейчас вошла. Что говорить, одиноко мне, старухе. Чужих внуков пригладываю, а разберут их по домам — зальюсь горячими слезами. Да и только.

А помнишь, Зин, мы с отцом тебе велосипед подарили. Трехколесный. Вася нес его тогда впереди себя, помню, как хрустальную вазу. А уж счастья-то, счастья-то у тебя было — полные штаны. А вспомни-ка, милая, в детском саду я тебе костюмчик сшила — Снегурочкой ты была. Тоже сколько хлопот-радостей! А потом, на следующий день Толик Попов тебе из рогатки в переносицу угодил. До сих пор, наверное, шрам носишь. Но детство, дочка, сама знаешь, без беды не бывает. Так что береги своих малышей, если они у тебя есть. Хоть бы карточку прислала. Но тебе, видать, не до мамы теперь: Канада, надо думать, страна сурьезная, забот хватает.

И как в школу тебя провожали, хорошо вижу. На тебе передничек белый, косички и огромный букет цветов. Больше тебя с портфелем. Сама востроносенькая, юркая. А училась хорошо. Правда, и выучилась на мою седую голову. Мало тебе в Железнодорожном парней было? Да хоть и в Москве. Так нет же — Канада. Вон куда черти занесли. Ни слуху ни духу.

А уж на выпускном вечере какая же ты красавица была, прям дух захватывало. Чистая лебедушка. Сердце стьло от восторга. Все мальчишки твои были. Сережа Телегин всю ночь у подъезда просидел с гитарой и охапкой роз. Где уж он те розы надрал — бог его ведает. Да, все было.

Здоровье мое, Зина, горлица моя, сильно пошатнулось последнее время. Ноги болят ходить. Сердце прихватывает. Спустился во двор, сижу. Все думаю за тебя. Может, кумекаю, у меня уже свои внуки есть. Пора бы уж. Только где они, касатики? Горько мне все это. Не для того я тебя растила, чтобы на старости годов одной куковать. Собачку себе завела. Все живая душа. Только что ж собачка, когда об тебе сердце болит.

Вряд ли, Зинуля, еще когда обращуся до тебя: глаза слезятся. А кроме того, чувствую, Зина, недолго мне уже осталось.

Живи себе на свое здоровье. Если тебе хорошо да ладно, то и мне при моем сочувствии помирать легко будет. Соседи, даст бог, похоронят как-нибудь. Помни лишь, что родная земля позовет. И больно тогда тебе станет. Ох, больно, голубка моя. Это уж такая железа жизни. Никуда не денешься.

На этом заканчиваю.

Целую крепко — твоя мама, Анастасия Андреевна Петухова».

Вячеслав ЩЕПОТКИН

ПОДАРОК

РАССКАЗ

Бабе Тане дочка ее, Петровна, послала с оказией подарок. Оказия случилась такая. В южный городок, где жила баба Таня, собралась Петровнина двоюродная сестра Вера. У нее там была мать — Петровнина, значит, тетка, а бабы Танина родная сестра. Раз в год, на полторы, самое большее на две недели Вера — тонкая, смуглая и похожая не то на черкешенку, не то на грузинку, приезжала к матери. Томилаь в разморенно-степном городке, томилаь в материнском саду, где, по правде сказать, любой бы истомился, не говоря о нервной, капризной Вере. Деревья дообрезали до того, что на них яблок было больше, чем листьев; земля под деревьями, где только можно, была занята грядками помидоров, огурцов и разной зелени.

Но как бы то ни было, Вера каждый год ездила с дочкой, а то и с мужем в степной городок.

Собравшись снова к матери, она для приличия заехала к Петровне, с которой жила в одном большом городе, но виделись редко. Отворив после нескольких настойчивых звонков дверь, Петровна как бы обрадовалась.

— Кого мы видим! Заждались! Это ж кого мы видим!

ПРОЗА

Муж Веры — Николай — заглянул в прихожую рослой, как гренадер, Петровны.

— Ты чего? Не одна? С кем эт ты нас видишь?

Жена подтолкнула его к дверям, чтоб замолк. Она знала причуды ломучей Петровны.

— А кто у меня может быть? Одна. Одна я все время. Вот спасибо, сестра вспомнила.

Она манерно обняла гибкую Веру.

— Не раздави, — напомнил Николай. — Осиротишь меня.

— В беде не бросим. Найдем ей замену.

Петровна достала и Николая, подставила щеку.

— Вот и доверься сестричке, — натянуто улыбнулась Вера. — Мне что ль хотите найти замену, Галин Петровна? (Сестра была на двадцать лет старше, и Вера звала ее по имени-отчеству). Да кто ж его согласится нянчить, как я?

— Ну-ну, без меня женили, — добродушно сказал Николай. — Кто если и может заменить мою Вер Васильну — одна ты, Петровна.

Он приложил руку к ее широкой борцовской спине. В длинном до пола халате Верина сестра казалась совсем необъемной. Однако, как все женщины их рода, она еще вовсю смотрелась, хотя пошел ей пятьдесят второй год. И если кто не знал ее возраста (а Петровна об этом не распространялась), тот ни за что не догадался бы о годах женщины по ее виду. У нее было гладкое, полное лицо, черные до пояса волосы, пушистые, как у девушки, брови. Только у круглых птичьих глаз, холодных и настороженных, все гуще собирались морщинки, несмотря на различные Петровнины ухищрения. Да делом она год от года раздавалась, что тоже было обычным для их рода. Николай в последнее время стал внимательно приглядываться к жене: когда ее понесет в стороны? Но Вере перешло за тридцать, а она все оставалась стройной и тонкой. «Тебя колесом свернуть — одна Петровнина ляжка будет», — говорил Николай, довольный, однако, что жена у него как девочка.

— Все богатеешь, — проговорил Николай, держа руку на Петровниной спине и не торопясь ее убирать. Та скосила птичий глаз на двоюродную сестру, а Вера оглядывала комнату.

— Хорошей женщины должно быть много, — качнула налитым телом Петровна. Вера, однако, поняла слова о богатстве напрямик.

— Правильно делает, — сказала она. — Это тебе ничего не нужно. Хоть у людей поглядеть на хрусталь.

— На хрустале кусок звенит, — благодушно заметил муж.

Было время — они чуть не дрались, расходиться хотели, но однажды Вера почувствовала: можно и без обстановки остаться, и без мужа. Стали, по возможности, избегать опасной темы о богатстве.

— Ты какой-то, Николай... этот... темный, — обиделась Петровна. — За дурочку, что ль, меня принимаешь? Как будто я не знаю, куда деньги вкладывать? Нынешний рубль потом тремя отзвенит.

Николай умолк — от греха подальше — и двинулся на кухню. Он подумал, что Петровна увидит его там — предложит поужинать. Вера перехватила мужа по дороге с работы. Быстрей, мол, от Петровны уйдем, утром на поезд надо. А сама разговорилась. Николай потоптался на кухне, но Петровна не обратила на него внимания. Тогда он пнул табуретку и пошел слоняться по комнатам, удивляясь, как это у Петровны не отнимут такую громадную квартиру, в которой он бы, например, один долго не протянул. Вера, увидев помрачневшего мужа, спохватилась.

— А шли-то мы ненадолго, Галина Петровна. Что значит у сестры: время незаметно летит. Едем завтра к нашим, подумала, может, что сказать надо бабе Тане, привет какой передать?

Петровна окаменела. У нее так бывало. В трудную минуту она не сразу находила нужные слова, и только с усилием двигала веками круглых глаз, словно выталкивая из глубин сознания тяжелые мысли.

— Да. А то и подарок можем передать, — злорадно подбросил голодный Николай.

— Подарок? — будто просыпаясь, переспросила Петровна. — Какой же бабе Тане подарок?

Она не заметила, что родную мать назвала, как чужую тетку. Вдруг вскинула брови, и совсем округлившиеся ее глаза блеснули. Мысли обогнули камень преткновения, и повели Петровну, повели.

— Конечно, надо передать! Я давно ей приготовила, хотела послать мамочке — спасибо вы зашли, быстрей гостинец получит.

Петровна взорванной горой двинулась к серванту.

— Вот это ей передадите, — сказала она, стоя к родственникам спиной и шурша бумагой. Не оборачиваясь, взяла в серванте клей.

— Чтоб в дороге не развернулось.

Николай насмешливо впился в широкую Петровнину спину.

— Сургуча тебе не надо?

Жена снова ткнула его в бок. Не лезь, мол, куда не зовут, нарвешься. Но Петровна лишь холодно оглядела коренастого белобрысого свояка и ничего не сказала.

Утром Вера, Николай и четырехлетняя Анютка после всяких предотъездных треволнений — то автобуса долго нет, того гляди, на поезд опоздаешь; то вагон оказался впереди состава, хотя по всем законам должен быть сзади — после всей этой нервной колготы заняли купе и покатали на юг. Анютка придвинулась к стеклу и влажными глазенками впитывала заоконный мир. Там сжимали дорогу сочные зеленые леса, мелькали поляны-пяточки с копенками травы на вешалах, как это делают в дождеобильной предсеверной Руси. Взрослые, предвкушая долгий отпуск — он всегда кажется долгим в первый день — размякли и любовно взглядывали друг на друга.

Через полтора суток, после двух пересадок и оттого малость подуставшие и раздраженные, они вышли в зной степного городка. Встречавший их Верин отец первым делом кинулся к Анютке, а уж потом взялся за сумку и чемодан. Тут только Вера вспомнила о Петровниной передаче.

— Баба Таня-то жива-здоровая? — спросила она отца.

— Плохая. Не видит почти, облегшала, как перо.

Николай подумал о рослой Петровне, о ее богатой квартире и помрачнел. Он один раз видел бабу Таню, сейчас не мог даже представить ее лица иль фигуры, но что-то жалкое, немощное вызвали из памяти слова тестя, и Николай буркнул:

— Дочка ей подарок прислала. Может, на платье, мы не пощупали.

— Я пощупала. Что-то твердое.

— А вы б развернули, — сказал тесть, строя разные гримасы внучке.

— Заклеила Петровна, — ответила Вера.

— Ну, отнесете, когда отдохнете с дороги. Завтра хоть. Там, может, деньги вложены — Татьяна без пенсии живет. Угла своо не имеет. На квартире.

— Сегодня ходим, — глянул на жену Николай. — Обрадуется человек.

* * *

В саду между яблонями на этот раз был натянут брезентовый тент. Под ним вкопан стол и сделаны две скамьи. Увидев это, Вера удивилась.

— Чтой-т перемены случились? То грядки вас выживали — теперь вы их?

Мать зыркнула круглыми глазами на мужа, но тот, не дав ей открыть рта, громко, как глухим, пояснил:

— Нам хватит. И вам останется. А всех денег не заберешь.

— Дурак, — сдерживая голос, сказала жена. — С деньгами всем нужен, без них — никому.

Но тут в круто закипающий разговор влезла Вера, и обжигаясь об горячие слова, разбросала их подальше от опасной темы. Заговорили об Анютке, сели за стол. После второй стопки начавшая размякать теща вдруг заметила, что зять вроде не в себе.

— О чем загрустил, Николай?

Теща в молодости не то год, не то два проработала в библиотеке и кой-чего поднабралась. Но сейчас ей редко удавалось поговорить культурно. В саду и в огороде она копалась молча, а поросята и куры лучше понимали язык посетителей соседней пивной «В мире животных», чем французский прононс. Зять был, конечно, не то. Проработовал. Однако, увидев свежего человека, теща не выдержала.

— Печалит тебя что-либо? Расскажи.

Зять вскинул глаза на тещу, но, присмотревшись, все понял:

— К бабе Тане надо сходить.

— К чему такая будет спешка? Я ей нередко помогаю. Ведь пенсионера нет, а дочь совсем неблагодарная.

— Могли бы больше помогать, — сказал тесть.

— Не твоей башки дело, — оборвала теща. — В нашем роду каждый за себя.

— Оно и видно, — снова подал голос тесть, но на этот раз никто не откликнулся.

Николай встал, и тут же поднялась Вера.

— Мы к бабе Тане, — сказала она.

Отец вызвался проводить молодых. Солнце опустилось к темно-красным черепичным крышам, но воздух еще томился-млеял от жары, словно где-то рядом, в нескольких метрах за стеной, или, может, сбоку, или спереди остывала после только что выпущенной плавки марте-

новская печь. За прочными заборами отходили от жары богатые сады. Трава вдоль дорожки была как пластмассовая, и даже пыльно-зеленый цвет ее казался Николаю неживым.

— Чего хоть мы несем? — спросил он жену, чувствуя как прилипает к телу рубашка, а этого Николай терпеть не мог.

— А черт-те, Кольк, знает! Я как шпион весь сверток общупала — не разберу.

— Золота кусок, — брякнул тесть. Пока дочь ходила в дом за подарком, он выпил из своей и Николаевой стопки и теперь «поплыл».

— Кого? — не поняла Вера.

— Н-ну, золота. Опять не понимаешь? Она у тебя, Никола, кольцо-то хоть имеет?

— И-и-их! Набрался! Когда только успел?

— С радости, доча. Не т-тропись. В этот... в проулок надо.

Они прошли узким переулком, где двоим не разойтись, и оказались на соседней улице. Отец, запинаясь о свои же ноги, направился к небольшому кирпичному дому. Как и все дома в этом городке, он был под красной черепичной крышей, за забором густо рос сад.

— Татьяна в летней кухне живет, — сказал отец. — Чего-то хозяев не видать. Хозявы! — крикнул он, раскрыв калитку. На другом конце бетонной дорожки, ведущей от калитки в глубь сада, качнулось что-то белое.

— Вот она сама!

По дорожке легко, как высохший листок, приближалась маленькая старушка.

— А мы к тебе... В гости. Вера с Николаем нынче приехали.

Старушка издалека начала вглядываться в появившихся людей, но, видимо, никого не различала. Наконец, первым разглядела свояка.

— Вась! Ты?

— Не-а. Народный артист с погорелого театра. Ты погляди эт-то кто? — показал он на дочь.

— Верушка, — узнала старуха и тихо, как при долгом и горьком горе, заплакала. Вера тоже зашмыгала носом. Николай с тестем подхватили Петровнину мать и не столько довели, сколько донесли до скамейки в саду.

— Как у тебя тут прохладно, — сказала Вера, стыдливо вытирая слезы.

— А?

— Ты громче говори, — подсказал отец. — Она слышит плохо.

— А самая красивая — мать рассказывала — в роду была, — сказала Вера и громко добавила: — Как живешь, баба Таня?

— Какая жись. Василий с матерью твоей помогают. Мне много не надо. Помирать пора.

— Жить-то хочется небось? Иль на том свете не страшно? — спросил Верин отец с таким интересом, будто старушка час назад вернулась из другого города.

— Хочется, Вася.

Она, может, собиралась кивнуть один раз, но голова ее на тонкой шее сама по себе качнулась другой раз, третий, и не смогла остановиться. Кивая, старушка продолжала.

— Кому не хочется жить-та? Такая жись счас — только радуйся. Мирно народ живет... Богаты все. Вот дочка за мной приедет. Не пишет давно — не заболела ль?

— Здорова ваша дочка, — сказал Николай. Он хотел добавить: «Как бык здорова, но подумал, — какой же Петровна бык, скорей лошадь-тяжеловоз».

— Она чего? Долго не писала? — спросила Вера.

— Не помню, скок прошло.

— С того года, кажется, — объяснил отец.

— Помнит она о тебе, — громко сказала Вера. — Подарок прислала. Вот смотри.

Старушка радостно вскинула бровки, на сухой коже щек проступил румянец.

— Разверни, Верушка. Ой, как увязала!.. Не забыла меня дочурка.

Вера сорвала один слой бумаги, затем второй. Николай почему-то решил, что Петровна послала матери что-нибудь съестное, и заинтересованно придвинулся к жене. Отец тоже подался к дочери. Нетерпеливо разорвав бумагу, Вера увидела картонный коробок. Вот почему она не могла прощупать подарок. На коробке был нарисован красный всадник, а под ним надпись: «Клинское стекло». Вера приподняла крышку, и все увидели шесть простеньких стопок-стаканчиков.

— Что за хренота, — удивился Николай.

— О! Счас обмоем, — встрепенулся отец. Но тут же замолк. До него дошло, что прислала дочь матери. Баба Таня осторожно взяла коробку, вытащила один стакан-

чик и посмотрела его на свет. Потом глянула на коробку снизу, словно надеясь увидеть что-нибудь там. Но ничего больше ни в бумаге, ни в коробке не было.

— Куда же мне они? — проговорила старушка растерянно. — Я забыла, когда вино-то пила.

Николай крякнул и полез в брючный карман-пистончик. Там у него была «зачачка» от Веры.

— Эт она тебе... Ну как бы шутя, — показал он глазами на коробку. — А вот это главный Петровнин подарок.

Николай подал бабе Тане обе десятки и, заметив удивленное лицо жены, усмехнулся.

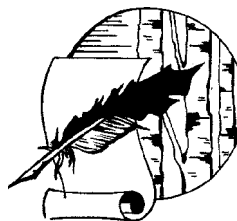
— С Верой она одно передала, со мной — другое.

— И со мной не только это, — звенящим голосом сказала жена. — Просила тоже деньги передать. Я Николаю забыла сказать.

Она достала из сумочки кошелек и подала бабе Тане. Отец глядел на них, ничего не понимал. Потом до него снова дошло, он вскочил, зашатался и обрадовано вскричал.

— Теперь ты кум королю — министру брат. А там дочка твоя еще пришет. Твово-то адреса нового может не знать, на мой пришет.

Они все трое загомонили, засуетились перед бабой Таней, радостно заглядывая ей в лицо. Баба Таня опять тихо и горько заплакала, но Николай взял ее под руку, к другой руке подтащил тестя, и вдвоем они повели старушку к калитке. Она не успевала за ними, ноги подкашивались, заплетались, и старушка, как легкий листок, повисала на руках мужиков. Вера задержалась, чтоб закрыть коробку со стопками, но, глянув на удаляющуюся белую кофтенку, бешено выпучила круглые глаза, и со всей силы бросила подарок в бетонную дорожку.

*СТИХИ ПОЭТОВ
РОССИИ*

Александр ВОЛОГ

ПОБЕДА

Ревут безлошадные бабы...
А что же? Отсеялись в срок.
Уж выглянул первенький, слабый,
Ржаной любопытный росток.
Уже пригревает к обеду.
И будет последний салют...

С утра объявили Победу!
Уже никого не убьют!

А дальше — труды, а не муки.

Но мрачно стоит у межи —
Один на село — однорукий,
Худой и угрюмый мужик.
Сиротка соседская храбро
Прижалась к его сапогу...
Ревут большерукие бабы.
Никто ни пред кем не в долгу.

О, сколько же надо осилить,
Чтоб право на слезы иметь,
Когда вызывает Россию
Фанфары ликующей медь,
Когда наивысшее право —
Контуженый хмурый мужик,
Когда воплощение славы —

Сиротки доверчивый лик,
Когда завешание дедов —
Схороненных зёрен руда,
А в корне взошедшей Победы
Тяжелая глыба — беда.

КОМБАТ

Старичок,
по ночам потихоньку ловивший стерлядку,
оказался комбатом

жестоких и честных годов.
Он не хвастался этим, тянул пенсионную ляжку,
был нешумно уважен в бесчинном кругу рыбаков.
Пиджачок его ветхий был чуждым медальному лязгу.
Ненавязчив бывал он

в рассказах о тех временах.

И ему
рыбинспектор прощал потихоньку стерлядку,
что охотно брала на его немудреную снасть.

За других не скажу,
а меня заедала досада,
и ложился на сердце

шершавый и тягостный ком,
что геройский комбат,
обожженный огнем Сталинграда,
доживает свой век

незначительным истопником.

А ведь этот смирняга —
ужели забыла Европа? —
есть причина того,

что она сохранила лицо,
и что эта стерлядочка
не на столе Риббентропа,
а что ей угощает он

внуков погибших бойцов.

Неужели душе государства
дозволена грубость?

Не о том ли скрежещет по совести
жесткая жесьь,

что лихие комбаты,
прошедшие медные трубы,
обретаются в званиях

дворников и сторожей?

...Он обиды не видел. Лицо его было открытым.
Он смотрел, как творением мира измотанный бог.
И сказал, что ему-то довольно и быть неубитым,
и достаточно знать, что когда-то он сделал, что мог.

г. Москва

Виктор САЗОНОВ

* * *

Какая жара! Невозможно
Работать на солнце таком.
Уныло в траве придорожной
Пасутся телушка с бычком.

А стадо коров неподвижно
Застыло в уснувшей реке...
Одних лишь кузнечиков слышно
С кукушкой там, вдалеке.

Томительным зноем объята
Небесная высь и под ней
Все ждет, как спасенья, заката
И первых прохладных теней.

* * *

Над рекой полночное сиянье.
Над рекой без счета огоньки.
И колышут тихо мирозданье
Зеркала бездонные реки.

Здесь у края тайного свеченья
В глубину ушедшей высоты,

Обрели свое успокоенье
Все мои надежды и мечты.

Все мои заветные желанья,
Столько лет владевшие душой...
А река колышет мирозданье,
Отражая вечность предо мной.

пос. Ухолово Рязанской обл.

Игорь ЕЛИСЕЕВ

ПЕЧЕНЕГИ

Веет ветер с востока дремучего.
Скачет войско по дикой степи.
Сумасшедшая буря, не мучь его!
Солнце, очи ему не слепи!

Враг беспечен. Никак не постичь ему:
ясен путь печенежским коням
в светлый полдень — по лету по-птичьему,
ночью темной — по звездным огням.

Там, где стан свой раскинули половцы,
где белеют над степью шатры,
оставляют туманные полосы
разожженные ими костры.

Пусть их юноши силою хвалятся,
безмятежно пасутся стада, —
печенежская сабля и палица
не оставят от них и следа.

Вот и ночь опустилась над вежами,
Не колышется больше ковыль.
И остатками пиршества свежими
только тьма завладела да пыль.

Месяц белый задвинулся тучами,
словно воин, в засаду засев.
Эй, прощайтесь с конями летучими,
отдавайте скорей ваших дев!

Не туманы лежат безучастные —
вражки трупы хранит темнота.
Не ковры там разостланы красные —
богатырская кровь разлита.

Делят дев печенеги довольные,
забирают коней и рабов.
И укроют их степи привольные
от горячего мшенья врагов.

Вейте, ветры степные, могучие!
Сумасшедшая буря, реви!
Снова скачет с востока дремучего
конь рассвета в поту и крови.

ЧАСЫ

В этой комнате столько уюта!
Здесь, в покое, где мысли чисты,
незаметно проходят минуты...
Но внезапно ударят часы.

Мир откроет тяжелые шторы,
сложит мягкое кресло-кровать.
И от стрелок таинственных взора
ты не в силах уже оторвать.

И разносятся гулко удары,
погружаясь в глубины души.
Ты еще не такой уж и старый,
может, все впереди, но — спеши,

сбрось дремоты и сытости путы,
и от мелочных дел отрешись.
Незаметно проходят минуты,
но за ними скрывается жизнь.

г. Ростов-на-Дону

Юрий МАНАКОВ

* * *

Алтай ты мой зеленоглазый,
В теснине глыбистых Белков,
Ты неоконченным рассказом
Простерся посреди веков.

Я перелистываю книгу.
В ней — кедры, вереск и жарки,
Дороги каменной изгибы,
На дне ущелья — шум реки.

Ютится пасека на склоне,
Пасется лошадь на лугу.
Я до того в мой край влюбленный,
Что и расплакаться могу.

Я до того с тобой сроднился,
Алтай мой, горный и лесной,
И мне вовеки не напитокся
Водой твоею ключевой!

* * *

Я рос в бараках коммунизма.
Полынь, промышленная грязь.
Моя привязанность к отчизне
Здесь тихой звездочкой зажглась.

Отцы — кто с фронта, кто из тюрем.
Рассказы, водка, песни, смех.
Я никого не помню хмурым,
Хотя я крепко помню всех.

Медали звякали, и сила
Была такая в мужиках!
И где их только не носило,
В каких югах и северах!

Да, это были люди жизни.
Сейчас вокруг снуют не те...
Где ж вы, бараки коммунизма,
В своей нетленной доброте?!

г. Риддер, Алтай

Константин ПАВЛОВ

* * *

Настоялась тишина
 на полыни с мятой,
Горьковатая на вкус,
 не испить до дна...
В травах нежный василек
 бархат цвета спрятал,
Шмель пикирует в кустах,
 пьяный без вина.

Кромка утренней зари
 на рубашке лета
Красит пуговики росы
 в алые тона,
Солнце за холмом встает
 красненьким беретом,
По реке плывет туман
 и остатки сна.

г. Вологда

Илья МАРКОВ

* * *

Потому что гормон растворен в крови,
Жизнь на свете невысказана без любви.
Бесполезно противиться ей. Она
Нападает, как львица, лишает сна,
Аппетита и прочего. Для меня
Не вопрос, почему на исходе дня,
Обнимая рукой твою ладонь,
Ощущаю своей спиной огонь.

г. Ижевск

Сергей КАРГАШИН

* * *

Родина что?

Скатерть в синих горошинах.
Чай на террасе. Жужжание пчел.
Луг за околицей прадедом кошенный.
Да разговор до утра ни о чем.
Родина — в старых, простых фотографиях.
В паре солдатских истертых сапог.
В окнах кисейных, цветами заставленных.
В кошке, гоняющей лапой клубок.
Вечные радости — мясо с картошкой.
Хрипы гармонии на Троицын день.
Первый карасик в ребячьей ладошке.
Тихое шествие в небо церковей.

* * *

Горька полынь... Горька тоска-крапива...
Плывут... Плывут над Ситью журавли.
И так рыдают жалко, некрасиво,
Оторванные ветром от земли.
Куда теперь?! Вокруг поля пустые.
Дымят костры — жгут что-то пастухи.
Летите с Богом, милые, родные!..
Горька полынь... И версты так горьки!..

г. Москва

Олег ДЕМЧЕНКО

* * *

Будто бы нашествие Маая
прут они — несметная орда:
вековой уклад Руси ломая,
мирно занимают города.

Перепродают, перекупая,
сыто ухмыляются в усы...
Правосудье — статуя слепая —
тянет на их торг свои весы.

Чаша — как настроенная мина...
Взвешивай — нет силы больше ждать!
Кто-то за два грамма героина
полстраны готов уже продать!

г. Москва

Игорь ЛУКЪЯНОВ

* * *

Приснилось: лжец клеймил лжеца.
Предатель низвергал предателя.
И солнце, словно без лица,
Вставало медленно на западе.
И попросил я: «Но избавь...»
Проснулся. И рассвет в оконце.
Всходило на востоке солнце.
А в остальном — что сон, что явь...

* * *

Поле. Солнечно. Акаций
Белоснежные кусты.
На ветру ль глаза слезятся,
иль от этой красоты?
Ветром брошены поводья.
Россыпь белых лепестков.
Бодрый запах половодья
от летящих облаков.

г. Борисоглебск Воронежской обл.

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)

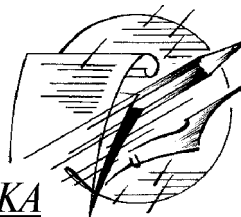
Глава 10. РОССИЯ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ: ДОСТОЙНАЯ ЖИЗНЬ ДЛЯ ВСЕХ ГРАЖДАН

Кому в России надо жить достойно

5 сентября 2007 года Владимир Путин посетил базу Тихоокеанского флота Вилючинск на Камчатке и устроил разнос местным и федеральным министрам, которые за три года «ни шиша не сделали» для реализации его указаний по обустройству этого региона. Особенно его возмутили кошмарные жилищные условия, в которых находились офицеры-подводники и их семьи. *«Российские офицеры должны жить достойно»*, — сказал он (имея в виду не сам образ жизни офицеров, в нем-то президент, видимо, не сомневался, а именно устройство их быта). Позднее, на ноябрьском совещании высшего военного руководства страны Путин добавил, что желательное жилье для офицеров — не «вонючие хрущевки», которые даже общежитиями назвать нельзя, а дома или квартиры, отвечающие самым высоким стандартам.

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Нельзя не согласиться с этими утверждениями, но я бы только добавил: достойными должны быть условия жизни также и врачей, и учителей, и рабочих, и крестьян. Но, видимо, у государства тогда не было возможности создать достойные условия жизни для всех граждан.

А ведь и сам народ за последние годы изменился. Это почувствовал политический аналитик Валерий Соловей, выпустивший книгу «Русская история: новое прочтение». По его словам, *«СССР был непобедим на поле военной конкуренции... Но когда мы стали себя сравнивать по потребительским стандартам, то тут мы проигрывали безусловно... Изменилось само советское общество, ставшее частью глобального общества с ориентацией на комфорт и потребительские ценности. Сейчас русские не отличаются в этом отношении от европейских, более того, мы в гораздо большей степени индивидуалисты. Сравнительная социология показывает, что наше общество сейчас самое индивидуалистическое, по крайней мере, в христианском мире»* («ЛГ», 2007, №44).

Современный человек уверен, что цель цивилизации — дать людям разные блага и комфорт. Это понимает и Путин. На одном из выездных заседаний Госсовета Бабурин заявил, что русский человек ставит интересы государства выше личных. Путин возразил ему, отметив, что наша политика должна быть ориентирована прежде всего на человека и его нужды, а уж затем — на все остальное.

С момента прихода Путина к власти политический курс России стал представлять собой как бы вектор, непрерывно меняющий свою величину и направление под воздействием множества сил, из которых наиболее существенными были следующие пять:

— воля самого президента, направленная на восстановление государства и на возвращение России статуса мировой державы;

— саботаж начинаний президента аппаратом, особенно той его частью, которая была наиболее тесно связана с интересами ельцинской «семьи» и непрерывно стремилась к реваншу, к возвращению утраченных позиций;

— стремление «олигархов» и вообще предпринимательского сообщества добиваться (чаще всего — не гнушаясь никакими средствами) наибольшей прибыли и влияния;

— растущее недовольство народных масс, особенно наиболее обездоленной их части, нищенским уровнем жизни и повседневным унижением;

— внешние воздействия, преимущественно со стороны Запада (опасность агрессии которого непрерывно возрастала), но с течением времени — также и с Востока (и в меньшей мере — с других направлений).

К чему привела равнодействующая этих сил к кануну решающих битв, было показано в предыдущей главе. И если бы результирующий вектор оставался таким же на протяжении еще хотя бы года-двух, то, очевидно, это могло бы привести к взрыву и исчезновению нашего государства как такового. А потому президент должен был устранить те препятствия со стороны других из перечисленных сил, которые не позволяли ему проводить в жизнь свой стратегический курс. Но очевидно также и то, что если бы он стал наступать всеми силами одновременно на всех фронтах, то потерпел бы неминуемое поражение. Особенно важно было не допустить одновременного нападения на Россию Запада и выступления реваншистов внутри страны. Для этого надо было максимально оттянуть горячую стадию новой «холодной войны» с Западом и нанести сокрушительный удар по его «пятой колонне» в России.

Чтобы разгромить эту вражескую агентуру, привлечь армию не требовалось. Да и армия, пока она не будет реформирована (как именно — об этом говорилось в главе 8), была скорее объектом воздействия, чем субъектом. Но она потребует на следующем этапе, когда разразится острый конфликт с Западом, и потому-то президент потребовал создать достойные условия жизни для офицеров. О бюджетниках, рабочих и крестьянах речь тогда не шла.

А что же будет с условиями жизни всех слоев народа сразу после Победы?

Ответ однозначен: они будут коренным образом улучшены. С чего же начнется этот всенародный подъем условий жизни?

С развития того, что в зародышевой форме уже заключалось в так называемых приоритетных национальных проектах, которые без революции, то есть без разгрома либералов, оставались мертворожденными. Все эти четыре направления развития, которые были определены нацпроектами, взаимно связаны. Начнешь рассматривать демографическую ситуацию или состояние здоровья населения — и окажется, что эти проблемы не решить без улучшения жилищных условий. Но ум человеческий не в

состоянии решать многогранные проблемы в целом, и приходится рассматривать их составные части сначала по отдельности, чтобы позднее перейти от анализа к синтезу. И мы начнем с жилищной проблемы, а затем перейдем к проблеме образования.

По-настоящему доступное жилье

Ни в одной развитой стране мира нет такой острой нужды в жилье, как в России. В очереди на получение жилья у нас стояли 6,5 миллиона семей, — это почти четверть населения страны, и средний срок ожидания жилья составлял 18 лет. В XIX веке небогатый крестьянин женил и отделял своего сына, и тот начинал строительство собственного дома, на что у него подчас уходило полжизни. Где же наш прогресс, если и сегодня ждать жилья нужно десятилетия?

В наши дни, в условиях рыночной экономики, бесплатное жилье смогут получать (если его дождутся) только малоимущие. Значит, тем, кто не попадает в эту категорию и в то же время недостаточно богат, чтобы купить квартиру (а таких — большинство нуждающихся), получение жилья «не светит» вообще. Можно ли смириться с такой «перспективой» для большинства народа?

Оставь надежды, голытьба... Страшна не нужда сама по себе — наш народ переживал и не такие беды, но тогда всякий раз впереди людям светил свет надежды, был виден выход. Страшна именно эта безысходность. А к ней добавляется сознание вопиющей несправедливости: миллионы людей живут в развалинах, в ужасающей тесноте, без всяких удобств, а в то же время элита, разбогатевшая неизвестно какими путями, строит виллы в пригородах столицы и покупает замки герцогов за границей. Такое положение грозит социальным взрывом.

А почему положение большинства нуждающихся безнадежно? Ведь жилье в стране строят и в больших объемах. Да, строят, но с расслоением общества на богатых и бедных строители ориентируются на тех покупателей, у которых есть большие деньги. К тому же богатые приобретают по две, три, четыре квартиры — не для того, чтобы в них жить, а для надежного вложения капитала, который в связи с неуклонным ростом цен на жилье будет со временем только возрастать.

Ну, а существующий жилой фонд в среднем изношен

на 65—70 процентов, причем половина обветшавших зданий ремонту не подлежит, их надо сносить, пока они не обрушились сами (что и происходит едва ли не каждый день). Предельно изношены не только здания, но и котельные, системы водоснабжения и канализации и пр. Даже Владимир Яковлев, когда был министром регионального развития, признал: если сохранятся нынешние тенденции, то для решения жилищной проблемы нам понадобится... триста лет. Точнее было бы сказать: если темпы выхода жилья из строя будут, как ныне, оставаться выше темпов предоставления жилищ, то проблема не будет решена никогда. А ведь на страну надвигается подлинная коммунальная катастрофа. Когда в советские времена землетрясением бывал разрушен целый город (Ташкент, Ашхабад или Спитак), на помощь пострадавшим приходила вся страна. А если жертвой обвала домов станет вся Россия, кто придет ей на помощь? Относительно благополучная Москва? Олигархи?

Задумки кремлевских мечтателей. И вот тут появился нацпроект «Доступное и комфортное жилье». Конечно, по деньгам то, что в нем предусмотрено, — это капля в море по сравнению с тем, что нужно. К тому же выясняется, что для выполнения проекта нет строительных мощностей, не хватает цемента и других материалов, а чиновники не спешат отводить земельные участки под застройку, вымогая взятки.

Инициаторы проекта основные надежды возлагают на ипотеку, иначе говоря, на покупку нуждающимися жилья в рассрочку. Но даже при обещанных скидках и субсидиях, жилье по нынешней стоимости смогут купить лишь достаточно обеспеченные граждане (это 5, от силы 10 процентов нуждающихся в жилье), да и тем нужна уверенность в том, что они не потеряют работу, источник дохода. А кто ныне, при рынке, может ее дать? Значит, при сохранении прежней практики жилищного строительства указанный нацпроект обречен на неудачу.

А есть ли выход из этого удручающего положения? Есть. Путей решения проблемы даже несколько, но в рамках этой работы можно обрисовать, да и то только в общих чертах, лишь два из них, на мой взгляд, наиболее эффективных.

Первый — радикальный: издается Декрет, по которому *«временно, вплоть до устранения жилищной нужды в стране»*, излишки жилплощади по сравнению с социальной

нормой подлежат принудительному заселению обездоленными. Путь вполне реальный. Как это проходило в первые годы Советской власти или когда в Великую Отечественную войну нужно было разместить на востоке эвакуированных с запада, — хорошо известно. Да и ныне, например, в Англии есть движение сквоттеров, которые занимают чужое пустующее жилье, мотивируя это тем, что квартиры должны служить для того, чтобы в них жить, а не владеть ими.

Что произойдет уже на следующий день после выхода Декрета? Правильно, срочно собирается Государственная дума, ныне представляющая интересы тех, кто жильем обеспечен вполне и гораздо выше социальных норм, и в самом срочном порядке, сразу в трех чтениях, принимает пакет законов, направленных на быстрое развертывание массового жилищного строительства. Все силы государства будут брошены на создание жилья для масс, чтобы эти «чумазы» не влезли в святая святых нынешних хозяев жизни, — в их пентхаузы, элитные квартиры, особняки и виллы.

Это — революционный путь решения жилищной проблемы, который годился бы и для современных условий, но он сопряжен с опасностью если не новой гражданской войны, то со значительным усилением социальной напряженности, хотя и иного рода, чем та, которая нарастает ныне. Поэтому дальше разбирается второй, эволюционный путь. Но предварительно надо осветить два едва ли не вечных вопроса: 1) жилье частное или казенное? и 2) отдельный дом или квартира в многоэтажном доме?

Тоска по отчужденному дому или архаизм?

В наши дни как бы возобновилась на новом уровне дискуссия по вопросам градостроительства, разразившаяся в конце 1920-х годов. Тогда шел спор между урбанистами и дезурбанистами. Урбанисты предлагали строить многоэтажные дома-коммуны с крошечными индивидуальными спальнями, зато с роскошными общественными столовыми, физкультурными залами и пр. Дезурбанисты настаивали на сооружении легких и чуть ли не переносных индивидуальных жилых спаленок-кабинетиков вдоль автомобильных дорог, в живописном природном окружении, а центром поселения считали клуб-столовую. И те и другие рассчитывали на человека-творца, индиви-

дуалиста в труде и общественника в быту. Семья как таковая, по сути, отрицалась, предполагалось общественное воспитание детей, для которых надо было сооружать отдельные городки. Ясно, что вчерашние крестьяне, хлынувшие в города в годы индустриализации и жившие привычно семьями, ни о каких кабинках-спаленках и слышать не хотели. Да и строить домики вдоль автомагистралей предлагалось, когда в стране не было ни автомобилей, ни дорог для них. И в 1930 году постановление ЦК ВКП(б) положило конец этим схоластическим спорам среди градостроителей. Нормальным типом жилого помещения для города стала считаться традиционная квартира в многоэтажном доме.

Сегодня тех урбанистов и дезурбанистов уже никто и не вспоминает, но время от времени появляются статьи сторонников широкого строительства индивидуальных (на семью) домов, находящихся в частной собственности. Еще на излете советского времени об этом писал корреспондент «ЛГ» Ж. Миндбаев:

«Тоска по отчужденному дому живет в моей душе с детства...

Родительский дом — начало начал,

Ты в жизни моей надежный причал.

У меня причала нет... в стране становится все меньше собственных домов. Даже в селе бывший оплот крестьянской семьи — свой дом с усадьбой — и тот вымирает. Дедовские избы либо опустели, либо посгнили. А новые коттеджи — это не семейное достояние... Уехал на работу в другой совхоз — дом сдай» («ЛГ», 1988, №3).

Иными словами, совхозный коттедж — орудие закабаления труженика. Не подчинился начальству — могут уволить и выставить с семьей на улицу. Да и в городе — что такое жилье, полученное от казны? *«Только что заселен новый дом. А уже началось его разрушение. На лестничных клетках, в лифтах срывают с петель двери, высекают надписи на стенах, бьют лампочки, царапают кабины...»* Со всем иным делом — в кооперативном доме, где живет собственник: *«У нас вечно протекает крыша — у него сухо. У нас щербатые ступеньки на лестнице — у него целые... Чистота, порядок. Свое, потому и берегут... Бесплатное благо порождает разрушительную идеологию изживенчества... именно в районах концентрации общежитий, массовой застройке безделье, хулиганство, пьянство вроде бы обретают второе дыхание».* Вот почему в развитых странах Запаदा 60—70 процентов семей живут в семейных домах, ради

чего часто залезают в долги (а это — не удавка, не зависимость?). *«Человек, обзаводящийся собственным жильем, — не проситель, а созидатель!.. А спросите-ка себя: годятся ли вообще для полноценной жизни человека 9 или 12 квадратных метров, которые ему положены? Что они гарантируют?.. Дом или квартира на семью, комната на человека — другое дело. И если у государства сил на это пока не хватает — давайте пошире откроем людям возможность позаботиться о надлежащем жилье самим!»* А чтобы больше граждан могли обзаводиться собственным жильем, государство должно возместить им стоимость того жилья, которое положено ему бесплатно. *«Это и будет соблюдением принципа социальной справедливости»*. То есть, жилье строится частное, но в основном за государственный счет, и эти бюджетные денежки государство должно выделить сегодня же.

Дом в частной собственности — это и земельный участок, тоже частное владение. При необходимости *«одни дома продаются, другие покупаются. Но свои»*. То есть, необходим рынок жилья и рынок земли, а это уже полномасштабная рыночная экономика. А она, как известно, с неизбежностью приводит к расслоению общества на богатых и бедных и постепенно — к концентрации богатства (в том числе и жилого фонда) в руках немногих. Бедноту вытесняют из центров городов на окраины или даже вообще из больших городов. Приватизация жилья была проведена, чтобы разжечь частнособственнический инстинкт, переложить бремя расходов по содержанию жилища на самих жильцов, создать этот рынок жилья. *«Москва — город не для бедных»*, — говорил один видный «демократ».

Алла Бархоленко в статье «А домовой считает иначе» («Уральская новь», 1990, №5) не просто развивала тему собственного дома, но и выносила приговор всей промышленной цивилизации (правда, почему-то только социалистической), которая, по ее мнению, ведет к фашизму. Отвечая тем, кто считает «кулацким» характер частной собственности на жилище, она поясняла:

«...Дом в нашем смысле не собственность, хотя и обладает всеми признаками частной собственности. Он больше... костюм семьи, и как таковой должен быть необходим и неприкосновенен... Получая, наконец, отдельную государственную квартиру, человек все равно остается... лишь квартиросъемщиком и пребывает таковым до конца своего пути, так и не поднявшись до положения хозяина своей жизни.»

Его быт унифицирован... он живет все в том же коммунальном муравейнике, где ему не принадлежит ничего — ни тишина, ни отдых, ни даже собственные дети, которые с младенчества перекочевывают в ясли и детсады и там обобщественно воспитываются для будущей унифицированной жизни. Приходящий рабочий — приходящий жилец, таково моральное положение большинства городского населения... Слава Богу, люди все больше осознают зловещее влияние городов, особенно социалистических мегаполисов, на свои жизни, и уже недалеко то время, когда хлынет обратный поток — не в город, а из него... Пока ты зависишь, ты управляем. В городе ты зависишь от водопровода, центрального отопления, канализации, от перекрытого или где-то взорвавшегося газа... и за этим просматривается столь фашистская, рабская и безвыходная конструкция общества... подобной которой еще не было в истории человечества и которая, к счастью, пока способна нас ужаснуть, а значит, и остановить... Соцгород — порождение принудительного труда... Он по природе своей ориентирует на преступление, и преступность в городе неизлечима...»

А что же нужно, чтобы избавиться от городской формы расселения, при которой «творческое начало искривляется и глохнет»? «Нужно, чтобы каждый стал независимым в труде и в жизни. Только через автономию каждой личности и добровольное единство этих личностей в своем народе можно привести к свертыванию зародившиеся спрутовые тенденции». Это уже что-то вроде сплава идей анархистов и «троглодитов», в свое время предлагавших срыть железные дороги, поскольку те были сооружены при капитализме. Предсказаниям о предстоящем бегстве населения из городов уже много десятилетий, но пока цивилизация развивается так, что приводит к дальнейшей концентрации населения в городах, которые растут и вширь, и особенно вверх.

Владимир Мегрэ пропагандирует идею создания родовых поместий, для чего нужно выделить каждой такой семье гектар земли («Завтра», 2007, №23).

Удобства жизни в собственных домах очевидны, но, например, поселки садоводов (все они — частники) в большинстве случаев производят жалкое впечатление. Да и элитные поселки не только на Рублевке, но и где-нибудь в Переделкине, с домами за пятиметровыми заборами с камерами наружного наблюдения и охраной уютными не назовешь.

Говорят: отдельный дом — идеальное место для творчества. Но вот творцу надо сосредоточиться на решении творческой задачи, а быт требует: надо крышу чинить или забор поправлять. Да и не все у нас творцы. Неудивительно, что нередко реакция значительной части населения на решения о развертывании строительства индивидуальных домов выражается формулой: *«Я не понимаю, почему нас опять загоняют в прошлый век?»* (это из письма читателя в «АиФ»).

«Страна небоскребов» или «одноэтажная Россия»?

На вопрос о преимуществах одно- и многоэтажных домов убедительно ответили тогдашний первый вице-премьер Дмитрий Медведев и тогдашний президент Владимир Путин. Медведев выступил в поддержку проекта «Одноэтажная Россия», но поддержал и идею жилищно-строительных кооперативов, которые будут строить жилье городского типа. А 26 ноября 2007 года Путин, находясь в Санкт-Петербурге, посетил две площадки, на которых построены дома для офицеров, одна из которых была застроена коттеджами, а другая — многоквартирными домами повышенной комфортности. Оба типа жилища получили высокую оценку со стороны и новых жильцов, и президента.

Ученый и публицист Юрий Крупнов разработал программу подъема России, и в этой программе одно из ведущих направлений — развертывание широкого строительства коттеджей.

Опыт строительства многоэтажных домов широко известен, поэтому ниже освещаются некоторые особенности программы возведения сборных индивидуальных жилых домов.

Строить там, где будущее страны

В России население сосредоточено в Европейской части страны, и притом в больших городах. При этом, судя по результатам социологических опросов, 60 процентов россиян считают, что самые большие возможности реализации потенциала личности — в Москве. И в большинстве своем они хотели бы жить в столице, что, очевидно, невозможно. В то же время малые города и сельская местность пребывают в запустении. А главные природные

ресурсы находятся в Сибири и на Дальнем Востоке. Россия потеряет свой Восток, если не осуществит переселение миллионов семей на эти свои богатейшие земли.

До властей, наконец, дошла эта истина. Уже обсуждается план заселения Российского Востока, правда, пока в основном силами иммигрантов. Ставится даже вопрос о перенесении столицы на побережье Тихого океана. Выдвинут и лозунг «Из городов — в пригороды!». Теперь достаточно бросить клич: «Хочешь получить квартиру сегодня или в течение года — поезжай туда, где будущее России!» — и миллионы людей с радостью двинутся на Восток, в наше российское Эльдorado, а также в малые города и в пригороды.

Не конурки, а особняки

Можно согласиться с теми, кто считает: рядовая квартира современного горожанина — это конурка, ячейка в каменной громаде многоэтажного дома. Да и деревенская изба, верой и правдой служившая нам века, — не жилище XXI века. В развитых странах давно уже приличным жильем для среднего класса считается особняк на семью площадью 150—200 квадратных метров, с земельным участком. А в XXI веке у работников многих профессий дом в пригороде становится одновременно и основным жильем, и дачей, и рабочим местом, которое связано с офисом через Интернет.

Но построить отдельный особняк — дело хлопотное. Чтобы они появлялись быстро и стоили дешево, надо перевести их строительство на индустриальные рельсы, как в свое время панельное домостроение, и застраивать ими целые кварталы. Время точечной застройки кончилось.

При строительстве, поставленном на поток, дом прибывает к вам в разобранном виде как железнодорожный контейнер. У него нет фундамента, он стоит на регулируемой стальной раме, а сам контейнер, кстати, при желании превращается в гараж или в кладовую. Бригада из шести рабочих с автокраном собирает дом за один день из готовых элементов — «слоеных» панелей с теплоизоляцией. Многими фирмами уже налажено производство вполне добротных трехэтажных домов. Поставить их строительство на поток — и стоимость квадратного метра упадет до полутора тысяч рублей: это 60 долларов, а не 3—4 тысячи «зеленых», как ныне в Москве (и не 600, как в среднем по стране)!

Быстровозводимый трехэтажный дом конструкции Сергея Сибирякова, одного из пионеров поточного каркасно-сборного строительства коттеджей, описан в книге Максима Калашникова и Юрия Крупнова «Оседлай молнию!». Стоимость дома площадью 150 «квадратов» примерно равна цене отечественной легковушки. У его конструкции — две особенности. Во-первых, отсутствие фундамента. Дом опирается на четыре стационарных минидомкрата (как ножки у холодильника), и образующаяся под ним «воздушная подушка» обеспечивает надежную теплоизоляцию жилья. Во-вторых, оригинальная автономная «энергоустановка» — теплоаккумулятор, позволяющий днем накапливать солнечное тепло, чтобы ночью, не затрачивая ни ватта энергии, отапливать спальни. Но возможны и обычные котлы или печи, а также выпускаемые в Твери торсионные теплогенераторы, дающие энергии существенно больше, чем потребляют.

В городе, где земля дороже, чем в сельской местности, двух-трехэтажные коттеджи ставят рядом, стена к стене, и получается таунхауз — многоквартирный дом, в котором каждая квартира имеет отдельный вход (а со двора — небольшой участок для садика всего в несколько грядок, как это принято в английских городах, только там эти дома обычно кирпичные).

Потоком идут тысячи писем с просьбой прислать такой дом или его чертежи и пр. Но ведь преимущества дома реализуются при застройке целого квартала или поселка, а при возведении одиночного особняка работы по подведению коммуникаций как минимум удвоят его стоимость (представляете, во что обойдется устройство канализации для отдельно взятого дома?). Поэтому необходима **государственная организация жилищного строительства**.

При обычной ныне практике выделенные бюджетом на нацпроект деньги легко разворовать. Кто проверит, сколько кубометров земли вынута, сколько кубов песка уложено? Правильнее всего было бы на бюджетные средства оборудовать площадки, сооружать инженерные сети. А на эти площадки придет частный капитал, застройщиками станут сами нуждающиеся в жилье, которым такой недорогой, но очень комфортный дом будет по карману. Особенно удобен будет такой подход для сельской местности, где потребуются восстанавливать целые разрушенные хозяйства, и в районах, подлежащих освоению.

Сегодня снова оказался востребованным и советский опыт жилищно-строительных кооперативов, при котором снижение стоимости жилья достигается за счет исключения разных посредников. А для неимущих необходимо строить жилые дома с квартирами, сдаваемыми в аренду за невысокую плату — примерно такую же (почти символическую), какая была в советское время.

Итак, государство должно вернуть элементы плановой системы, определить для себя основные направления развития экономики и соответственно наметить зоны предстоящего жилищного строительства, именно туда направить бюджетные средства, вкладывая их в создание инфраструктуры. И дать, наконец, возможность работать в полную силу комбинатам каркасно-сборного строительства коттеджей, сломить сопротивление тех сил, которые всеми способами тормозят это оптимальное решение жилищной проблемы.

Сергей Сибиряков много лет пробивал революционную технологию строительства, способную решить жилищную проблему для России раз и навсегда и тем внести свой вклад в неизбежно грядущую градостроительную революцию XXI века. По его словам, не перечислить все доводы противников индустрии сборных коттеджей. Одни говорили, что дома получаются слишком однообразными, дескать, так и жди ситуации, показанные в фильме «Ирония судьбы, или С легким паром!». Но это неправда. Однотипны лишь элементы конструкций, их можно использовать в разных комбинациях. К тому же элементы наружной отделки могут быть разнообразными, их владелец может или выбрать по вкусу, или создать сам. Другое возражение Сибиряков услышал, когда уже договорился о строительстве поселка — и вдруг заказчик пошел на попятную: дескать, дома с мансардой — не в русском национальном стиле. Можно ли представить себе большее лицемерие! А бараки и подвалы, бывшие коровники и свинарники, используемые под жилье, — это в русском стиле? Вы сначала обеспечьте людей благоустроенным жильем и работой, а потом уж заботьтесь о том, чтобы все отвечало требованиям национального стиля. За всеми этими отговорками скрывался корыстный интерес строительной и земельной мафии. (О степени их заинтересованности можно судить по тому, что стоимость сотки земли в наиболее престижных местах исчисляется десятками, а то и сотнями тысяч долларов.)

Когда начиналось массовое строительство «хрущоб», многие тоже сетовали: квартирki малы, порой с совмещенными санузлами, что не очень удобно, потолки низкие, словом, это не дворцы. Но с какой радостью люди переезжали в эти отдельные квартиры из коммуналок и подвалов! (Кстати говоря, зря эти дома связывают с именем Хрущева: известно, что задание на их разработку дал лично Сталин. И первые дома, как и домостроительный комбинат, были построены еще при его жизни. Смерть вождя и последовавшая борьба за власть оттянули развертывание массового жилищного строительства, и когда Хрущев к нему приступил, он, по сути, застал все готовое.) Вот и теперь надо быстро дать людям крышу над головой и определенный уровень комфорта, и при этом с минимальными затратами, а расходы при ориентировке на коттеджи будут по крайней мере на порядок ниже, чем при возведении обычных домов. Станет страна побогаче — построим жилье по новым, более высоким стандартам, хотя я уверен, что многие и не захотят менять коттедж на квартиру в обычном многоэтажном доме. (А кочевники малочисленных народов Севера просят наладить им изготовление яранг из оленьих шкур — самого удобного жилья в их природно-климатических условиях.)

При господстве мафии ее ставленники не ограничивались лишь словесными возражениями против строительства дешевых и удобных домов. Попытается кто-нибудь возвести такой дом — устроят поджог. Будет производитель сборных коттеджей проявлять упорство — может столкнуться и с более серьезными неприятностями. Призывы кота Леопольда «Ребята, давайте жить дружно!» здесь неуместны, ребята эти зубастые и языка призывов не понимают. Но задача обеспечения людей недорогим и удобным жильем — вдвойне государственная: и потому, что обеспечивается первейшая потребность граждан, и потому, что государство берет верх над преступностью.

Поэтому энтузиасты строительства сборных коттеджей высказывали здравую мысль: строительство таких поселков надо поручить военизированной строительной организации.

По их представлениям, вокруг участка, выделенного под строительство, выставляются часовые с автоматами. На строительную площадку завозятся сборные дома, их монтируют, подключают к системам жизнеобеспечения, ключи от готовых домов вручаются новоселам. Устраивается об-

ший праздник, после чего строители со спокойной совестью отправляются на новое место. С готовым и заселенным поселком, где уже взяла под охрану общественный порядок милиция, никакая мафия сделать ничего не сможет. И останется бывшим бандитам заняться общественно полезным делом. А для тех, кого такой поворот дела не устраивает, остается дорога только в открытый бандитизм, поле для которого по мере укрепления государства будет все более сужаться.

Использование своего рода трудовых армий для решения важнейших государственных задач широко практиковалось в разные эпохи и в различных странах. США вышли из Великой депрессии 1929—1932 годов, в частности, благодаря созданию Корпуса гражданского строительства, который соорудил автомобильные дороги (а они и сделали США современной Америкой), насаждал леса, возводил многие гражданские объекты.

Вполне возможно создание подобной организации и в России, освободившейся от господства либералов. Защита Отечества всегда остается священным долгом каждого гражданина. Призыву на военную службу подлежат все граждане соответствующих возрастов, но в связи с оснащением армии современной техникой такого количества солдат не требуется, и часть их может быть использована для решения важнейших государственных созидательных задач, к числу которых надо отнести и срочное устранение жилищной нужды. Ныне призывается менее 10 процентов лиц призывного возраста, значит, резервы рабочей силы огромны.

Трудовые армии — это не какая-то страшилка, связанная с замыслами Троцкого, и не какое-то подобие Гулага. Это нормальный способ использования трудовых ресурсов в государстве с плановой экономикой (как во время Великой Отечественной войны мобилизовали население на строительство оборонительных сооружений, мой отец был на это направлен с работы. Да и сейчас используют воинские части в помощь спасателям при крупных чрезвычайных происшествиях). Костяк такой армии составляют специалисты, избравшие эту службу своей профессией, и эти подразделения перебрасываются по завершении работ с одной стройки на другую. А для выполнения работ, не требующих высокой квалификации, привлекаются бойцы трудовых армий или добровольцы из местного населения.

Бойцы трудовых армий во всех отношениях обеспечиваются наравне с военнослужащими, среди них могут быть и срочники, и контрактники, последним предоставляется жилье семейного типа. При необходимости использования подразделений трудовых армий для освоения новых районов их деятельность должна начинаться с возведения жилья и объектов социального назначения для самих бойцов.

Создание подобной структуры обеспечило бы работой многие тысячи тех соотечественников, которых мы собираемся привлекать из других стран СНГ для освоения наших страдающих от нехватки рабочих рук регионов.

Словом, задача обеспечения жильем всего населения страны может быть и будет быстро решена с использованием разных методов, потому что будут устранены препятствия, при власти либералов созданные искусственно, чтобы дать возможность всевозможным паразитам наживаться на жилищной нужде граждан. Но масштабы предстоящей работы огромны. Член Общественной палаты Валерий Фадеев говорил, что нам за 20—30 лет предстоит полностью снести все ранее построенное и пришедшее в ветхость и возвести новое, то есть построить совсем новую Россию. Нормой надо считать строительством по одному квадратному метру на человека в год.

Но мало построить жилье и даже справедливо его распределить. Надо еще укротить зверя по имени ЖКХ.

Как нам реорганизовать ЖКХ?

Либералы, находившиеся у власти, приступили к проведению реформы жилищно-коммунального хозяйства с резкого повышения платы за жилплощадь и коммунальные услуги. Для миллионов российских семей оплата жилья становилась все более непосильным делом, и многим из них пришлось переехать из квартир в бараки. Петля на шее у миллионов россиян затягивалась все туже.

Из всех реформ, проведенных либеральными реформаторами, эта — едва ли не самая жестокая и взрывоопасная. Снижение жизненного уровня переносится тяжело, но все же вместо мяса можно покупать картошку, здоров не будешь, но с голоду не умрешь. А лишиться крова над головой — это значит вообще выпасть из жизни общества, стать бомжем, изгоем. И власть хладнокровно пошла на такую жестокую меру. И уже не досужие журна-

листы, а депутат Государственной думы Виктор Черепков (кстати сказать, бывший мэр Владивостока, то есть человек, понимающий, что такое жилищно-коммунальное хозяйство) выступил с сенсационным заявлением по телевидению на всю страну. По его словам, власть, выполняя волю своих заграничных хозяев, ставит эксперимент над народом, провоцируя его на бунты, которые приведут к развалу России. Обвинение очень серьезное, но никто из высших сфер на него никак не отреагировал. (Применимо ли в данном случае правило «молчание — знак согласия»?)

Что заставило власть идти на столь опасную затею, которая может привести совсем не к тем последствиям, на какие она рассчитывает? Главные причины этого следующие. Во-первых, это требование правящих кругов Запада, выдвигавших реформу ЖКХ как условие вступления России в ВТО. Во-вторых, стремление переложить львиную долю расходов по содержанию коммунальной сферы на плечи населения. Наконец, в-третьих, высвобождение от неплательщиков громадного жилого фонда, что открывает для чиновничества возможность наживы на спекуляции жильем. Уже и сейчас, скажем, выходцы с Кавказа составляют едва ли не самую многочисленную прослойку приезжего населения столицы и столичной области, а тогда этот регион, скорее всего, станет вообще кавказским. К добру это не приведет.

Не знаю, почему российские олигархи, как и выполняющие их волю члены правительства, не задумывались над тем, что ведь им при таком накале народной ненависти не жить в России. А путь на Запад, на что они уповали, отправляя туда семьи и переводя наворованные капиталы, закрыт. Если сам президент США Джордж Буш-младший публично назвал нескольких российских дельцов, в том числе и одного из бывших премьеров, ворами, то что ждет их на Западе? Только тюрьма. Так не лучше ли, казалось бы, стать солидным предпринимателем в России, чем долгие годы томиться в тюрьме на Западе? Но вор на созидательный труд неспособен. Олигарх может смириться с тем, что его лишили собственности (дескать, рынок: вчера повезло, а сегодня удача прошла мимо), но если его капиталы пошли на развитие какого-то региона, то это он воспримет как невосполнимую потерю. Капитал частника должен служить получению прибыли владельцу, а употребление его на развитие страны равнозначно конфискации.

Однако реформа ЖКХ объективно необходима. Если правительственный ее проект столь опасен и определенно окажется неэффективным, то как можно было бы ее провести более разумно?

Вообще-то положительный опыт в этой области накоплен громадный, но его не хотят замечать, потому что это невыгодно чиновничеству. Но начну я с небольшого отступления.

Еще «во времена застоя» на всю страну прогремел «эксперимент в Акчи», поставленный выдающимся экономистом-практиком Иваном Никифоровичем Худенко. Приняв совершенно разваленный совхоз, Худенко перевел коллектив на безнарядно-звеньевую систему организации производства, при которой работники сами становятся хозяевами и управляющими своего предприятия и потому добиваются потрясающей эффективности. Тогда считался прирост объема производства или производительности труда на 2—3 процента за год весьма неплохим показателем, а ежегодный рост экономики Японии на 10 процентов в год в мире окрестили «японским чудом». А в совхозе Худенко в казахском ауле Акчи за один год производительность труда выросла по хозяйству в целом в 7 раз, а у ремонтников (что для нашего случая особенно важно) — в 20 раз! Вот несколько цифр из годового отчета совхоза (цифры — в ценах того времени, в скобках — показатели по другим совхозам республики). Себестоимость центнера зерна составила 1 рубль 66 копеек (по республике — 6 рублей 38 копеек), годовая прибыль на одного работника — 1577 рублей (206 рублей), месячный заработок — 360 рублей (88 рублей). И при этом из планового фонда заработной платы в 196 тысяч рублей израсходовали всего 81 тысячу. Разве это не чудо?

А почему оно стало возможным? Потому что Худенко во главу угла поставил только конечный продукт, дело. Для этого он соединил уже известную до него звеньевую организацию производства с наукой, разработав технологическую карту на выработку каждого вида продукции. Звено получает в свое распоряжение положенные по нормативам средства, и все, что оно сэкономит, произведя установленное количество продукции нужного качества, становится его достоянием. А за сверхплановую продукцию, естественно, идет дополнительная оплата. При такой организации производства, во-первых, возникает стремление экономить труд, поэтому звенья обходятся

минимумом работников, а управленческий аппарат, по существу, полностью ликвидируется, то есть его функции выполняют сами работники. И агрономы, бухгалтеры, инженеры пошли в работники, потому что их заработок вырос в 3—4 раза. Никакие учетчики, контролеры и пр. в совхозе оказались не нужны.

В основу труда ремонтников, например, был положен такой принцип. Платить им нужно не за ремонт (иначе получится, что чем больше ремонтов требует техника, тем выше заработок ремонтников, а это — основа основ современной организации производства в этой сфере), а за исправность техники. Каждое производственное звено (трактористов, комбайнеров и пр.) отчисляло в фонд ремонта 10 процентов своего дохода, но ремонтники получали эти деньги только в том случае, если техника работала исправно. И ремонтники старались не допускать отказов техники, своевременно проводили ее профилактику, которая всегда обходится много дешевле, чем ремонт.

Вы думаете, Худенко стал Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии? Может быть, его даже выдвинули на Нобелевскую премию по экономике, поскольку столь блестящего результата не добивался ни один академик-экономист? Нет, его облыжно обвинили в финансовых злоупотреблениях и отправили в колонию, где он и умер. Врагов у него было множество. Препятствием для широкого внедрения его системы оказались как раз ее преимущества. При ней не нужны нахлебники — учетчики и контролеры. И далеко не каждого из них приняли бы в звено, где паразитам места нет. А их в каждом совхозе насчитывалось по сотне и более. Да и вышестоящее чиновничество видело в этой системе угрозу своему всевластию. Тут только начни революцию с низшего звена, она пойдет и выше, и когда она разгорится, ее уже не остановить. Вот эти враги и уничтожили самого Худенко, они же погубили его систему.

Отчасти в таком исходе дела был повинен и сам Худенко. Он уловил лишь одну важнейшую составляющую новой экономической системы: «Все, что ты сэкономил, — твое». Но он не принял во внимание другую: нельзя покусаться на штатное расписание, которое есть признак цивилизованности, залог уверенности работника в завтрашнем дне. Нельзя заниматься самоедством и увольнять коллег только для того, чтобы тебе больше заработать. О том, к чему оно приводит, мы позднее видели на примере

Щекинского комбината или «белорусского метода» на железных дорогах. На Белорусской дороге увольняли работников, и сэкономленные средства распределяли между оставшимися. Но львиная доля прибавки доставалась начальству, работникам же за минимальную добавку к зарплате приходилось работать много больше, совмещая свои прежние обязанности с обязанностями уволенных. В итоге — рост напряженности труда с неизбежными отрицательными последствиями для здоровья. Еще тяжелее складывалась судьба увольняемых.

Метод Худенко должен был сочетаться с продуманной политикой по созданию новых рабочих мест или с иными способами разрешения этого противоречия. О том, как этого добиться, речь пойдет в главе «От экономики — к народному хозяйству».

Вот и многочисленные попытки внедрить аналогичные системы в жилищно-коммунальном хозяйстве были подавлены чиновничеством — от жэка и дэза до министерств.

Наше жилищно-коммунальное хозяйство находится в запустении не потому, что ему отпускается мало средств, а потому, что там процветает паразитизм, — так же, как и в любой другой отрасли экономики. Предоставьте ремонтникам самим определять, сколько им нужно работников и как распорядиться средствами, выделенными на данный объем работ (для начала можно принять объем финансирования прошлого года), — и вы не узнаете наши жэки уже через месяц. Не нравится вам система Худенко — возьмите систему Магомеда Чартаева, в некоторых случаях еще более подходящую. Дело не в отсутствии разработанной системы, а в страхе чиновничества перед такими изменениями, которые лишают паразитов возможности кормиться за чужой счет. А это, как вы понимаете, проблема не одного лишь ЖКХ.

Обеспеченность, духовность и счастье

Сегодня 70 процентов населения России хотели бы улучшить свои жилищные условия. Скоро эта мечта осуществится, и нормальным жильем будут обеспечены все граждане России. Однако специалисты утверждают, что и после того, как острая жилищная нужда будет устранена, все равно 70 процентов населения по-прежнему будут желать лучшего жилья. Заместитель Юрия Лужкова, руководитель столичного строительного комплекса Владимир Ре-

син приводит такой пример: сегодня в Москве на одного жителя приходится 23 квадратных метра жилья, а в Париже — 70. Но москвичи спрашивают, чем же они хуже парижан, и тоже хотят иметь по 70 «квадратов».

А у некоторых желания идут еще дальше. Иные олигархи не довольствовались элитными квартирами в городе и вилами за городом, а покупали себе пентхаузы. Это «жилплощадь» в 250—300 квадратных метров в высотном доме (выше 25-го этажа), занимающая целый этаж, с остеклением от пола до потолка (верх престижа — верхний этаж, чтобы и крыша была стеклянной), с обзором на все 360 градусов. Отсюда открывается вид на всю Москву. К этому помещению ведет отдельный лифт, оно обеспечено независимыми системами электро- и водоснабжения, на крыше есть вертолетная площадка. Надо ли говорить, что внутренняя отделка помещений (для чего приглашается специальный модный архитектор-дизайнер) отличается всевозможной роскошью.

В телевизионной программе «Цена вопроса», созданной специально для сверхбогатых людей, обладательница такого пентхауза Светлана Бикбаева с восторгом рассказывала о своем «семейном гнездышке». Участники передачи сравнивали пентхаузы в Москве и в Нью-Йорке и утверждали, что в таком жилище человек чувствует себя совсем иначе, чем в привычной всем нам квартире. Там просто не захочешь ходить в джинсах или в халате, а нужно и повседневно быть одетым богато и по моде. Пентхауз — это проявление экспорта Западом своего мировоззрения в Россию, где оно воспринимается прежде всего элитой.

Ясно, что жизнь в таком сверхэлитном жилье немислима без использования чужого труда. Вилла хороша лишь тогда, когда у ее владельца есть слуги. А как иначе? Невозможно представить себе, что Борис Березовский, купивший герцогский замок во Франции, сам обходит с пылесосом все десятки комнат, протирает там стекла, моет полы и пр.

Очевидно, что стремление к обладанию таким жильем продиктовано не желанием иметь достаточно просторное помещение, а жадной почувствовать себя избранным, высоко (в прямом и в переносном смысле) стоящим над прочими людьми. Но ведь, например, знаменитому певцу или футболисту, чтобы почувствовать свою особость, вовсе не нужно забираться в пентхауз, их и без этого уз-

нают на улице, смотрят на них как на кумиров. А покупать пентхауз, чтобы почувствовать свою значительность, могут лишь богатые люди, страдающие комплексом неполноценности. К тому же это один из способов потратить получаемые ими шальные деньги, которым они не могут найти более достойного применения.

Вообще можно сформулировать такой закон: когда общество пребывает в состоянии застоя или разложения, вопросы бытового устройства выходят у людей на первый план. Когда же оно вступает в фазу подъема, его передовые люди, хотя и не перестают думать о бытовых проблемах, но они оказываются у них все же на втором плане. Отцветет русская культура лет через пятьдесят (как считают сторонники теории, согласно которой история представляет собой смену эпох национальных культур, в частности, на смену отжившей западноевропейской культуре приходит русская, век которой также отмерен), и русские люди станут больше всего заботиться о зубной пасте, защищающей от кариеса, как и современные европейцы. Тогда и заботы о непрерывном повышении комфортности жизни выйдут у них на первый план. Если же эта теория неверна и русской культуре предстоит долгая жизнь (на многие века), то у моих соотечественников на уме будут совсем другие проблемы. К этой теме я еще вернусь позднее.

К самому образованному обществу в мире!

Жилищная проблема, конечно, очень важна, но ведь наша задача — не в том, чтобы дать хорошее жилье убогому индивиду (который, кстати говоря, этот дар судьбы и не способен оценить по достоинству). Поэтому важно обеспечить всесторонний подъем уровня образования и культуры нашего народа, о чем мечтали еще Достоевский и другие русские гении.

В СССР уже через несколько лет после Октябрьской революции была ликвидирована неграмотность, а затем произошел невиданный в истории рывок освобожденного народа к вершинам науки и культуры. Мы были уже близки к тому, чтобы наша страна стала самой просвещенной и образованной в мире, но распад СССР оборвал это наше движение вперед, а либеральные реформы отбросили Россию в отношении науки, культуры и образования в позапрошлый век. Помимо миллионов детей, не

посещающих школу, в стране образовалась громадная масса (десятки миллионов) «новых неграмотных», которые умеют (хоть и с ошибками) читать и писать, но не пригодны для выполнения тех операций, каких требует современное высокотехнологичное производство.

Частники, которым была отдана экономика, не заинтересованы в подъеме образовательного уровня народа, а для своего дела они в массе ставших «лишними» людей всегда найдут нужных специалистов. Но и органы государственной власти, ответственные за народное образование, по-торгашески поняв положение о потребностях рынка, взяли курс на разрушение нашей школы и перестройку ее на западный манер, а также на ликвидацию системы профессионально-технического образования, о чем говорилось в главе 9. Тайную причину этой диверсии раскрыл академик В.А.Вотинов: *«Министр образования России В.М.Филиппов 18 июля 2002 года на закрытом заседании стратегического комитета Национального фонда подготовки кадров (НФПК) объявил о готовности начать реформу образования и о том, что последние требования Международного банка реконструкции и развития (МБРР) выполнены полностью. Суть проводимых с 1 августа 2002 года реформ, на которые МБРР выделил кредит в сумме 50 млн. долларов США, сводится, упрощенно говоря, к трем главным пунктам — 12-летняя форма обучения в школе, поступление в вузы по результатам единого государственного экзамена (ЕГЭ) и введение системы государственных именных финансовых обязательств (ГИФО), позволяющих выпускникам с отличными результатами ЕГЭ учиться в вузах страны бесплатно»* (Вотинов В.А. *Иностранные языки и реформа образования в России*. М., 2003, с. 16). А в 2007 году другой министр образования и науки А.Фурсенко откровенно признал, что, по его мнению, в России готовят слишком много творцов и слишком мало исполнителей. То есть, он посягал на сам менталитет русских, главная особенность которого — это именно способность к творчеству. Не случайно историк Юрий Жуков заметил, что Фурсенко по понятиям 1930-х годов — враг народа («ЛГ», 2007, №49).

Действия либералов были логически оправданными. Россия как сырьевой придаток Запада не нуждается в образованных кадрах. Для обслуживания нефтяной и газовой трубы, как давно подсчитано, достаточно иметь население в 15 миллионов человек. При этом нефтяни-

кам и газовикам достаточно будет умения открывать и закрывать задвижки на трубе и т.п. Ну, накиньте еще столько же на прочие нужды. Три четверти населения России, оказывается, не нужны. И этим «лишним людям» (не в литературном, а в экономическом смысле) нельзя давать хорошее образование: у них тогда возникнут претензии не просто на труд, а на труд высококвалифицированный. А его в стране не будет. Инженеры и конструкторы окажутся лишними: специалистов транснациональные корпорации, к которым перейдут наши месторождения нефти и газа, привезут с Запада, на долю россиян останется лишь тяжелый и грязный физический труд. Специалисты с высшим гуманитарным образованием для такой страны — недопустимая роскошь. Вот почему либералы стремились к тому, чтобы в России было как на Западе, только хуже. По отчетам, в США весьма высок образовательный уровень населения. Однако в действительности очень многие американцы читают только простенькие тексты, пишут с ошибками, не могут показать на карте, где находятся США, и спорят, как правильно произносить название страны: «Иран» или «Ирак». Профессор Сергей Кара-Мурза, много лет преподававший в университетах Запада, часто рассказывает, что массовая школа на Западе — это школа для дебилов (для детей элиты там есть совсем другая школа). Могу засвидетельствовать по собственному педагогическому опыту: наши школьники-троечники, переехав в США или Канаду, становятся там не просто отличниками, а гордостью учебных заведений, в которых они учатся. Школой для дебилов хотели бы либералы видеть и российскую школу — но не всякую.

«Кухаркины дети» и отпрыски «олигархов»

В России под властью либералов, нарастая из года в год, ширилась пропасть между детьми из простонародья и отпрысками новых «хозяев жизни». И пропасть эта сказывалась во всем — от различия в условиях обучения до мировоззрения и понимания смысла и способов жизни. Взглянем хотя бы мельком на два полюса этой сферы общественного бытия.

Сельская школа: слова и дела либералов. Либеральные «реформаторы» утверждали: якобы их задача в сфере образования — добиться, чтобы «ученик сельской школы

получал знания, как в столице». А на деле в стране ежегодно закрывались сотни малокомплектных (с малым числом учеников) сельских школ. Дескать, содержать школу, где столько же преподавателей, сколько и учеников, экономически невыгодно. Значит, надо иметь хорошо оборудованную школу, например, в районном центре, а школьников помещать в интернат, в таком нежном возрасте отрывая их от семьи и отдавая во власть среды, где часто господствуют уголовные замашки. (СМИ с умилением рассказывают о тех, кто берет малышей из детских домов в семьи, а тут вынуждают детей из семей отдавать в подобие детских домов!) Другое решение — доставлять учеников из деревень автобусами. В СМИ рассказывалось, как эта идиллическая картина (план «оптимизации») претворялся на практике.

Нередко школа (например, в вятской деревне Летский Рейд), в которой обучаются с первого по четвертый класс, занимает небольшую комнату в одноэтажном домике. В ней три-четыре ученика и одна учительница по всем предметам, плюс сторожа и истопник. Школа — самый крупный работодатель в деревне, потому что колхоз давно развалился.

Кто перешел в пятый класс, должен ходить в среднюю школу в соседний поселок, за несколько километров по скверной дороге, которую не одолеть без трактора (порой слыша завывание волков), если не подберет попутная машина. А кто в ней за рулем, какие у него намерения?

Вставать таким школьникам приходится затемно. А после уроков и многочасовых вынужденных пеших прогулок в любую погоду — и в дождь, и в грязь, и в мороз, надо еще приготовить домашние задания. Много ли шансов у таких учеников получить знания, как в столице?

Жители деревни считают, что им повезло, если и такую их школу не закрыли. Чиновники часто пытаются подобные школы закрыть, но сельский сход не дает на это согласия. Ведь закрытие школы — это приговор деревне, ей останется существовать недолго, большинству семей придется переезжать в город. Вымрет деревня — зарастут кустарником поля, еще более «скукожится» Россия.

В сельских школах часто не хватает преподавателей, особенно по информатике, физике, иностранным языкам. К тому же большинство учителей из-за нищенской зарплаты вынуждены не только совмещать преподавание

нескольких предметов, но и вести подсобное хозяйство, работать в огороде, содержать скот. Могут ли они следить за достижениями научной и педагогической мысли, быть на уровне современных требований? Дело подчас доходит до анекдотов. На одном хуторе Волгоградской области восстановили школу, а учителей в такую глухомань найти не могут. Согласилась работать старая женщина, преподававшая там тридцать лет назад, а потом трудившаяся поварихой, почтальоном, на скотном дворе.

Добавьте к этому бедность самих школ: часто там остро не хватало учебников, не было книг для чтения, даже книг Пушкина. Еще три года назад один компьютер в школах приходился на сто школьников, большинство которых «осваивали» информатику по рассказам учителя.

В рамках нацпроекта увеличилось число школьных автобусов, в сельскую школу пришли компьютеры. И что? Ученики осваивают их скорее и успешнее, чем учителя, особенно если те уже пенсионного возраста. В итоге подростки, например, отыскивают в Интернете эротические картинки (чиновники от образования «забыли» поставить фильтры), или становятся жертвами игромании, а наставники не в состоянии проследить за интересами своих учеников. Раньше на телевидении работала программа «Домашний университет», шли передачи — уроки по важнейшим школьным дисциплинам, в том числе и по иностранному языку. Потом канал купила компания НТВ, клятвенно обещавшая сохранить цикл образовательных передач. Но скоро передачи для школы начисто исчезли из сетки вещания.

Неудивительно, что в последние годы почти полностью прекратился приток одаренных крестьянских детей в лучшие вузы. И они уже не придут в науку, культуру... Недаром говорят: если бы сегодня Михайло Ломоносов пришел в Москву за знаниями, ему высшего образования не видать бы как своих ушей. Это огромная потеря для страны. (Другие аспекты проблемы сельской школы я затрону в следующей главе.)

Впрочем, и большинство городских школ за пределами столиц и крупных центров находится почти в таких же условиях, что и рядовые сельские школы, только в классе не три-четыре ученика, а 25—30. Как писала Марина Ордынская (цитату из ее статьи «Сага о школе» см. в упомянутом труде В.А.Вотинова, с. 16), «к классу седьмому-восьмому оказывается, что большинство учеников не уме-

ют читать, писать, слушать, думать и говорить... И в итоге каждое лето школы выпускают... поток инфантильных недоучек...»

Обучение детей накладно для семьи. Ведь даже, чтобы собрать в школу первоклашку, надо раскошелиться на приличную сумму. А либералы проводили в жизнь все новые законы, по которым почти все образовательные услуги становились платными. Вот и росло число детей школьного возраста, остающихся вне школы. Что их ожидает в будущем? И как это скажется на жизни страны?

В сфере образования, как и везде, либералы показали себя лицемерами, современными фарисеями.

На другом полюсе. А частная школа для отпрысков высокопоставленных родителей — за высоким забором и ограждением из колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток. Школа охраняется дюжими и вооруженными секьюрити с собаками, словно это сверхсекретный военный объект. Все постройки капитальные и роскошно обставленные. Здесь созданы идеальные условия для обучения и развития детей. Учись, занимайся верховой ездой или плаванием, катайся на велосипеде, играй в теннис или в футбол, и ни о чем не заботься — о тебе думают учителя, врачи, психологи, тренеры, тебя обеспечат ресторанным питанием.

Вступительный взнос, например, в школу «Медовые лужки», где учатся дочери Юрия Лужкова, — 30 000 евро, месячная плата — 2100 евро. В таких школах могут учиться только дети элиты. Задуманы эти заведения как рассадники будущих правящих кадров страны — министров, мэров, губернаторов, но это утопия.

В чем порок «рассадников элиты»? Пусть будет элитарное образование в специальных школах (с бесплатным обучением) для победителей всероссийских олимпиад, вообще для особо одаренных детей, пусть там воспитывается будущая интеллектуальная элита страны. Это — соревнование дарований.

Но в нынешних элитарных школах с запредельной платой за обучение — соревнование не талантов детей, а кошельков родителей, у которых дети, в большинстве случаев, средних способностей. Кого же из них воспитывают?

В «Медовых лужках» этого не скрывали: следующее поколение российских политиков и бизнесменов, граждан мира. Людей, которые бы хорошо себя чувствовали в любой точке земного шара. Наиболее «продвинутые» из

богатых родителей считали даже такие школы недостаточными и посылали своих отпрысков учиться в самые престижные учебные заведения США или Англии, в уверенности, что там-то уж дают подлинно элитарное образование и воспитание.

Вот в этом-то и заключалась главная ошибка и педагогов, и высокопоставленных родителей. Наши «хозяева жизни» полагали, что они уже вписались в ряды мировой элиты, стали в один ряд с Рокфеллером или Ротшильдом.

Но они заблуждались. Рокфеллеры и Ротшильды знали, что российские миллионеры — просто воры, думавшие, что угроза посадки на нары для них миновала. Но справедливость скоро восторжествует, и те высокопоставленные воры, кто останется в России, пойдут под суд в нашей стране, а тех, кто убежит на Запад, либо вернут через Интерпол на Родину, либо там попросят представить документы о честном происхождении их миллиардов, после чего самих заключат в тюрьму, а денежки конфискуют.

А какой будет судьба их детей, получивших такое космополитическое образование, на что они будут способны? Они не знают российской жизни, от изнанки которой их так старательно оберегают. Какие это будут российские бизнесмены и политики? Какой страной они собирались руководить, если их родители сами оторвались от народа и обрекли 90 процентов населения на нищету и невежество?

Пушкин писал своему однокашнику князю Горчакову, будущему канцлеру Российской империи:

*Нам разный путь судьбой назначен строгой,
Вступая в жизнь, мы быстро разошлись...*

Это разошлись два представителя одного класса, различавшиеся лишь знатностью рода и размерами состояния. Что же общего будет у выпускника сельской школы, получившего самые элементарные познания на уровне середины XX века, и у «элитария» с утонченным современным космополитическим, антирусским образованием?

Вот и выходит, что «элитарии» — кандидаты либо на те же нары, либо на эмиграцию в страны Запада, где в них абсолютно никто не нуждается.

Вот если бы Россия была оккупирована войсками НАТО (на что тайно надеялись и что своими действиями приближали находившиеся у власти либералы), то из воспи-

танников элитных школ вышли бы подготовленные сотрудники колониальной администрации, проклинаемые нашим народом. Но и эти расчеты не сбылись.

Как было показано в предыдущей главе, времена меняются. Кончатся и эксперименты в духе Фурсенко. Однако этого мало. Нужна полная перестройка российской школы в соответствии с требованиями XXI века и русскими традициями. Но на этот раз речь должна идти не об еще одной «перестройке», каких в XX веке наша школа пережила множество, а о полном отказе от средневековой организации образования и воспитания, господствующей еще ныне в мире, и о замене ее новой, гуманистической. Это будет подлинной школьной революцией. Насколько мы к ней готовы?

«Воспитание совершенной личности» из-под палки

Основы современной школы были заложены в XVII веке чешским мыслителем-гуманистом, педагогом и писателем Яном Амосом Коменским (1592—1670). Его заслуги перед человечеством велики. Он впервые обосновал идею всеобщего обучения на родном языке (до него преподавание велось на латыни), разработал единую школьную (предметно-урочную) систему и написал, в числе других своих трудов, «Великую дидактику» (1633—1638). Дидактика и до сих пор рассматривается как теория образования и воспитания, которая вскрывает закономерности усвоения знаний, умения и навыков и формирования убеждений, определяет объем и структуру содержания образования, совершенствует методы и организационные формы обучения, воспитующее воздействие учебного процесса на учащихся. Но и Коменский, как и другие гении, творил в условиях своего времени и имел дело с человеком той эпохи. Для Коменского обучение было трудом, который надо организовывать, применяя кнут и пряник. Пряник — это поощрения, а по окончании обучения — приличное положение в обществе. Кнут — это оценки успеваемости, внушения неуспевающим, а порой и наказание розгами. Порка лентяев и отстающих была в школе делом обыкновенным (в Англии отменена совсем недавно). И многие ученики ненавидели школу, хотя к новому знанию тянулись почти все. В «Тарасе Бульбе» Гоголя Остап зарывал свои учебники в землю. Петр I основал Академию наук «для славы среди иностранцев», а к ней, по

совету европейских ученых, решил присоединить университет и гимназию. Но оказалось, что слушать лекции было некому, а для исполнения устава, требовавшего чтения лекций, 17 профессоров, выписанные из Германии, откуда же выписали себе 8 студентов. В 1727 году в учрежденные еще Петром I «цифирные школы» набрано было, «охотой и силой», 200 учеников. И дети, и их родители всеми правдами и неправдами отбивались от направления в школу. Секли неуспевающих в духовных училищах и семинариях еще в середине XIX века, о чем Н.Г.Помяловский рассказывал в своих «Очерках бурсы», вышедших в 1863 году. Позднее телесные наказания в школах были отменены, но выставление оценок остается в силе, а ведь нередко неудовлетворительная оценка оказывает сильнейшее отрицательное воздействие на учеников. В.А.Вотинков в упомянутом выше труде приводит десяток названий газетных статей типа «Чтобы не писать контрольную, школьник отравил два десятка одноклассников» или «Десятилетний школьник покончил с собой из-за плохой отметки». Это Средневековье, перенесенное педагогами в XXI век, царит в нашей школе уже 370 лет.

А между тем в России впервые после Яна Амоса Коменского была создана принципиально новая система обучения, продолжает Вотинков. В этой системе *«становятся просто ненужными такие средства насилия, как оценки, контрольные работы, экзамены, зачеты и т.д., являющиеся источником стресса, приводящие к серьезным нарушениям здоровья учащихся и ко всем остальным эксцессам, о которых мы читали в заголовках газет... Первопричина негативного отношения учащихся к школе и процессу обучения заключается прежде всего в том, что действующая более 300 лет дидактическая система была ориентирована на психологию совсем другого человека, и сейчас она вступила в противоречие с менталитетом современного человека, личности, которая не терпит насилия, которая обрела чувство собственного достоинства, а потому и закономерно вызвала у этой личности адекватную реакцию — протест в самых острых и бескомпромиссных формах: от отказа выполнять домашние задания до бегства из школы, самоубийства и поджога школ»*. Новая школа *«использует более эффективные и гуманные средства управления познавательной деятельностью учащихся»*, основанные *«на положительных эмоциях, на желании познать новое, а не на стремлении получить положительную оценку»*.

Сталин глядел далеко. В XXI веке не может существовать развитое государство, где 90 процентов населения нищи и неграмотны (в современном смысле — не знают информационных технологий и пр.). И.В.Сталин еще в 1925 году говорил: «Мы хотим сделать всех рабочих и всех крестьян культурными и образованными». Глупого никакая школа умным не сделает, но образование позволяет развить те способности каждого человека, которые без этого остались бы нереализованными. И в СССР все делалось для этого, как ни в какой другой стране в мире, порой даже чрезмерно, когда тянули за уши и тех, кто явно не хотел учиться.

Кстати, насчет элитного образования. Когда в 1941 году правительство было эвакуировано в Куйбышев, высокопоставленные родители срочно создали там элитную школу для своих отпрысков. Узнав об этом, Сталин разгневался и приказал пресечь эту барскую затею, добавив при этом: «Проклятая элита!» Дети самого Сталина учились в обычной школе. Дочь Светлана училась неплохо, а сын Василий позволял себе разные выходки, и Сталин пенял учителям, что они терпимо к этому относятся.

Раз в России будет установлена власть, служащая интересам народа, а не кучки богачей, то утвердится и соответствующая политика в области образования. А значит, можно будет и решить поставленную Сталиным задачу — сделать всех россиян, стремящихся к этому, культурными и образованными, используя современные информационные технологии, которые позволяют даже в самой глухомани получить доступ к любым сокровищам науки и культуры. Вот по какому пути, как я полагаю, мы пойдем в решении этой задачи.

Как усовершенствовать систему образования

Начну с путей устранения главного недостатка средней и высшей школы.

У нас, как и на Западе, юноши и девушки учатся так долго, что, как говорит профессор С.П.Капица, у них не остается времени, чтобы создать семью. И все это время они остаются «иждивенцами», к тому же отягченными проблемами со здоровьем, половина сегодняшних выпускников школы не доживет до пенсии. Пока будет такая школа, нам демографической проблемы не решить. Да и специалистов она готовит неважных, их на производстве встречают словами: «Забудьте все, чему вас учили...»

Средняя школа. Советская школа 60—70-х годов была признана ООН лучшей в мире. В новых условиях ее нужно было реформировать, но пришедшие к власти либералы взяли курс «Равнение на Запад» и стали крушить систему образования, подгоняя ее под гораздо более слабые американские и западноевропейские стандарты.

А учатся у нас так долго потому, что каждый преподаватель убежден: именно его предмет очень важен, без него в жизни не обойтись. (К тому же, чем больше часов отведено на предмет, тем выше зарплата учителя.) И сама школа, стремясь успеть за новыми потребностями жизни, вводит все новые предметы — экономику, основы права, историю культуры и т.д. В итоге рабочая неделя добросовестного старшеклассника (уроки и домашние задания) составляет подчас до 70 часов — гораздо больше, чем у взрослых. А можно ли сократить это время без ущерба для содержания?

Можно и нужно. Для этого требуется убрать из школьных программ лишнее и вести преподавание на основе современных достижений.

Начну с сокращения программ. Ведь школа должна дать лишь основные знания (таблица умножения, сумма углов треугольника и пр.), которые запоминаются на всю жизнь, и привить учащемуся нормы поведения, принятые в обществе. Важно также, чтобы учащийся получил знания о том, как человечество шло к пониманию смысла жизни, предназначения человека (но это нужно не только школьнику, а всем, в том числе и взрослым, а потому об этом мы поговорим, когда речь пойдет о духовных основах жизни Новой России). А запоминать, чем различаются пищеварительные системы дождевого червя и ланцетника, не обязательно, этого, как выяснилось, не помнит не только президент страны, но и министр образования. (Они, думаю, вообще не сдали бы сейчас школьные выпускные экзамены.)

Теперь кратко о новых методиках преподавания.

Школьный курс по любому предмету — за 10 часов

То, что пройти курс средней школы к 14—15 годам (я поступил в институт, когда мне шел 16-й год) возможно, доказывает известный на весь мир «учитель от Бога» Виктор Федорович Шаталов.

Москвичка В.Н.Болотова рассказывает, что ее внук Ваня, обыкновенный ученик 5-го класса, посетив уроки

Шаталова, всего за пять дней твердо усвоил материал 7-го — 8-го классов. Он доказывал все теоремы, решал задачи наравне с ребятами, которые старше его на 2—4 года.

У Шаталова рядовые ученики усваивают школьный курс по большинству предметов в 9-м классе, то есть на два года раньше, чем положено по программе. Прежние двоечники становились победителями на математических олимпиадах и спортивных соревнованиях. Ученики четвертого шаталовского класса решали задачи лучше, чем выпускники сильного 10-го класса. И выпускники Шаталова всем классом поступали в вузы.

Казалось бы, такой выдающийся педагог достоин высших наград, отличий и почестей. Не тут-то было! Шаталова травили и чиновники ведомства образования, и коллеги-учителя. Его школу-лабораторию закрывали, самого педагога исключали из партии. Но он продолжал свой подвиг.

После распада СССР этот русский гений остался на Украине и оказался никому не нужным.

Сейчас Шаталов, приезжая время от времени в Москву, излагает годовой курс физики, алгебры, геометрии или тригонометрии за пять дней и при этом творит подлинные чудеса. Родители, уже махнувшие рукой на своих чад как на не способных к учебе, вдруг с радостью обнаруживают, что их дети — таланты!

Все уроки Шаталова по математике и физике записаны на видео, что сделало их доступными (в том числе и по деньгам) почти любой семье. Предполагается издать его уроки также по географии, истории, астрономии и пр. А ведь это можно было бы распространить на всю страну — и в Интернете, и с помощью телевидения. В развитых странах дистанционное обучение через Интернет (в том числе «электронные университеты») широко распространено.

Иностранный язык за 48 часов — не больше!

Таков девиз академика Вотинова. Его удивляет типичная картина: ребенок приходил на первый урок иностранного языка в 5-м классе *«с сияющими от восторга глазами и желанием свернуть горы, чтобы только овладеть языком. Проходил месяц, другой. Блеск в глазах угасал, желание овладеть языком пропадало. Первые невыученные уро-*

ки, первая двойка. Обучение кончилось. Началось принуждение, насилие. В этом случае отсутствие положительного результата гарантировано. Создается видимость, что дети «изучают язык», а педагоги их обучают... Ну ведь нельзя же дальше терпеть такую ситуацию, когда за 10—12 лет в школе и в вузе мы не можем обучить человека — будущего специалиста, предпринимателя, ученого — даже одному иностранному языку».

У Вотинова — три недели необременительных занятий, и вы будете в состоянии читать тексты самой высокой сложности (по синтаксису), понимать и переводить их, все реже пользуясь словарем. И достигается этот чудесный результат благодаря новому методу изучения языков, который Вотинов назвал «слайдингом». Чтобы писать об этом с полной уверенностью, я сам прошел первый этап обучения по системе «слайдинг».

Ну а если вам еще нужно общаться на иностранном языке, к тому же говорить без акцента, пройдите столь же короткий дополнительный курс, и ваше желание будет удовлетворено. При этом не имеет значения ни уровень вашей первоначальной подготовки по этому языку, ни возраст, ни профессия, успех каждому гарантируется. Труднее всего верят в это учителя иностранных языков, не желающие приобщиться к новым технологиям обучения.

Шаталов, Вотинов — не одинокие педагогические гении. Среди преподавателей буквально всех предметов школьной программы есть такие, кто разработал программу интенсивного обучения и составил соответствующий учебник. И если мы до сих пор мучаем детей, заставляя их сидеть за партой до того возраста, когда им полагалось бы уже быть отцами и матерями, то виной тому — нерадивые и косные педагоги и чиновники от образования, всеми силами тормозящие становление в России Новой Школы. (Они боятся потерять работу — и зря: учителей понадобится больше, чем сейчас, потому что в классе должно быть 10—12 учеников.)

Какой же вывод из этих достижений? Совершенно очевидный. Подростки в 14 лет получают паспорт, следовательно, считаются взрослыми (им даже разрешается, с согласия родителей, создавать коммерческое предприятие). Значит, и обязательное среднее образование они должны завершать примерно в этом возрасте. Взрослый человек должен и заниматься взрослыми делами, в том числе и приобретением специальности в учебных заведе-

ниях соответствующего профиля, а не просиживать штаны, обучаясь неизвестно чему, как это принято и у нас, и на Западе (там удлинение срока обучения — один из способов борьбы с безработицей и средство защиты юношества от попадания в лапы преступников). А всестороннее развитие личности должно обеспечиваться не общеобразовательной школой, а широчайшей сетью специальных училищ и различных (и доступных для всех желающих, то есть практически бесплатных) кружков, станций юных техников, профессиональных, музыкальных, художественных, спортивных школ на все вкусы — «твори, выдумывай, пробуй!». Примерно по этому пути отчасти уже пошли, например, в Италии, где, по свидетельству Людмилы Путиной, школьную неделю сократили с 40 до 24 часов, зато добавили 10 часов творчества, и это правильно.

Школа не должна быть школой белоручек, и хотя бы один день в неделю должен посвящаться физкультуре и работе руками. Тут очень пригодился бы советский опыт, о чем писал главный редактор журнала «Честь Отечества» (2007, № 9—10, с. 34—35) Александр Воловик:

«Раньше система профтехобразования не просто готовила массовую «рабочую силу». Она давала прекрасную стартовую площадку людям, не менее творческим, чем ученые, артисты, писатели. Людям, у которых просто лучшие работали другие группы мышц, другие структурные клетки мозга. И никто в ученом мире еще не может оспорить факт, что на развитие тончайших структур мозга действует «обратная связь» с набором «датчиков», расположенных у человека на ногах и особенно на руках...»

Более того, ранний, как в ПТУ, выбор профессии помогал и знания приобретать целенаправленно, даже в самом общем образовании выбирать цепко все то, что нужно для будущей специальности. В любом случае приучал к дисциплине, стойкости на пути к выбранной цели. И выходили из училищ и первый Конструктор космических кораблей Сергей Королев — и Первый космонавт планеты Земля Юрий Гагарин».

В действительности реформа должна быть более радикальной и всеохватывающей, но направление указано верно.

Путь в высшую школу. Если выпускник средней школы хочет продолжать обучение и, например, стать врачом, то ему надо будет поработать год санитаром в больнице, а затем года 3—4 поучиться в медицинском училище, получить аттестат медбрата (медсестры) или фельдшера. По-

работав годик на такой должности, можно без экзаменов поступить в вуз. Ведь он уже не случайный человек в медицине, да и в вуз придет не зеленым юнцом, а знающим дело человеком. С работы санитаром и в последующие годы обучения ему должны платить зарплату не ниже средней по региону, так что он уже может думать о создании семьи. А зарплата у врача должна быть не меньше, чем у менеджера крупной компании (в США, например, врачи — самая высокооплачиваемая категория работников).

Кстати, о вступительных экзаменах в вузах. Их давно следовало бы отменить (как это было сделано в первые годы Советской власти), тем более в наше время, когда число выпускников школы сравнялось с числом мест в вузах. Экзамены остаются в основном потому, что это кормушка для преподавателей и ловких дельцов. Невелика беда, если вуз примет какой-то процент недостаточно подготовленных или не сразу нашедших свое призвание студентов, которые отсеются после первого же семестра.

Пожизненное образование. За последние 15 лет Россия пережила период беспрецедентной деградации трудовых ресурсов. Бывший конструктор ракет, вынужденный стать «челноком», уже практически потерян как специалист. Среди рабочих высшую квалификацию у нас имеют только 5 процентов (в развитых странах — 50—70 процентов). В предыдущей главе уже говорилось: вообще «потерянное поколение», о котором так часто говорят, — это не только дети-беспризорники или подростки, бросившие школу, как принято считать. Это также миллионы подготовленных школами и вузами менеджеров, брокеров и других «рыночных специалистов». Время рынка закончилось, страна встала на ноги, и ей требуются тысячи и тысячи инженеров, конструкторов, математиков, физиков. А «рыночникам» в новой системе места нет. Значит, потеряна для будущего едва ли не половина населения страны. И нам предстоит, по сути, новое издание ликбеза — ликвидации уже «второй неграмотности», когда надо будет переучивать умеющих не только читать и писать, но и играть на бирже. Не позавидуешь тогда и детям элиты, получившим образование в самых престижных школах и университетах Запада.

XXI век будет веком сногшибательных новшеств во всех сферах жизни, и знаний, полученных в средней школе или вузе, через несколько лет будет недостаточно для успешной профессиональной деятельности. Практически

всем, занятым в сфере производства, учиться придется непрерывно. Когда я учился в институте, у нас был инженерный факультет, где повышали квалификацию крупные специалисты, уже имеющие высшее образование (им сохранялась их зарплата). Что-то в этом роде потребуется и сейчас.

Жизнь требует — все будет сделано!

Поставить образование в России на должный уровень можно только при широком участии государства. Рынок, где сегодня ценится одно, а завтра совсем другое, не может дать представления о том, какие специальности нужны стране на перспективу, это — дело государства. И вообще, эффективность системы образования в стране обратно пропорциональна уровню развития частной собственности.

Мы часто преувеличиваем роль наших планов и программ, а жизнь развивается по своим законам, нам еще мало известным, и диктует такие решения, о которых составители программ вначале и не думали. Они уже задним числом «подгоняли» результаты под свои предположения.

В 90-е годы в России были чудесные технологии (взять, например, строительство экранопланов — «истребителей авианосцев», дух захватывает, когда видишь кадры с изображением этого чуда техники). Были и эффективные предложения по решению жилищной проблемы, были и выдающиеся педагоги, которые могли бы поставить нашу школу на уровень, недостижимый для стран Запада. Но все это оказалось ненужным. Стояла задача разрушения государства, и все созидательное уничтожалось под корень.

А сегодня Россия на подъеме, наступило «время собирать камни», в народе снова пробуждаются гордость за Отечество и дух творчества, и после устранения либералов от власти произойдет подлинный взрыв энтузиазма (но уже в созидательных целях). Значит, и задачи в области жилищного строительства и образования будут выполнены полностью и лучше, чем мы предполагали*.

Продолжение следует

* Редакция не разделяет оптимистического пафоса автора.

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

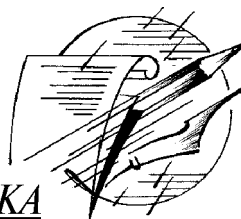
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

Особый архив КГБ СССР. — Документы тайной власти. — Первые попытки масонов вывезти архив на Запад. — Моя работа в этом архиве. — Находки и открытия. — Документальные подтверждения преступной деятельности масонства

В конце 1991-го мне позвонил давний приятель из Росархива и предложил немедленно встретиться. Вскоре мы прогуливались с ним по Покровскому бульвару, и он сообщил мне, что появилась возможность проникнуть в самый секретный архив нашей страны — Особый архив КГБ СССР. О существовании этого архива до последнего времени не знали даже старые архивные работники. Чтобы получить допуск, требовалось разрешение самого председателя КГБ, а он давал возможность работать с документами этого архива только своим кадровым сотрудникам...

Через день я уже сидел в Особом архиве, в тесном читальном зале на 6 столов и восхищался огромными возможностями, открывшимися передо мной как исследователем. Сверхсекретные, уникальные документы, мно-

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

гих из которых не касалась рука ученых, позволили мне в короткий срок начать новое направление исследований.

Никогда еще у ученых историков не было такой возможности познакомиться с документами совершенно секретных организаций, например, масонских лож, тайных иудейских и сионистских организаций. Каждый день работы в этом архиве был связан с настоящими открытиями, о которых я еще расскажу. Мне удалось удержаться в этом архиве несколько лет, хотя враждебные силы пытались меня из него вытеснить.

Несколько слов об истории архива. Его ядро составляли секретные документы тайных организаций, захваченные Гитлером в оккупированных им странах. Как оккультиста и сатаниста Гитлера прежде всего интересовали документы, раскрывавшие мистические рычаги власти, которыми владели тайные иудейские секты и масоны. Для их изучения глава III рейха создал секретный институт, который, по-видимому, курировал Розенберг.

Однако изучением документов гитлеровские оккультисты занимались недолго. Русская армия разрушила власть сатаны. Незадолго до своего конца Гитлер приказал спрятать самые секретные документы III рейха в штольне возле замка Альтан (Судетская область). В число этих документов, кроме архивов германских спецслужб, вошли и архивы иудейских и масонских организаций. Говорили, что Гитлер в последний момент отдал приказ уничтожить этот архив, но он не был исполнен. Русская армия спасла его. В тайниках глубоких штолен, рассказывали мне сотрудники архива, были спрятаны документы, привезенные сюда в 25 железнодорожных вагонах. Многие из этих документов оказались поврежденными, промокли. Российские специалисты привели их в порядок, систематизировали и, когда разобрались, — поняли, что в тайниках скрывались самые секретные документы со всей Западной Европы, которые гитлеровский режим считал особо важными для сохранения своей власти и влияния на мировую политику.

Во-первых, здесь были сосредоточены секретные архивы гестапо, полиции и других секретных служб фашистской Германии: досье, картотеки агентств, материалы наблюдений и агентурной работы в разных странах мира.

Во-вторых, здесь сохранялись самые ценные части архива других иностранных секретных служб и полиции — Франции, Голландии, Бельгии, Люксембурга. Особое зна-

чение имели секретные материалы «Сюртэ Женераль» (французского КГБ) и разведки с наполеоновских времен до захвата Франции Гитлером. Французские специалисты вели наблюдения за всем миром. В частности, мне удалось сделать целый ряд открытий, работая с материалами «Сюртэ Женераль». Прежде всего речь идет о документах, подтверждающих подрывную деятельность против России ряда тайных организаций, а также сионистских и мондиалистских структур.

В-третьих, архив концентрировал в себе секретные документы масонских организаций стран Западной Европы, куда, кроме перечисленных выше, входили также Италия, Швейцария, Испания. Собранные документы давали глубочайшие представления о механизме тайной власти и подрывной заговорщической деятельности «вольных каменщиков» во всем мире. Переписка, личные досье, списки масонских функционеров и агентов, циркулярные письма, финансовые документы, протоколы собраний давали полную информацию о технологии «незаметной» работы мировой закулисы.

В-четвертых, в Особый архив входили документы сионистских организаций, протоколы сионистских съездов, а также литературных и культурных учреждений, связанных с масонством и сионизмом (действовавших в неразрывной связи).

В общем, анализ находок в замке Альтан позволил нашим специалистам сделать вывод, что Гитлер не зря собрал именно эти документы в одном месте. Ибо, сосредоточенные воедино, они представляли собой мощное оружие тайного влияния на человечество — своего рода Архив Тайной Власти, или, иначе говоря, архив агентов влияния. Владея информацией Архива Тайной Власти, политик получал не только знание технологии секретной работы, но и готовую армию агентов, многими из которых можно было руководить подкупом или шантажом. Например, располагая списками членов масонских лож и сведениями об их разных махинациях, особенно финансовых, гестаповские офицеры заставляли масонов работать на себя.

Естественно, Сталин и политическое руководство СССР сразу поняли огромное значение Архива Тайной Власти даже для укрепления их собственного режим. Немедленно был отдан приказ перевезти архив в Москву, где для него руками военнопленных строилось специальное зда-

ние с глухими окнами и железными дверями. С самого начала установился режим сверхсекретности и статус Особого архива СССР. О существовании его знают единицы даже в высших эшелонах власти. В первые годы существования архива, примерно до смерти Сталина, его документы серьезно изучались, делались переводы ряда материалов, относящихся даже к XVIII веку, то есть исследовалась технология и эволюция тайной власти Запада. Однако позднее эта работа стала сворачиваться. Судя по листам использования, архивные дела затребовались только для оперативной работы КГБ и военной разведки.

В период Хрущева и Брежнева их растленное окружение начало потихоньку разбазаривать и разворовывать архив. Таинственным образом исчезла, например, огромная коллекция масонских знаков и символов (они якобы были переведены в Гохран, но туда не попали). Документы распродавались тысячами.

Все эти данные по истории архива я собрал у его сотрудников, а также у моего приятеля в Росархиве. Последний рассказывал мне, что надо спешить, ибо готовится тайная передача архива на Запад и что инициаторами передачи являются видные российские масоны, агенты влияния А.Н. Яковлев и Шеварднадзе. Масонские ложи начали активную кампанию с целью передачи Особого архива на Запад.

Начало кампании совпало по времени с официальным возобновлением в Москве масонской организации в рамках юрисдикции «Великой Национальной ложи Франции» и созданием в нашей стране лож «Северная Звезда», «Свободная Россия», «Гармония» и некоторых других.

Конкретным исполнителем акции разрушения масонского архива в то время стал некто Прокопенко, работавший директором Особого архива и замешанный, как мне рассказывал мой приятель из Росархива, в серьезном должностном преступлении — тайной продаже за границу архивных данных (дело даже обсуждалось на коллегии Главного Архивного Управления). Прокопенко шел на все, чтобы «засветить» Особый архив. В одной из своих бесед с журналистом он признавался, что «однажды решил подтолкнуть французов, чтобы они все-таки поинтересовались, где на самом деле находятся такие бесценные архивные материалы. Весной 1990 года Прокопенко опубликовал в «Известиях» ряд статей, в которых полностью раскрыл секретный характер архива, а чуть позднее, осенью 1991 года, вышел с предложением о передаче его на Запад.

Было это как раз тогда, когда я впервые пришел в архив и сам слышал тревожный шепот его сотрудников, возмущавшихся поведением Прокопенко. Через несколько месяцев главным действующим лицом этой позорной истории стал некто Рудольф Пихоя, муж личного спичрайтера Ельцина Людмилы Пихоя, ничем не проявивший себя преподаватель из Свердловска, которого пьяный президент перетащил с собой в Москву и поставил на должность руководителя Росархива. Ничего не смыслящий в архивном деле Пихоя был поставлен на архивы с тем, чтобы собирать компромат на политических соперников Ельцина и уничтожать документы, его компрометирующие. С приходом нового руководителя началась чистка и перетряска архивов, в таких же масштабах, как после 1917 года совершали еврейские большевики. Именно Пихоя Ельцин поручил осуществить тайную передачу Особого архива КГБ на Запад. Пихоя назначил Прокопенко своим заместителем по Росархиву, и уже вдвоем они разрабатывали конкретные планы этой акции, ездили договариваться в западные страны, отдыхали там за счет принимающей стороны, получали дорогие подарки и деньги на личные расходы. Мне рассказывали, что только Пихоя положил в карман около 300 тысяч франков.

За первые месяцы работы в Особом архиве я подружился с некоторыми сотрудниками. До них из Росархива снова дошла тревожная информация: ненавистный всем Пихоя ездил во Францию, жил преимущественно в курортных городах Канне и Ницце, где передал французским масонам полный список документов, хранившихся в Особом архиве. Одновременно он подготовил докладную записку о том, что документы Особого архива не представляют ценности для России и могут быть переданы Франции и другим странам. К ноябрю 1992 года был подписан тайный документ о передаче большей части Особого архива во Францию. В Особый архив поступило приказание готовить документы к передаче на Запад.

Моя работа в Особом архиве проходила в атмосфере тревожного ожидания. Чуть ли не каждый месяц кто-то сообщал, что архив закрывается. Но шло время, а я продолжал работать. Горячие политические события 1992—1993 годов явно мешали Ельцину публично совершить акт государственной измены...

Уже в первые месяцы работы в Особом архиве я натолкнулся на залежи документов масонского ордена «Вели-

кий Восток Франции», среди которых, в частности, хранилась «Конституция Великого Востока Франции», датированная 1673 или 1678 годом. Найденный документ позволял пересмотреть дату и место возникновения масонства. Ранее считалось, что это 1717 год и Англия. Сведения Особого архива позволяли передвинуть эту дату в XVII век, во Францию. В архиве я нашел множество российских документов — масонский диплом за подписью графа Калиостро, расписку Наполеона, личный архив Ротшильдов, тайную переписку масонских лож со времен Французской революции XVIII века до 1940 года.

В Особом архиве я испытал счастье ученого, перед которым открылось то, что ранее не было известно никому. Мне вспомнились слова известного французского историка Ж. Банвиля, посвятившего свою жизнь изучению политических событий XIX—XX веков, который перед смертью признал, что правдиво написать современную историю невозможно до тех пор, пока не будут вскрыты и изучены секретные масонские архивы. «Все политические события, — отмечал Банвиль, — исходят из какого-то таинственного центра и уходят туда. Историк может о многом догадываться, но непреложных документов нет».

То, о чем мечтал французский историк, на какое-то время сбылось для меня. Десятки, сотни тысяч дел с середины XVIII века по 1939 год, а в них — протоколы заседаний масонских лож, документы, циркулярные письма и инструкции, финансовые отчеты и переписки, позволяющие с полной определенностью говорить о преступном, заговорщическом характере этой тайной организации, ставящей главной целью достижение политического влияния и господства темных закулисных сил.

В отличие от западного масонства, преимущественно игравшего роль закулисного идеологического и политического лобби, русское масонство имело свои характерные особенности. Сохраняя все черты закулисного лобби, русское масонство в силу своей зависимости от зарубежных масонских орденов было средоточием лиц, лишенных национального сознания, а нередко просто откровенно антирусской ориентации. Для многих из них масонство было формой русофобии — ненависти к русскому народу, его традициям, обычаям и идеалам, попрания национальных интересов России. В масонстве русская интеллигенция отчуждалась от русского народа, уходила от него в подполье, выдумывая там разные проекты и комбинации «обустройства» России на западный лад.

Главное, что мне удалось установить, изучая документы Особого архива, состояло в том, что русское масонство, начиная с XVIII века, всегда было только филиалом масонских орденов Западной Европы, тщательно исполняя все инструкции их руководителей.

Даже в те короткие моменты, когда оно получало относительную автономию, внутренняя жизнь русского масонства полностью контролировалась зарубежными центрами. Об этом неопровержимо свидетельствуют переписка российских масонов со своими руководителями из-за рубежа, а также отчеты о проводимой работе. Из-за рубежа русским масонам поступали инструкции и циркулярные письма, которым они были обязаны следовать в своей работе.

Авторитет зарубежных масонских начальников был у российских масонов очень высок, гораздо выше, чем авторитет законной русской власти. Сколько раз за свою историю российские масоны вступали в тайный сговор с зарубежными собратьями, чтобы проводить линию, которая на их языке называлась «большая масонская правда»!

Российских масонских братьев совершенно не смущало, что они по своей сути являлись агентами зарубежных правительств и, выполняя установки своих центров, подрывали национальные интересы России.

История масонства в России — это история заговора против России.

Архивные данные свидетельствуют, что практически нет ни одного важного для России события, в котором масонские ордены не сыграли особую, всегда отрицательную для нее роль. Масонство было главной формой незримой духовной оккупации России, формой реализации антирусских импульсов Запада.

По отношению к России деятельность масонских орденов носила в чистом виде заговорщический характер, ибо предполагала тайные действия, не соответствовавшие национальным интересам России, способствовала ее ослаблению, поражению в войнах, разрушению национальных идеалов, традиций и обычаев.

По сути дела, «работа» масонских орденов велась параллельно подрывной деятельности зарубежных спецслужб, а часто и переплеталась с ними. Известно множество случаев, когда члены масонских лож и агенты иностранных разведок выступали в одном лице. Кстати гово-

ря, зарубежные спецслужбы всегда рассматривали масонов как резерв для подбора кадров в борьбе против России.

Сами масоны всегда пытались представить свое преступное сообщество как идейную организацию. Однако никакой положительной идеи в умственных рассуждениях масонов не существовало, их объединяла только сатанинская жажда господства над другими людьми.

Идеология масонства — это идеология избранничества, предполагающая господство над человечеством. Цель масонов — установление мирового порядка, в котором им будет принадлежать господствующая роль.

В масонской литературе это символически изображается как строительство храма, вольными каменщиками которого являются масоны. Своим отцом они считают Адонирама (или Хирама), которому Соломон поручил строение храма. Этот Адонирам «должен был великому числу работников производить плату, которых он всех знать не мог». Каждому строителю Соломонова храма масонская система обещает вознаграждение в зависимости от внесенного вклада. С этого обещания вознаграждения собственно и начинается масонская доктрина, которая подробно расписывает мзду каждого. «Дабы ему (Адонираму) ученикам не заплатить столько, сколько следует товарищам, а товарищам столько, сколько следует мастерам, то принужден он был с каждым из них согласиться о некоторых словах, знаниях и осязаниях для различения каждого в особенности».

Для установления нового мирового порядка масонские власти формируют тайное мировое правительство, которое в разные времена существовало в разных обликах, но всегда под контролем иудаистских лидеров. В XVIII—XX веках оно постоянно мигрировало из Англии в Германию, а оттуда во Францию, переместившись в XX веке в США. Сегодня рабочими органами этого правительства являются Руководящий орган всемирной еврейской масонской ложи «Бнай-Брит», Совет по международным отношениям, Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб, Международный валютный фонд, Всемирный банк и некоторые другие организации.

Русская Церковь всегда осуждала масонство, справедливо считая его проявлением сатанизма. Если на низших ступенях посвящения иногда и встречались религиозные люди, то масоны высших градусов были воинствующими

безбожниками и врагами Церкви. Разрушение Церкви считалось одной из главных задач масонства как идеологической организации. В 1881 году бельгийский масон Флери писал: «Долой Распятого!... Его царство кончено! Бог не нужен». Другой высокопоставленный масон заявлял в 1912 году: «...пока мы не ликвидируем церкви, мы не сможем работать продуктивно и построить что-либо прочное». «Есть война, — вторил ему в 1913 году другой масон, — которую мы должны продолжать до победы или до смерти, — это война против всегдашних врагов масонства: всех догматов, всех церквей».

«Будем помнить, — повторяли за ним другие масоны, — что христианство и масонство абсолютно несовместимы, и потому принадлежать к одному — значит порвать с другим». У масонов треугольник с «всевидающим оком» дьявола подменяет крест, а ложа — храм Божий. «Мы, масоны, — говорил мастер ложи Лессинга, — принадлежим к роду Люцифера».

Масонство отказывалось от всего того, что придает плоть национальной жизни общества, от всей сложной жизненной системы, связанной с понятиями Родины, Отечества, Православия. Оно отходило от русских религиозных, государственных, сословных традиций и старалось заменить их некими космополитическими абстракциями.

Масоны стремились не только уничтожить Русскую Церковь и русское государство, но и духовно перестроить русского человека, сделав из него космополита. «Внутренняя работа над совершенствованием дикого камня русской души», по мнению Г.В. Вернадского, была главным направлением всей масонской работы и способствовала «созданию того типа, который надолго получил значение в русском дворянском обществе».

Русские масоны любили поговорить о борьбе со злом в мире и в самих себе, о восхождении по таинственной лестнице или о цепи, соединяющей мир земли и тления с миром духа. На лестнице этой много ступеней, в цепи много звеньев, но главнейшее из них — самопознание, покаяние, устройство внутреннего храма, высшее прозрение, у иных ищущих — экстаз, у других — великое безмолвное созерцание.

Однако на практике реальное участие в масонской работе было сознательным служением темным силам сатанизма.

Среди символов, объясняющих страшную суть масонства, образ сатаны является наиболее точным и опреде-

ляющим. В глубокой тайне и темноте пришел он на Русскую землю, чтобы разрушать ее святыни и духовные ценности, грабить ее богатства и поработить ее народ.

Великая тысячелетняя держава, занимающая шестую часть света, жившая своим трудом и существовавшая совершенно независимо от остального мира, была не только лакомым куском для интернациональных паразитов, но и глубоким укором их эксплуататорской политике, направленной на грабеж и колониальное закабаление других народов. В XVIII веке окончательно выкристаллизовались главные ценности западной цивилизации, ядром которых стали масонские идеалы избранничества и право управлять «темным большинством» человечества, выросшие из иудаизма, Талмуда и каббалистических учений. К концу XVIII века сообщество стран, принадлежащих к западной цивилизации, осуществило широкомасштабное ограбление десятков миллионов людей в Азии, Америке, Африке и за счет страданий этих людей обеспечило благополучную жизнь многих обывателей Западной Европы.

В таких условиях объединение западных обывателей в тайные масонские ложи было организационным и идеологическим обеспечением системы паразитизма и эксплуатации других народов западными странами. Внешние мистические и ритуальные оболочки были только ширмой, за которой, по сути дела, скрывалась секретная политическая партия западного мира, провозглашавшего свою избранность и право на эксплуатацию остального человечества.

Недаром сами масоны нередко объявляют себя преемниками древнего ордена Соломонова храма (тамплиеров). Следует напомнить, что это был разбойничий орден, прославившийся своими грабежами и злодейскими убийствами в эпоху крестовых походов. Перешагнув все христианские заветы, тамплиеры чувствовали себя превыше других, считали возможным заниматься колдовством и разными мистическими манипуляциями, расцениваемыми в средневековье как сношения с дьяволом. В результате многочисленные преступления ордена Соломонова храма были разоблачены, его руководители казнены, а многие храмовники оказались в тюрьме.

Конечно, в своей основе масонские ложи служили прикрытием еще более тайной деятельности глубоко законспирированных тайных еврейских сект расового превос-

ходства, активизация которых со второй половины XVIII века была связана, в частности, с деятельностью банкиров Ротшильдов.

Обрядовая, символическая сторона масонства имела ядро — иудейские верования, создание исключительно хороших условий существования для своих в ущерб всем чужим (гоям). За хитросплетениями иудейских, каббалистических формул скрывалось не движение к постижению Святого Духа, а, наоборот, стремительное движение от него к формам жизни, предполагающим упиваться земными наслаждениями и искать себе благ любой ценой, за счет других людей. Христианские добродетели отбрасывались самым демонстративным образом. Так, в 1936 году в одной из лож Великого Востока Франции делается доклад «Справедливо ли отвечать добром на зло?». И дается ответ — несправедливо. На зло надо отвечать злом. А для масона зло — все, что противоречит его интересам. И отсюда борьба против всего человечества. В общем, — иудаистский принцип «око за око, зуб за зуб», помноженный на эгоизм воинствующего безбожника.

Однако обрядовая сторона практически не влияла на политические и деловые задачи, которые решались внутри масонских организаций.

Недаром еще в XVIII веке одни и те же ложи переходили из одной системы в другую. Один и тот же масон мог состоять и в ложе шотландского устава, и одновременно быть розенкрейцером или мартинистом.

Как признавался известный масон Папюс, в масонстве «всякий ритуал соответствует всегда либо политической, либо философской необходимости». А когда этого не требовалось, масоны отказывались от всякого ритуала, обнажая свою чисто политическую сущность. Ибо философия масонства есть обоснование политики группового эгоизма.

По сути дела, масонский обряд был дымовой завесой для непосвященных. Своего рода попыткой представить, что за внешне красивым и сложным обрядом следуют выдающиеся дела. На самом деле на этой внешней театральной красивости и заканчивалось все положительное (если это можно так назвать), что было в масонстве.

Методология тайных дел масонства раскрывается при ближайшем рассмотрении системы его посвящений, которые в разных масонских орденах выражают общую закономерность беспрекословной дисциплины и послушания.

Высшие степени посвящения выполняют чисто политические функции и являются ядром правящих систем всех западных стран. Эти части масонства определяют политику государств, разрабатывают перспективы мирового развития, готовят и продвигают высшие кадры своих единомышленников (иногда даже не масонов). Ритуал для этих степеней не играет никакой роли. Дела высших степеней сохраняются в глубокой тайне от нижестоящих.

Средние степени посвящения выполняют политические функции, но на более узком, чаще региональном уровне, и больше всего участвуют в подготовке кадров из определенного рода людей и вовлечении их в масонское подполье. Действуют они всегда под жестким контролем и по определенным инструкциям деятелей высших степеней посвящения. Ритуал для этих степеней имеет чисто условный характер, а вся их деятельность также скрывается от нижестоящих.

Высшие и средние масонские степени, начиная с третьего градуса, давали их носителям тайное право на совершение любых преступлений и право на любую ложь ради общемасонского дела. «Освобождение от обетов», «ложь во спасение» были особой привилегией этой части масонства.

Низшие степени посвящения представляли собой сложные, многослойные образования самых разных людей. Это своего рода кадровый резервуар масонства, часть содержимого которого отсеивается, а часть никогда даже на средние степени не поднимается.

Последние чаще всего состоят из лиц, которых по большому счету к масонам и отнести нельзя, это преимущественно духовно-нравственно дезориентированные люди, сбившие с толку псевдоидеалистическими и псевдоромантическими заявлениями масонских орденов. Эти люди нередко за чистую монету принимают ритуальные игры и охотно участвуют в них. Но именно эта часть масонов низшей степени имеет для масонских орденов особое практическое значение — она служит интересам создания положительного имиджа этой преступной организации, представляя ее как безобидное собрание романтических чудаков, мечтающих о совершенствовании человечества. Нередко это просто приманка для вступления в орден известных людей из сфер литературы, искусства и др. Таких людей мы назвали бы масонами для отвода глаз.

Они служат невольным прикрытием масонских преступлений и подпольных дел, хотя сами о них совершенно не осведомлены. Именно такую роль в масонстве выполняли некоторые деятели русской культуры, например архитектор Баженов, художник Левицкий, писатель Вересаев.

Пользуясь возвышенными романтическими настроениями этих людей, масонские конспираторы обещали им открыть «бесконечные горизонты совершенствования души» и самосовершенствования. Конечно, все это был обман, ибо мошенники не могли им дать ничего положительного, зато получали их славные имена для использования в своих спекуляциях. Масоны не гнушались даже приписывать к своим рядам людей, которые либо в масонстве вообще не состояли, либо состояли непродолжительный срок и никакого участия в масонской работе не принимали.

В списках масонских лож, хранящихся в Особом архиве, я не нашел имен великих русских людей, которым масоны приписывали членство в масонских ложах.

Совершенно безосновательно, в целях повышения престижа своей организации вольные каменщики приписывали себе Петра I и многих из его соратников, поэтов Державина и Жуковского и даже Николая II.

Не подтверждается фактами и участие в масонских ложах великих русских полководцев Суворова и Кутузова. Легенда об их принадлежности к масонству — яркий пример обмана, на который шли «вольные каменщики», чтобы возвеличить себя и скрыть свою преступную сущность.

Случайный, эпизодический характер носила причастность к масонским лохам Пушкина, Карамзина и Грибоедова, хотя «вольные каменщики» до сих пор в рекламных целях приводят их как пример своих «образцовых братьев».

Пушкин был записан в ложу «Овидий» в середине 1821 года, а в конце этого же года ложа распалась, так и не начав работать. Конечно, масоны и позднее всячески старались привлечь великого поэта в свои ряды, но ему был глубоко противен характер масонского подполья, дух интриг, отдававший государственной изменой, и их попытки остались безуспешными. Позднее масоны сыграли трагическую роль в судьбе Пушкина. Как показали научные исследования 20-х годов, «Диплом рогоносца», ставший одной из главных причин дуэли и гибели поэта, был составлен масоном, князем П. Долгоруковым. Вывод этот

подтверждается графологической экспертизой. Крупным масоном был и убийца Пушкина Дантес.

Сторонился масонства (хотя незначительное время и состоял в низшей степени в одной из лож) и А.С. Грибоедов. Никакой реальной масонской работы он не вел. Более того, в комедии «Горе от ума» он, по сути дела, высмеивает «вольных каменщиков» и их собрания, стремившиеся определять политику («У нас есть общество и тайные собранья по четвергам. Секретнейший союз...»).

В юные годы короткое время состоял в одной из лож Карамзин, который быстро понял антирусскую сущность масонства и вышел из его членов. В зрелом возрасте масоны предлагали русскому историку вновь вступить в ложу, суля высокие масонские степени и поддержку, но он отказался. В отместку за это масоны начали его травить.

Начиная с XIX века масонские организации стали массовым политическим движением взаимопомощи безнравственных людей, разделявших мир на своих и чужих. Своим можно делать все, что угодно, чужими следует манипулировать и умело руководить из-за кулис.

Любой чужой, осмеливающийся посягать на своих, подвергается невидимому давлению, против него допустимо использование любых приемов — травля, клевета, моральное и физическое убийство.

В числе первых найденных мною в Особом архиве документов, которые потрясли меня, раскрыв преступное, предательское лицо масонских лож, стало сообщение масонских источников о тайных связях российских «вольных каменщиков» с врагами Отечества во время Семилетней войны. В осажденном русскими войсками Кенигсберге действовала ложа «Три короны», в которую входили многие русские офицеры, в том числе фельдмаршал Апраксин, воевавший в Восточной Пруссии. Ложа эта подчинялась Великой ложе «Трех глобусов», великим мастером которой был главнокомандующий войсками, воевавшими против России, прусский король Фридрих II. Преступные отношения российских офицеров-масонов с противником привели к большим потерям в русских войсках. Однако изменники были изобличены, фельдмаршал Апраксин арестован и предан суду.

Новый главнокомандующий немедля двинул войска в Германию. 11 января 1758 года был взят Кенигсберг, его власти и жители присягнули Елизавете. К концу января вся Восточная Пруссия находилась в руках русских войск.

Но и в этой кампании проявлялось вмешательство масонов. При взятии Кенигсберга масонская ложа «Три Coronы» обратилась по масонским каналам к русскому командованию с ходатайством пощадить их город и не разрушать его как военную крепость. Ходатайство было удовлетворено.

Несмотря на масонские интриги и недоброжелательную политику западноевропейских держав, русские войска наголову разгромили пруссаков и в сентябре 1760 года вошли в столицу Пруссии Берлин.

Однако вскоре они были отозваны оттуда, в связи с чем кампания 1760 года оказалась как бы безрезультатной. Отряд войск, занявших Берлин, возглавлял тогда, в частности, старый масон З.Г. Чернышев. Это также может служить ответом на вопрос, почему русские так быстро покинули Берлин.

Положение спас русский полководец Румянцев. В 1761 году он осуществил ряд активных боевых действий, в результате которых армия Фридриха была окончательно разгромлена, а русской армии снова был открыт путь на Берлин. «Следовало ожидать конца прусской монархии», а Восточная Пруссия превращалась в одну из губерний Российской Империи. Русская армия ликовала.

И на этот раз Фридриха спас масонский интернационал. 25 декабря 1761 года умерла Императрица Елизавета, а на престол взошел масон и поклонник Фридриха Петр III. С самого начала он объявил себя покровителем масонства, основав даже особую ложу в Ораниенбауме. И, конечно, первое, что сделал этот коронованный масон, — вопреки национальным интересам России одним росчерком пера уничтожил результаты блистательных русских побед в Германии, отозвав оттуда войска и протянув врагу русского народа Фридриху II «руку дружбы».

Своим указом Петр III сделал главнокомандующим русскими войсками в Пруссии масона З.Г. Чернышева, дав ему одновременно распоряжение присоединиться к немецкой армии и начать военные действия против бывших союзников. Отдавая распоряжения по масонским каналам, Фридрих использовал русские войска в интересах Пруссии. Весьма характерен факт масонской солидарности прусского короля и русского масона. При воцарении Екатерины II Чернышев получил приказ о возвращении русских войск на родину. Однако по просьбе своего масонского начальника он три дня не объявлял о по-

велении Императрицы, скрыв его и простояв в назначенном ему Фридрихом месте. А это позволило Фридриху успешно воевать против недавних союзников России. То есть З.Г. Чернышев оказал Фридриху великую услугу, за что был щедро им одарен.

Вот еще один документ, найденный мною в Особом архиве КГБ СССР, свидетельствующий о преступной деятельности российского масонства. Это переписка масонской княжеской ложи «Озирис» со своими начальниками из Германии. Она называлась «княжеской», т. к. все ее основатели имели княжеский титул и принадлежали к древнейшим дворянским родам, а свои протоколы вели по-латыни. Эта ложа, куда входили члены правящих родов России, управлялась из Берлина.

Найденный мною документ — подлинное обращение членов княжеской ложи к своим иноземным начальникам, в котором они просят их покровительства:

«Досточтимый мастер и досточтимые братья Великой национальной ложи Германии... Благодаря милости Великого Архитектора Вселенной мы познали счастье открыть в Москве 2 марта 1776 ложу справедливую и совершенную под названием Озирис.

Мы получили акты о трех первых градусах, снабженных печатью ложи Аполлона для нашего досточтимого мастера князя Трубецкого, который уже получил их от досточтимого брата барона Рейхеля.

Мы надеемся, что вы не откажете нам в вашей братской дружбе.

Направляем вам имена членов, которые составляют ложу Озирис, и наш адрес. Просим Вас прислать нам список лож, которые работают под Вашим руководством... и не отказать нам быть ведомыми светом вашей высшей науки Королевского Ордена Германии.

Князь Николай Трубецкой (мастер);

Харитон Чеботарев (секретарь);

Сергей Салтыков (первый надзиратель);

князь Алексей Черкасский (казначей);

Михаил Пушкин (мастер церемоний);

Михаил Рахманов (второй надзиратель)».

Княжеская ложа «Озирис», как и другие российские ложи, колебалась от одного иноземного влияния к другому. Подпадая то под одно, то под другое влияние, ложа «Озирис» представляла собой идеальное космополитическое образование, враждебное национальным интересам

России, своего рода институт агентов влияния другого государства.

Княжеская ложа «Озирис» была ядром так называемой Великой Национальной Ложи, в которую, кроме нее, вошли ложа «Аполлон» и несколько других больших лож. Гроссмейстером Великой Национальной Ложи стал руководитель «Озириса» князь Трубецкой. Национальной эта Великая Ложа была только по названию, на самом деле она находилась под юрисдикцией немецкого масонства и контролировалась из Берлина, а следовательно, королем Пруссии.

Правда, некоторое время на руководство этой ложей претендовало шведское масонство, используя в качестве козыря участие в ней Наследника русского престола. В завязавшейся борьбе все же победила Германия, а шведская система ушла в глубокое подполье, чтобы возродиться как господствующая уже в царствование Павла I и Александра I (начальный период).

В 1782 году Великая Национальная Ложа получила приглашение прислать своих делегатов на конвент лож системы «Строгого Чина», состоявшийся в Вильгельмсбаде. Посланы были И.Г. Шварц и П.А. Татищев. Руководил конвентом гроссмейстер всего ордена герцог Фердинанд Брауншвейгский.

На конвенте Великая Национальная Ложа России была признана независимой от Швеции и вошла в систему «Строгого Чина». Здесь ей было уготовано место восьмой провинции, разделенной на четыре области: 1 — Север (Санкт-Петербург); 2 — Центр (Москва); 3 — Юг (Киев); 4 — Сибирь (Иркутск). Король Прусский и герцог Брауншвейгский получали мощный инструмент политического влияния на Россию, а русские «братья» стали агентами влияния.

От герцога Брауншвейгского российские масоны получили себе в кураторы прусского чиновника, директора камеры принца Прусского Вельнера.

Руководить Великой Национальной Ложей был поставлен немец И.Г. Шварц.

Вся система ставила русских братьев в зависимое, подчиненное положение от иностранцев. Организация была установлена следующая: учрежден Капитул, целью которого было высшее руководство и обсуждение догматических вопросов. В Капитул могли входить лишь «братья» обоих теоретических градусов (их полагалось два). В

принятой системе имелись и другие, более высокие масонские степени, но никто из русских их не удостоился. Должность председателя Капитула не была замещена, так как предполагалось, что ее займет Наследник русского престола. Фактически первым лицом Капитула был гротмейстер Шварц (канцлер).

Определенные роли, хотя далеко не первые, играли Татищев (приор), князь Трубецкой, князь Черкасский.

Для текущей работы и переписки с зарубежными «братями» была создана Директория.

Имелись высшие Ложи Матери, председателями которых должны были быть самые высокопоставленные масоны — «Коронованное Знамя» (Татищев), «Латона» (Трубецкой), «Озирис», «Сфинкс».

Подчинение русского масонства германскому влиянию и превращение его в орудие немецкой внешней политики активизировали проникновение в Россию одного из самых тайных представителей мировой закулисы — ордена розенкрейцеров. Центр этого ордена сначала находился в Германии, а затем в Австрии (Вена). Активное участие в нем принимал небезызвестный авантюрист Месмер. Покровительствовал ордену австрийский император Леопольд II. Как отмечают внутренние масонские источники, «розенкрейцеры писали о себе очень мало, старались пользоваться для лучшего сокрытия другими организациями...» Розенкрейцеры были организованы в десятистепенное масонство, причем градусы, следовавшие за тремя символическими, в России практически никому не давались.

Таким образом, все руководство русскими розенкрейцерами было иностранным. Первая розенкрейцерская организация появилась в Москве в конце семидесятых годов и получила развитие с помощью Шварца. Сам он вошел в нее во время путешествия в Вильгельмсбад на масонский конвент. Шварц, как указывают архивные документы, «развил имевшиеся в Москве их ложи, которые хотя и не слились с ложами Великой Национальной Ложы, но стали работать параллельно, что облегчалось тем, что масоны теоретического градуса были все одновременно и розенкрейцерами. Всех объединенных лож в Москве было около двадцати и около того же количества в провинции исключительно Центральной России».

Как и в других масонских орденах, розенкрейцеры низших градусов посвящения ничего не знали о намерениях

и планах вышестоящих. На низших градусах масонство было особым видом развлечения — «собирались, принимали, ужинали и веселились; принимали всякого без разбору, говорили много, а знали мало». «Я, — признается Новиков, — по сему масонству знал только четыре градуса; так я и говорю по своему знанию, а вышних по тому масонству 5, 6 и 7 или еще какие были — я не знал, так я и ведаю, что они знали». Конечно, вся реальная работа против России и за ее спиною велась в высших градусах посвящения и была неизвестна многим рядовым масонам, которые использовались как прикрытия для преступной антирусской деятельности.

С 1787 года связным российских розенкрейцеров с их германскими начальниками стал А.М. Кутузов, который в это время уехал за границу для «изучения алхимии», жил там почти безвыездно и умер в Берлине.

В 1775 году Кутузов — один из основателей ложи «Астрея», а в 1780-м — член ложи «Гармония». Достиг он высших градусов, состоял членом Директории теоретической степени, находился в постоянной связи с одним из главных мировых масонов того времени Дю-Боском.

Именно среди розенкрейцеров можно увидеть самое большое количество шарлатанов и обманщиков, предлагавших в качестве платы за реальные политические услуги, измену и предательство, некие высшие знания, якобы позволявшие управлять людьми и получать золото в неограниченных количествах. И среди русских вельмож и дворян находилось немало жаждущих заключить такую сделку.

Мастером по таким сделкам был розенкрейцер иудей Д. Бальзамо, присвоивший себе титул и имя графа Калиостро. Подписанный им диплом я нашел в Особом архиве. Калиостро, став членом нескольких русских масонских лож, облапошил множество «братьев» проектами получения философского камня и изготовления волшебного аппарата.

Характерным эпизодом его масонской карьеры стало дело о золоте, которое Калиостро обещал производить при помощи своего волшебства пудами. «Братья», охваченные страстью к наживе, затрачивали огромные средства на создание волшебного аппарата по «производству золота» и разных магических материалов и аппаратов.

...Периодически работа в Особом архиве почти каждый день ошеломляла меня новыми открытиями и находками

уникальных документов, подтверждающих преступную деятельность масонских лож и их иудейских покровителей. Мне требовалось не только изучить эти документы, но и скопировать их для публикации. Последнее было самым трудным. Нужно было скопировать тысячи найденных документов. Однако существовавшая в Архиве система не позволяла сделать этого. Допускалось копирование только отдельных страниц. Для копирования огромного массива отобранных мною документов требовалось разрешение директора Особого архива и даже Росархива. Понятно, что последние всегда были против.

Приходилось искать обходные пути. К счастью, среди сотрудников архива нашлись русские патриоты, которые согласились мне помогать. Однако уже вскоре я понял, что одному мне не справиться. Тогда к этой работе я привлек моего помощника Георгия и еще двух человек, единомышленников, которым я доверял. На них я переложил всю техническую работу. Из сотен тысяч папок я отбирал те, в каких могли попасться нужные мне документы, а мои помощники составляли списки документов и готовили их к ксерокопированию, а также помогали дружественным нам сотрудникам архива. Ситуацию осложняло наше трудное материальное положение. Числясь главным научным сотрудником в Институте труда, я со своей докторской степенью получал гроши, а мои помощники вовсе не имели источников дохода.

Но нам вновь улыбнулось счастье в лице молодого русского предпринимателя Брусникина. Он явно симпатизировал нашему делу, поэтому я решил довериться ему. Брусникин стал охотно помогать нам, оплачивая работу помощников, стоимость многих тысяч ксерокопий, а впоследствии дал деньги на первое издание книги «Тайная история масонства».

Продолжение следует

Михаил ДЕЛЯГИН,
доктор экономических наук

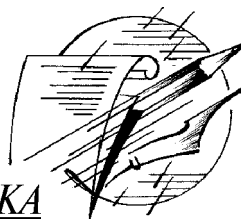
СИЛОВАЯ ОЛИГАРХИЯ КАК РОДИМОЕ ПЯТНО ЕЛЬЦИНИЗМА

(ГЛАВА ИЗ КНИГИ «РЕВАНШ»)

Силовая олигархия эпохи Путина, сменившая коммерческую олигархию времен Ельцина, — «бригада», пришедшая на смену «семье» и частью поглотившая, а частью вытеснившая ее из власти, — целиком и полностью вызрела в недрах ельцинской системы.

Отрицая практику 90-х годов по форме и на уровне официальной пропаганды, на деле и силовые олигархи, и сам путинский режим явились вполне гармоничным продолжением и развитием ельцинизма — его воплощением в жизнь, своего рода реинкарнацией в качественно новых, значительно более благоприятных условиях, характеризующихся прежде всего значительным притоком в страну «нефтедолларов».

Генезис силовой олигархии представляется довольно простым. В 90-е годы бизнесмены, вплоть до коммерческих олигархов, остро нуждались в силовом обеспечении своих операций — от личной защиты до силовых подразделений для нападений на конкурентов или жертв. Наиболее значимые капиталы в то время создавались без непосредственного применения силы, за счет захвата и перепродажи государственной собственности или пере-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

распределения в свою пользу тех или иных финансовых потоков государства, но общий чудовищный уровень преступности и тотальное беззаконие создавали необходимость в собственных силовых подразделениях. Бизнесмены соревновались друг с другом в переманивании к себе на работу отставников и действующих сотрудников «органов», но вскоре стало очевидно, что основным капиталом большинства представителей силовых структур является их принадлежность к этим структурам сама по себе.

Действительно: переход этих представителей на официальную работу в коммерческие организации резко сокращал их реальные возможности, так как они теряли способность непосредственного использования государственных полномочий в целях своих новых, коммерческих хозяев. Поэтому основную часть громких примеров перехода высокопоставленных сотрудников силовых структур на работу в коммерческие организации дали сотрудники этих структур, не принявшие распада Советского Союза и, соответственно, новых российских властей во главе с Ельциным. По сути дела, они в массе своей сначала ушли с госслужбы и лишь потом «были подобраны» коммерсантами. Сотрудники силовых структур, не расхопившиеся с «демшизой» во взглядах или хотя бы молча терпевшие ее, остались на службе и во многом благодаря этому сделали в 90-е годы отличные карьеры. При этом значительная их часть, оставаясь на госслужбе, в реальности работала на конкретные коммерческие группы, получая за это не только солидное материальное вознаграждение, но и огромную поддержку в ускоренном продвижении по службе.

Первой задачей, решенной этой социальной группой в масштабах всей страны, стала «зачистка» «дикой» оргпреступности, которая, с одной стороны, не была связана с коммерческой олигархией, а с другой, создавала для нее реальную опасность.

Да, безусловно, безудержная уличная преступность была ограничена самими лидерами оргпреступности, пекущимися о физической безопасности своего собственного окружения и относительной нормализации экономической жизни, а «крутые отморозки» большей частью перестреляли друг друга (что ярко показано в гротескном, но принципиально верном фильме «Жмурки»).

Однако резко ограничены были возможности и самой оргпреступности. После складывания коммерческой оли-

гархии в ходе подготовки и проведения залоговых аукционов она и в политике, и в экономике была оттеснена на второй план, уступив лидерство и влияние коммерческой олигархии и перестав представлять для нее сколь-нибудь серьезную опасность. Основным инструментом коммерческой олигархии, обеспечившим эту победу, были целые группы сотрудников российских силовых структур, обслуживающие ее интересы.

Благодаря данной победе (хотя и позиционной) над оргпреступностью эти группы, воодушевленные и существенно повысившие свой материальный уровень и служебный статус, начали сознавать и реализовывать свои собственные интересы, отличные от интересов коммерческой олигархии. Это породило, грубо говоря, «поход чекистов к собственности» — установления контроля за теми или иными предприятиями, в то время еще в основном среднего бизнеса, в интересах самих сотрудников спецслужб и их групп, а не в интересах коммерческих олигархов или бизнесменов более низкого уровня. Это изменение носит качественный характер, так как группировки, сложившиеся в рамках силовых структур, именно на этом этапе начали создавать себе свою собственную финансово-экономическую базу, не зависящую от превратностей судьбы и милости тех или иных сторонних фигур.

Они сделали решающий, ключевой шаг не просто к коммерческой, но, что значительно более важно, политической самостоятельности. По нашим данным, проведенным специально для определения даты этого шага, в массовом порядке он был сделан в середине 1998 года. Поразительное совпадение с назначением будущего президента Путина директором ФСБ (июль 1998 года), разумеется, ни в коем случае нельзя трактовать вульгарно и прямолинейно — как простое проявление «роли личности в истории»: мол, пришел Путин, и научил чекистов «крышевать» бизнес не только для других, но и в собственных интересах. Такой подход представляется неверным не только в силу своего циничного упрощенчества, но и потому, что не соответствует имеющимся данным.

Прежде всего, массовый контроль за бизнесом в своих интересах, а не в интересах третьих групп примерно в середине 1998 года начали, как можно понять, устанавливать представители далеко не только ФСБ, но и других силовых структур, которыми не руководил будущий президент. Более того: в этих структурах в тот момент даже

не происходило смены руководства, что лишний раз подчеркивает глубинный, естественный характер описываемой трансформации. Не стоит забывать и того, что приход Путина в ФСБ сопровождался, насколько можно судить, перетряской всей системы управления.

Дефолт и его катастрофические последствия отвлекли внимание российского общества от этого, однако понятно, что усилия нового директора были направлены на реструктуризацию доставшейся ему грозной службы, в том числе ради укрепления своих власти и авторитета. Вопросы же характера взаимодействия тех или иных внутренних группировок с бизнесом если и рассматривались им, то оставались на периферии сознания. Таким образом, Путин скорее всего не был дирижером пробуждения в силовиках группового самосознания и их перехода с позиций персонала, обслуживающего коммерческую олигархию, на позиции самостоятельного субъекта политического процесса, обладающего собственными не только административными, но и финансовыми ресурсами выживания и развития. Однако он, как это видится в настоящее время, в силу момента назначения и особенностей личности стал, по всей вероятности (так как прямой достоверной информации об этом по понятным причинам нет и скорее всего не будет), не только наиболее высокопоставленным, но и наиболее адаптивным и быстро развивающимся выразителем этой тенденции. Говоря коротко, не он ее создал, но, похоже, он ее «оседлал» и возглавил.

Это произошло исключительно своевременно, ибо катастрофа дефолта (а она, не будем забывать этого, носила не только экономический и политический, но и мировоззренческий характер, развенчав пустоту, ложь и злонамеренность либерального фундаментализма в глазах прежде всего его наиболее искренних последователей) кардинально изменила характер формирования крупных и крупнейших капиталов.

Созданная либеральными реформаторами и действовавшая на протяжении почти всех 90-х годов модель обогащения была (за исключением ряда ценных и изощренных творческих находок, еще ожидающих своих следователей) в своей основе весьма примитивной и сводилась к грабежу государства. Когда после проведения залоговых аукционов наиболее «сладкие» (разумеется, в тогдашнем восприятии) куски собственности были оторваны от государства, пришло время прямого изъятия денег. Механизмы этого изъятия были разнообразны. Так по неведо-

мым причинам схема с ГКО полностью вытеснила из описаний схемы «коммерческого кредитования бюджетополучателей», обходившиеся последним иногда в 30% бюджетных средств, а также введение «параллельных денег» в виде казначейских обязательств и налоговых освобождений. Тем не менее концентрация коммерческой инициативы крупнейших субъектов бизнеса и политики — коммерческой олигархии — на федеральном бюджете привели к тому, что, в конце концов с известной долей упрощения можно охарактеризовать словами: «бюджет государства был украден почти весь».

Не платить военным и пенсионерам было политически не сложно, но отсутствие денег для уплаты внешним кредиторам, особенно в ситуации внешнего, по сути дела, управления российской экономической политикой, создавало качественно новые проблемы. В результате был объявлен дефолт, который в силу выдающихся по качеству и добросовестности действий органов «государственного» «управления» перерос в катастрофическую девальвацию рубля и дезорганизацию сначала денежного обращения, а затем и всей экономики и без того изможденной либеральным насилием страны. И когда она ценой титанических усилий и страшных жертв, в основном до сих пор не только не известных, но и не опознанных, отползла от края пропасти, в которую ее едва не затянули либеральные фундаменталисты и коммерческие олигархи, она столкнулась с кардинальной переменной экономической ситуации.

Позитивный эффект девальвации и, главное, оздоравливающая политика нового, добросовестного руководства правительства и Банка России (среди которого следует выделить Примакова, Маслюкова, Геращенко, Задорнова и Парамонову) начали уверенное восстановление экономики. Изменился характер создания крупных капиталов: с одной стороны, воровать у государства в привычных масштабах было уже физически нечего, с другой — девальвация и ряд простейших шагов правительства создали благоприятные условия для восстановления производств. Волна импортозамещения превратила российские заводы, еще за несколько месяцев до этого дышавшие на ладан (стоит вспомнить о тяжелом финансовом положении, например, «Балтики», хотя сейчас это звучит просто неправдоподобно), в крайне привлекательные центры генерирования прибыли. В результате впервые за все время

с начала либеральных преобразований вновь стало выгодно производить, и экономическая активность решительно переместилась в регионы.

Главным способом зарабатывания больших денег стало уже не ограбление государства и функционирующих предприятий, но установление контроля за наиболее крупными и перспективными предприятиями с расширением их производства. Крупный бизнес рванулся в регионы — и именно в ходе этого рывка были созданы некоторые из нынешних крупнейших корпораций России. Понятно, что о законности совершаемых действий в условиях жесткой схватки всех со всеми за привлекательные активы думали если и не совсем в последнюю, то, во всяком случае, далеко не в первую очередь. Но вот юридическое оформление новых приобретений и их формальное соответствие действующему законодательству было, в отличие от предыдущего этапа, исключительно важной задачей. Это обуславливалось самим характером новых ключевых активов: производство, в отличие от спекулятивных операций, по своей природе долгосрочно и потому требует хотя бы формальной юридической защищенности. Поэтому роль государства на новом, производительном этапе была значительно более высокой, чем на предшествующем спекулятивном этапе либеральных реформ: захват собственности должен был быть признан и одобрен государством.

Новая форма ведения бизнеса качественно повысила роль силовых структур. С одной стороны, захват, перехват и вырывание из рук производящих активов, все эти «войны за собственность» осуществлялись при помощи не только прямого насилия, но прежде всего с использованием государственных инструментов, включая широкое возбуждение уголовных дел. Это превращало указанные структуры в ключевого, критически важного участника процесса, без которого он просто не мог развиваться. С другой стороны, именно представители силовых структур обладали наибольшей возможностью узаконивания тех или иных приобретений, сделанных представителями коммерческой олигархии в это бурное время самыми разными методами, вплоть до прямого давления на по-прежнему бесправные, по сути дела, суды.

Не вызывает сомнения, что активизация передела собственности открыла широкие возможности перед представителями не только коммерческой олигархии, но и нарождавшейся в недрах силовых структур качественно нового социального явления, — олигархии силовой. В

результате этих процессов роль силовых структур в экономике резко выросла, и представители сформировавшихся в их рамках групп, осознавших свои корпоративные интересы, стали задумываться о конвертации своих возросших возможностей в политическую и административную власть, по-прежнему являющуюся в нашей стране непосредственным источником и единственно возможной гарантией собственности.

Как мы помним, Путин был выдвинут в президенты представителями отнюдь не этих групп: они были еще относительно слабы и раздроблены. Но он вновь стал выразителем этого процесса и, нуждаясь в социальной и административной базе для освобождения от контроля со стороны представителей «семьи» и коммерческой олигархии, возглавил и катализировал процесс формирования силовой олигархии и роста ее группового самосознания.

Процесс этот, как и в целом изменения социальной структуры российского общества последних двух десятилетий, происходил с исключительной, по историческим меркам, быстротой. Уже в 2001 году руководитель одного из региональных Управлений внутренних дел в простоте душевной публично, на совещании с весьма широким составом участников сформулировал задачу своих подчиненных в следующей форме: *«Мы должны победить организованную преступность для того, чтобы взять на себя выполнение ее функций»*.

МВД никогда не было носителем передовой для силовых структур идеологии; насколько можно понять, она вырабатывалась (разумеется, преимущественно стихийно) в ФСБ и в некоторых других структурах и затем растекалась по остальным ведомствам, лишь частично с большими искажениями и запозданием транслируясь средствами массовой информации. Поэтому подобное высказывание руководителя региональной милиции свидетельствовало не только о полном созревании к тому времени этой идеи, но и о том, что она была выработана задолго до ее случайного оглашения.

Принципиально важно, что о восстановлении законности по-прежнему произносились лишь дежурные заклинания; речь шла о перехвате действительно общественно значимых функций, на низовом уровне в то время выполнявшихся преимущественно оргпреступностью: о регулировании экономического оборота и в целом общественно значимых действий личностей и компаний.

По сути дела, это одна из важнейших функций государства. Оргпреступность не смогла стать государством отнюдь не потому, что не была способна осознать и поставить перед собой подобную задачу — существовали же, в конце концов, разнообразные государства пиратов. Проблема была в образе действия: оргпреступность выполняла функции государства по регулированию общественной жизни не в интересах самого регулируемого ею общества в целом или каких-то его значимых элементов, но исключительно в собственных корыстных целях, понимаемых к тому же весьма узко.

Силовые олигархи вырвали эту функцию из рук преступных сообществ, но также — в эгоистических групповых, а не общественных целях. В результате они, по-видимому, победили оргпреступность не для того, чтобы нормализовать развитие общества, а лишь чтобы самим занять ее место и, по сути дела, стать ею. И надо отдать должное, в целом им это, насколько можно понять в настоящее время, вполне удалось.

До завоевания силовой олигархией политической власти расширение контроля ее представителей за бизнесом касалось лишь компаний максимум третьего-четвертого эшелона и шло «в тени» основного процесса — реструктуризации коммерческой олигархии. Ее представители, не сумевшие вовремя переориентироваться со старой, спекулятивной модели развития на требования новой, «производящей» экономики, беспощадно вытеснялись «молодыми волками».

Однако после концентрации в своих руках представителями силовой олигархии политической власти и быстрого одержания при помощи формирования «вертикали власти» (в ходе создания федеральных округов и института полномочных представителей президента в этих округах) принципиальной политической победы над губернаторами, бывшими общими противниками коммерческой и силовой олигархий, вполне логично возник классический вопрос: «кто кого?». Коммерческая олигархия, привыкшая рассматривать силовиков как обслуживающий персонал, в массе своей не успела осознать их укрепления до степени возникновения этого вопроса. Но главной причиной ее поражения была удаленность от рычагов госуправления и, главное, невозможность осуществления легитимизированного насилия от имени государства, монополия на использование которого принадлежала силовой олигархии. Сыграла свою роль и раздробленность: привыкнув жестко конкурировать друг с дру-

гом за объекты собственности и за доступ к политической власти, коммерческие олигархи с удовольствием помогали силовым олигархам «мочить» своих конкурентов даже тогда, когда было уже ясно, что вопрос стоит не о коммерческих разборках, а о политическом господстве. Грубо говоря, групповое сознание коммерческой олигархии было разрушено в ходе дефолта и последующего «броска в регионы» — как раз тогда, когда окончательно сложилось и окрепло групповое сознание противостоящих им силовых олигархов.

В результате, сконцентрировав в руках политическую власть, силовые олигархи быстро и последовательно взяли под контроль и коммерческую олигархию эпохи Ельцина, превратив ее членов в простые вывески на формально принадлежащих им компаниях. Окончательно зафиксировало «новый порядок» дело «ЮКОСа», показавшее, что неподчинение аппетитам силовой олигархии (не говоря уже о попытках ограничить ее коррумпированность и участвовать в политике без ее прямой санкции) отныне представляет собой тягчайшее государственное преступление и будет караться беспощадно.

Понятно, что после установления и углубления контроля силовой олигархии за ключевой частью экономики России неизбежен новый передел, связанный уже с конкуренцией различных групп внутри нее самой. Ведь коррупционные аппетиты могут только расти (особенно после реоформления власти весной 2008 года), а возможности субъектов экономики удовлетворять их не просто ограничены, но и постепенно сокращаются. Последнее происходит как в силу общей деградации хозяйства, подавляемого коррупционным давлением даже в условиях высоких мировых цен на нефть, так и в силу расширения присутствия иностранного капитала, частично способного противостоять коррупционному давлению при помощи опоры на возможности своих государств.

По иронии судьбы, появление признаков предстоящего передела (в виде обострения «чекистских войн») почти совпало по времени с окончательным завершением процедуры банкротства «ЮКОСа». Вероятно, Путин подогрел соперничество враждующих группировок в своем окружении не только из-за беспомощности перед «проблемой-2008», но и осознанно, для решения вполне прагматичной задачи — обновления своего окружения. Чтобы выполнивших свою функцию и полностью выработавших потенциал, но все еще имеющих влияние и связи

членов силовой олигархии было наиболее удобно «выбросить из колоды», они должны сначала скомпрометировать себя. А никакого более удобного механизма такой компрометации, чем внутренняя склока с «вынесением сора из избы», просто не существует.

Перед рассмотрением принципиальных отличий силовой и коммерческой олигархии нужно прежде всего зафиксировать их общность: и те, и другие являются олигархами, то есть бизнесменами, использующими контроль за госвластью как инструмент получения критически значимой части прибыли. Если коммерческие олигархи контролировали госаппарат «снаружи», ориентируясь на гражданские ведомства (так как именно они управляли наиболее значимыми для этих олигархов ресурсами государства — имуществом и деньгами), то силовые олигархи контролируют государство в основном «изнутри», занимая те или иные государственные посты. При этом они нацелены не на гражданские, а на силовые ведомства, так как именно они распоряжаются ресурсом, наиболее ценным и важным для этого сорта олигархов, — правом на применение насилия от имени государства. При этом силовые олигархи все равно остаются олигархами, то есть действуют в первую очередь в интересах не общественного блага, пусть даже и понимаемого превратно, но собственного, как материального, так и символического потребления. Для них характерен высокий уровень насилия (так как оно является основным образом их действия), формально осуществляемого далеко не всегда от имени государства, в сочетании с исключительно низким порогом его мотивации; в ряде случаев мы сталкиваемся с их стороны с классическим «немотивированным насилием», характерным, например, для деклассированных обитателей трущоб современной Америки.

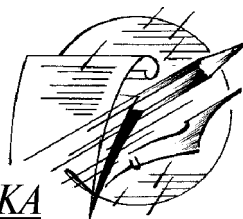
Страх, порождаемый силовой олигархией просто в силу ее образа действия, разрушает общество, экономику и саму государственность ничуть не меньше, чем воровство коммерческой олигархии, — особенно с учетом того, что они отнюдь не брезгают и прямым воровством. Эффективность же госуправления при их доминировании точно так же, как при доминировании коммерческой олигархии, и точно по тем же самым ключевым причинам остается не более чем дешевой пропагандистской речевкой.

Владимир КАЗАРЕЗОВ

СОХРАНИМ ЗЕМЛЮ — СОХРАНИМ НАРОД

На планете порядка 240 тыс. га чернозема, из них до 100 млн. — в нашей стране. Это наше колоссальное национальное преимущество, которое долгое время будет сохраняться. Великий русский ученый В.В. Докучаев писал: «Я уверен, что эти страны (Европы и Азии. — В.К.)... могут прожить еще миллион лет, но они никогда при данных климатических условиях не увидят той благодатной почвы, которая составляет коренное, ни с чем не сравнимое, богатство России».

И вот при таком-то богатстве на протяжении столетий Россия плетется в хвосте стран Европы и Америки по уровню сельскохозяйственного производства. Так было при царях, так было при советской власти. Можно сколько угодно говорить о причинах этого. Но главное — российский крестьянин никогда не был собственником земли и производимого на ней продукта. Ни крепостной, ни общинник после реформы 1861 года, ни колхозник таковыми не являлись. Не стали ими и сегодняшние униженные жители деревни. В результате к началу перестройки (середина 1980-х годов) мы десятками миллионов тонн

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

в год завозили зерно из-за границы. В магазинах стало невозможно купить не только мясные и молочные продукты, но и муку, крупу, макароны, сахар и др. В стране, не воевавшей 40 лет, по сути дела, вводилась карточная система. Поэтому руководство СССР пошло на радикальную аграрную реформу, рассчитывая придать импульс развитию сельского хозяйства за счет реформирования отношений собственности, в том числе в земельной сфере.

Реформаторы начала 1990-х годов пошли необолевистским путем разрушения системы, сложившейся за годы советской власти. Заслуживает самой жесткой критики отстраненность руководителей российского государства от управления сельскохозяйственной реформой. И самая большая наша беда заключается в том, что до сих пор не решен главный вопрос — земельный. Это трагедия сегодняшней России.

Земля — крестьянам?

Казалось бы, есть все: законодательство, закрепляющее право граждан на частную собственность на землю; собственники земли (12 млн. владельцев земельных паев, в распоряжении которых 118 млн. га пашни или более 90%); земельный кодекс и иная законодательная база, призванная регулировать рыночный оборот земли. Все есть, а цивилизованного рынка земли нет.

Земля так и не обрела хозяина, не функционирует механизм ее перераспределения в пользу эффективных собственников. Из-за всего этого растет социальная напряженность в деревне. Нынешние порядки таковы, что владелец земельной доли не может продать свои пятьдесят гектаров, например, фермеру. Потому что ему ни за что не выделить их из общего массива бывшего колхоза-совхоза. Для этого нужно провести собрание всех владельцев паев данного поселения и получить их согласие. Это не под силу даже самому энергичному, искусному в юридической казуистике человеку. И второе — слишком затратна операция по оформлению границ землеуладения. Затраты эти могут оказаться сопоставимыми с возможной выручкой от продажи участка. Поэтому люди, оставаясь «виртуальными» собственниками земли, махнули на нее рукой.

По той же причине набросились на нее хищники в лице

так называемых «инвесторов», которым ничего не стоит и собрание дольщиков организовать, и какие-то деньги людям заплатить, чтобы подешевле землю забрать. Конечно, все это делается с участием местных чиновников и руководителей хозяйств, скупаемых оптом. И, разумеется, за большие взятки.

А российских законодателей, похоже, устраивает такая ситуация. Иначе как понимать слова главного аграрника в Государственной думе Геннадия Кулика: «Сейчас для России важнейшая задача — заставить частный капитал пойти на село. Если может человек взять сто тысяч гектаров, освоить их... — пусть действует».

Увы, есть уже землевладения в несколько сот тысяч гектаров, и озвучивается намерение довести их до миллиона! Мировая цивилизация ничего подобного не знала. Древнеримские и современные латиноамериканские латифундии — это жалкие клочки по сравнению с владениями нынешних российских «инвесторов».

В печати уже неоднократно говорилось о губительных последствиях как экономического (падение эффективности из-за неуправляемости таких монстров), так и социально-политического (рост напряженности в деревне) характера. Спрашивается: что, у законодателей ума не хватило принять адекватный закон? Такой, чтобы правила оборота земли соответствовали интересам крестьян и государства? Да нет же. Как раз наоборот, все сделано, чтобы произвол, творимый сегодня на земельном рынке, продолжался как можно дольше, пока вся более-менее ценная земля не перейдет в руки представителей крупного капитала.

Земля без закона

До сих пор существуют разные точки зрения по поводу целесообразности разделения земли среди 12 млн. сельских жителей. Спорят на всех уровнях: надо было это делать или следовало искать иной путь? Но — поступили именно так, и теперь нужно не причитать, а принимать произошедшее как данность и из этой ситуации исходить при определении правил рыночного оборота земли. Десять лет законодатели драли чубы друг другу, решая: быть или не быть земельному рынку, а если быть, то какому? Ждали, когда выйдет закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения, связывая с ним

надежды на то, что наконец-то земельный рынок работает как надо. И что? А ничего. Так и осталось все запутанно.

Казалось бы, на что должны опираться законодатели, принимая тот или иной закон?

Во-первых, на мнение тех, чьи интересы он более всего затрагивает. То есть крестьян. Во-вторых, на наработки ученых по данной проблеме. В-третьих, на исторический опыт России. И, наконец, на зарубежный опыт. Посмотрим, насколько все это учитывалось при подготовке закона.

Главные владельцы пашни, как уже говорилось, — крестьяне. Вот и надо было собрать их представителей со всех регионов и обсудить, каким должен быть будущий закон, чтобы земля заработала с максимальной отдачей? Этого, конечно, не сделали.

Далее — мнение аграрной науки. Сошлюсь на материалы «круглого стола» «Земельные отношения в переходный период: политика, экономика и право». Он состоялся 15 марта 2001 года, то есть за полгода до подписания президентом Земельного кодекса. Это был замечательный форум, собравший ведущих ученых-экономистов страны, работающих в аграрной сфере. Свое отношение к проблеме высказали академики РАСХН И.Н. Буздалов, А.М. Емельянов, Э.Н. Крылатых, А.П. Петриков, В.Н. Хлыстун, а также член-корреспондент РАСХН Г.Н. Шмелев, доктор экономических наук В.Я. Узун — цвет нынешней аграрной науки. Желаящие могут прочитать, о чем ученые говорили, поэтому не буду пересказывать их выступления. Отмечу лишь, что речь шла о государственном регулировании земельного рынка, о предупреждении латифундизации, о недопущении спекуляции землей, о приобретении земли лишь теми, кто на ней работает, и т.д. Учет предложений ученых мог бы радикально повысить качество Земельного кодекса и закона об обороте земель сельскохозяйственного назначения. Депутаты этого не сделали.

Далее. Во время Столыпинской реформы с ходу заработал механизм выделения земельных участков крестьянам, решившим выйти из общины. Может, повторить его, если ничего лучшего придумать не можем?

И, наконец, — использование зарубежного опыта. В абсолютном большинстве развитых стран земля в частной собственности. Везде имеет место ее рыночный обо-

рот под жестким государственным контролем, не допускающим создания латифундий, спекуляции землей, бесхозного ее использования. Законодатели не удосужились посмотреть и проанализировать, как же обстоит дело там, за бугром.

Земля и люди

Но что же следовало бы сделать? Прежде всего — переработать существующее законодательство о земле в направлениях:

— сельскохозяйственную землю продавать только тем, кто сам живет на селе и ведет сельскохозяйственную деятельность (могут и приезжие купить землю, если поселятся на ней и займутся ее обработкой);

— ограничить максимум земельной площади, находящейся в собственности одного лица (дифференцировано по регионам);

— установить, что землевладельцем может быть только физическое, но никак не юридическое лицо, что упростит понимание, кто же фактический собственник земли — таков порядок в абсолютном большинстве развитых стран мира;

— ввести прогрессивный налог на землю — чем больше гектаров, тем он выше;

— ужесточить ответственность за неиспользование или неэффективное использование земли. Разработать простой механизм изъятия ее у нерадивых хозяев;

— предусмотреть уголовное преследование за приобретение земли с целью спекуляции ею;

— обеспечить гласность операций по купле-продаже земли с обязательной публикацией сделок, превышающих, например, 10 гектаров;

— упростить и удешевить (а еще лучше — сделать бесплатными) процедуры купли-продажи мелких земельных участков (включая земельные доли), чтобы не только представители крупного капитала, но и рядовые граждане получили доступ к земельному рынку;

— ввести предоставление кредитов крестьянам для приобретения земли или учредить для этого специальный ипотечный земельный банк, поручив такие операции «Россельхозбанку».

Могут быть названы и дополнительные правила. Разрабатывать их с учетом интересов жителей села и госу-

дарства и регулировать земельный рынок, на мой взгляд, должен специальный правительственный орган (Земельный комитет, а может быть, и министерство).

И в заключение. Нефть, газ, лес, металл — одним словом, сырье — главные предметы экспорта и бюджетобразующие статьи России. Рано или поздно, по мере исчерпания, значение их начнет падать. А земля — ресурс неисчерпаемый. Население планеты растет, а пригодной для производства продовольствия земли не прибывает. Вот и добиться бы законодателям того, чтобы все 150 млн. га пашни заработали, давая отдачу на том же уровне, как у фермеров передовых стран. Для этого много чего нужно, но главным образом две вещи: чтобы живущие на земле люди были хозяевами земли и чтобы у власти появилось желание заботиться о своих сеятелях и производителях сельхозпродукции.

Анатолий ВОЛЧЕНКО,
доктор исторических наук

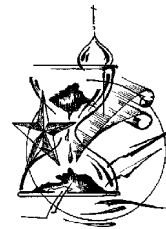
ОСНОВЫ ПОДЛИННОЙ ИСТОРИИ РУССКОГО НАРОДА

Об иноземных названиях русов и их этническом самоименовании

Уже в VII в. до н.э. греки, осваивая окружающую их ойкумену, вышли на северное побережье Черного моря, по-гречески «Эвксина» или «Понта». Обнаружив на берегах его одноплеменной народ, они назвали его «скифами», а страну его уже в VII в. до н.э. — «Скифией». Народ был коренной, многочисленный, сильный, и грекам пришлось каждый раз испрашивать у него разрешения на открытие на его прибрежных землях своих торговых факторий.

В дальнейших своих контактах со Скифией греки дали названия и отдельным ее частям по местоположению. Так появились «аримаспы», «иссидоны», «меоты», «аланы», «сарматы», «аорсы», «геты», «гелоны», «меланхлены» и т.д. Греки представляли их этнически самостоятельными племенами¹.

Латиняне, позднее греков сформировавшиеся, выйдя на контакты со «скифами», ввели свои, доподлинные названия: «роксоланы», «руськолуни», «анты», ряд других, но, как и греки, не использовали этничес-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ких, территориальных и иных самоименований населения страны и государства, названного греками «Скифией». Только в I в. н.э., с созданием римлянами разведывательной службы, требующей точности, они официально стали использовать местные этнические названия².

Все эти греческие и латинские названия коренного народа иноземцами античного времени, произведенные без выяснения его самоименования, без установления родства «племен», явились продуктом рабовладельческой цивилизации греков и позднее римлян. Историческим следствием их самонадеянности стала непреднамеренная, но глубокая и длительная фальсификация истории русов античного времени: с VIII в. до н.э. до IV в. н.э.

Спустя века эта непреднамеренная подмена подлинного самоименования русов иноземными названиями была преднамеренно использована Ватиканом и немцами для всесторонней фальсификации истории русов. Ныне это продолжают русофобские силы.

Истоком фальсификации истории русов явилось принятие всей Западной Европой, начиная со времени крушения рабовладельческой Римской империи, паразитарной философии жизни, явно выраженной в доктрине Ватикана «Drang nach Osten». Осуществленная относительно Ближнего Востока в виде восьми грабительских походов, лицемерно названных «крестовыми», эта доктрина позволила Западной Европе подняться с колен нищенского самообеспечения, утвердить господство «рыцарского», приобретенного на награбленные в «крестовых» походах богатства и феодального землевладения, а также начать развитие торгового капитализма. На этих двух фундаментах и в сельской и городской западной католической Европе окончательно сформировалась и утвердилась на века паразитарно-грабительская философия жизни.

Относительно русского «Востока» Ватикан сравнительно быстро перешел от малорезультатных миссионерских диверсий к организации военных агрессий: католических и языческих «варягов» 2-й половины IX века, затем католических поляков X—XVIII вв., немцев в виде «тевтонов», «ливонцев», «пруссов» и прочих любителей пограбить чужое XII—XVIII вв., шведов, литовцев XII—XVIII вв. Главной целью всех этих захватнических войн было подчинение Руси Ватикану, насильственное обращение русского народа в католичество и захват русских земель и богатств.

Главным средством подрыва этнического, национального сознания русов, с одной стороны, и оправдания всех агрессий на их земли, с другой, стало объяснение иноземных названий русов — «скифов», «сарматов» и т.д. «этнотами» другой, не русской этнической природы, то есть искажение русской истории в ее первооснове.

Этой диверсией сразу уничтожалась вся доантичная и античная история русов, отсекалась сама возможность установления подлинных этнического, географического, исторического истоков происхождения языка, письменности, культуры, верования, мифологии, государственности русов. И, наоборот, создавалась возможность беспредельного извращения истории возникновения и развития этих сфер жизни народа, возможность использования конкретных исторических фактов в эгоистических политических, экономических и идеологических целях против крупнейшего народа Европы. С этой целью в 1113—1116 гг. был всесторонне искажен Свод русских летописей «Повесть временных лет» — официальная летопись единого русского централизованного государства, «Великого княжества Русь», а подлинник его уничтожен³.

Из летописи были полностью исключены описания событий по 120 годам, изъяты многие сведения о политических событиях более чем по 260 годам, в том числе сведения о Новгородском княжестве, об образовании князем Кием в 428—430 гг. Киевского княжества, сведения о княжеской династии Кия в четырех поколениях, об образовании единого русского централизованного государства «Русь», о польских агрессиях против него, включены сказки о «призвании варягов» на княжение в Новгород и о дани, выплачиваемой великим киевским княжеством хазарам, искажены династические сведения, хронология княжения Великих князей.

Но в этом же преступном усердствовании русофобы, вероятно, по своему историческому невежеству, не заметили того, что римляне в созданных ими в первые века нового летосчисления сочинениях и документах стали фиксировать этнические самоименования племен и народов и не уничтожили этих свидетельств. Не обнаружили русофобы и ряда подобных свидетельств и по доантичным векам, в частности, в исторических древнеегипетских, ассирийских, хеттских, бактрийских источниках.

Не учли фальсификаторы русской истории и того широко известного факта, что достоверная «Повесть времен-

ных лет», составленная целой плеядой русских летописцев, широко цитировалась хронистами-летописцами других славянских государств — Польши, Моравии, Чехии, Словакии, и тем самым сохранились первородные, достоверные летописные сведения по историческим событиям 854—1113 гг.

Основываясь на этих сведениях, русские ученые с середины XVIII в. по настоящее время почти полностью восстановили историческую истину, засвидетельствованную в сотнях письменных исторических источников: русский этнос всегда, с древнейших времен и до времени формирования единого русского народа в XII в. н.э. называл себя своим этническим именем — «росы», «русы», «русены», «русские люди», «русский народ», свою страну — «Русская земля», а свое государство — «Русь»⁴.

Другими словами, почти за всеми иноземными названиями племен и народов, обитавших на пространствах всей Восточной Европы и даже за ее пределами, с древнейших времен кроются «росы», «русы», русский народ.

Вот лишь отдельные примеры. В истории Древнего Египта говорится о существовании страны хе-русов Загрос, которую египтяне многократно пытались покорить. Она просуществовала с XXVII до XVII в. до н.э. Ассириолог и гебраист Ф. Делитцш писал: «Согласно клинописной литературе, земля народа Рос в древности находилась на восточном склоне хребта Загрос...» В ассирийских договорах о продаже молодых плененных в стране Загрос людей называли «мату-русай» — «человек из земли русов»⁵.

Из-за природной катастрофы, случившейся в XVIII или XVII в. до н.э., на месте страны Загрос и озера Рос-Пана образовалось Мертвое море. Росы ушли «на север» и оказались в Хеттском государстве, а с его гибелью опять ушли «куда-то на север», вероятнее всего в северное Причерноморье.

Вот материалы по ареалу постоянного обитания русов в Восточной Европе. В конце I тысячелетия до н.э. в районах Висленского и Куриш-Гафского, ныне Куршского залива, бассейна реки Рос, ныне Немана, Волынской возвышенности, появились «венды» или «венеды». На юго-западных землях Балтии они образовали целую страну Венедия. Через тысячу лет проживания там, во II в. до н.э. — II в. н.э. они были вытеснены из Венедии свирепыми германскими племенами. Двинувшись на северо-восток, «венеды» образовали на восточных берегах Бал-

тики ряд своих царств, в 216 г. до н.э. на реке Волхов вместо утраченной Винеты построили город Новеград, на Волынской возвышенности образовали Волынскую державу, существовавшую там еще и в VI—VII вв. И во всех этих местах они обозначали себя русами⁶. А библейский пророк Иезекииль, живший в VI в. до н.э., писал о народах Рос, Мешех и Тубал, живших в стране, на библейском языке называемой Магог, по-гречески «Скифии», возглавляемой архонтом — царем царей, то есть в централизованном государстве⁷. Позднее ученые установили, что библейский «народ Рос нужно считать предком русских», а «Тубал» — это летописные тиверцы, русы северо-западного Причерноморья.

В I в. н.э. римские разведчики, находившиеся на южных границах «Скифии», писали, что в лесных районах ее проживают «борусцы» — русы, жители лесов, а в степных селениях, защищенных круглыми земляными валами, — «руськолуни». Реку Волгу римляне называли «Рса», а географ Агатер около 215 г. н.э. называл Волгу именем «Рось».

О «росах», «русах», местах их проживания на территории, позднее именуемой Русью, писали и другие их современники: греческий географ Агатемерус — в III в., армянский историк Моисей Хоренский и византийский патриарх Прокулус — в V в., сирийский историк Ритор Захария и иудейский историк Иосиф Ложный — в VI в., персидский правитель Дербента Шах-Риар — в VII в., а в VIII в., по свидетельству ученого Кнауэра, — арабские писатели, в IX веке — византийские: патриарх Фотий и историк Лев Дьякон. Например, Фотий в 867 г. называет соседний с Византией народ «Рос» большим, всем известным народом, достигшим «блистательной высоты и несметного богатства» и осмелившимся «поднять руку против Римской державы».

Лев Дьякон, описывая свидание византийского императора Цимисхия с Великим князем Великого княжества Русь писал, что архонт (т.е. царь царей) Свендослабос (Святослав) был тавро-скиф, а тавро-скифы сами себя звали росами⁸.

Первый русский историк-материалист М.В. Ломоносов, критически осмыслив и обобщив сведения древних писателей о русах, первым в отечественной историографии, не считая мифологических сюжетов, проследил историю русского народа в глубь времен до VI в. до н.э.⁹. М.В. Ломоносов сделал вывод, что «скифов... почитать

должно за первоначальных жителей в наших нынешних селеньях». Отмечая, что Христофор Целларий и Иннокентий Гизель считали, что слово «роксолане» может быть составлено из слов «росы» и «алане» (жители равнин, скотоводы), он писал, что они «жили от Черного моря до Варяжского (то есть Балтийского. — А.В.), Ильменя озера и далее к северу», что после четвертого века н.э. «о роксоланах у древних писателей ничего не слышно, а после осьмого веку, в девятом, на том же месте, где прежде полагали роксолан, учинился славен народ русский, который Росс назывался».

Говоря о широчайшем распространении языка росов, М.В. Ломоносов замечает: «А чтобы славянский язык толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки; а особливо, что славянский язык... ни от какого другого известного не происходит, следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные словенские народы говорили словенским языком еще прежде рождества Христова...» Далее М.В. Ломоносов писал: «Славяне и сарматы был один народ... из чего следует, что и роксолане были словене ж и говорили языком славянским. И понеже народ росейский с народом роксоланским есть одного имени, одного места и одного языка, то неоспоримо есть, что русский народ имеет свое происхождение и имя от роксолан древних. Ибо некоею мерой статья не может, чтобы великий и сильный народ вдруг появился, а не был бы с первым одного происхождения». Отмечая, что о «скифах», «сарматах», «вендах» как роксоланах писали Страбон, Тацит, Спартиан, М.В. Ломоносов констатировал: «Древность... приписывают российскому народу и имени почти все внешние писатели»; «славене и венды есть древние сарматы»; «сарматы... мидской породы», то есть пришедшие из Мидии, из Малой Азии. Мидии, существовавшей с 70-х годов VII в. до 549 г. до н.э.

Методологические последователи М.В. Ломоносова — В.К. Тредиаковский, В.В. Латышев, Н.Я. Марр, А.А. Кур, Ю.Д. Петухов и десятки других историков разных профилей своими трудами восстановили почти все основные вехи истории русского народа как древнейшего и крупнейшего народа белой расы. И тем самым они отмели все «теории» «происхождения русского народа», сочиненные его врагами: «великого переселения народов», «исторического движения восточных славян», «праславянского

языка», сказку о «призвании варягов», «теорию евразийства» и все другие измышления русофобов на «вольные темы».

Об этническом или родовом истоке русов

Вслед за М.В. Ломоносовым, установившим на основе свидетельств античных писателей, что за всеми иноземными названиями древних племен и народов, проживавших на территории древней Руси, кроются росы и русы, последовавшие за ним исследователи истории русского народа, подтвердили и другие факты, являющиеся обязательными для характеристики любого народа как такового.

Так, Е.И. Классен, творивший столетием позднее М.В. Ломоносова и знавший, как и он, греческий, латинский, все славянские и современные ему главные европейские языки, изучил сочинение «Беседы с Богом» «законодателя, нравоучителя и врача» древнеиндийского народа парси, жившего в междуречье Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, Заратуштры — из девятикнижной «Зенд-Авесты».

Е.И. Классен обратил внимание на то, что народ парси, живший на южном склоне горной страны «Индукуш» (современной Гиндукуш), уже в IV—III тысячелетии до н.э. владел хлебопашеством, скотоводством, грамотностью, вел торговлю, был сильным и воинственным. Классен писал, что «этот народ каждый раз по умножению люда своего производил высылки»: в плодородную долину Евфрата, затем Лидию, Финикию и Карфаген, затем в Эфиопию, Нубию, Абиссинию, Египет и Фивы, в Батрию, Мидию и Персию, а также в Индию. Всего было произведено 16 отселений. Из этих первоначальных поселений парси производились вторичные переселения. Таким было переселение парси из Бактрии в Юго-восточную Прибалтику по предписанию Заратуштры, изложенному им в четвертой книге «Зенд-Авесты» — «Вендидад».

Парси из Бактрии, поселившись на побережьях Висленского и Куриш-Гафского заливов Балтийского моря, по указанию книги-предписания построили город Венету и развили такую деятельность и торговлю — даже с Финикией, — что Балтийское море стало называться Венедским. А сами «венды» или «венеды» по вытеснении их из Венедии германскими племенами повсеместно, где они

оседали на постоянное жительство, стали именовать себя русами. Такими же двойными и даже кратными переселенцами были русы страны Загрос, Мидии, Парфянского царства и других первопоселений. Проследив заселение разных регионов Европы потомками отселенцев народа парси, Е.И. Классен сделал вывод, что родовым, этническим истоком восточноевропейских русов является древнеиндийский народ парси.

Этот свой вывод, назовем его «переселенческим», Е.И. Классен дополняет другими столь же основательными. Он установил, что парси на Гиндукуше и их отселенцы в Эфиопии и Бактрии делились на четыре касты. По сообщению Геродота в его «Истории», скифы, то есть русы, в V в. до н.э. тоже делились на четыре касты: скифов-царских, скифов-меченосцев, скифов-ружан и скифов-алан. Жрецы у бактрийцев назывались магами или волхвами, у царских скифов тоже были волхвы, как и у русов — до принятия православия.

Русы, жившие в XXVII в. до н.э. в стране Загрос, отразили пять походов египетского полководца Уна, стремившегося подчинить их. Прожив в этой стране тысячу лет, они оставили ее из-за природной катастрофы и оказались в Хеттском царстве, существовавшем в XVIII—XII вв. до н.э., а после его гибели ушли «куда-то на север», вероятно, в северное Причерноморье.

Совокупность этих фактов есть свидетельство этнического свободолюбия, силы, организованности и жизнестойкости русов. Другие исторические источники и установления этнически уже преемственной истории русов дают нам конкретные характеристики их свойств. Например, Е.И. Классен, излагающий сочинение Заратуштры «Зенд-Авеста», написанное на стыке II и I тысячелетий до н.э., приводит характеристики переселенцев на берега Балтии из числа отселенцев народа парси в Бактрию. Заратуштра характеризовал их как верящих в единого Бога и в бессмертие души, грамотных, ведущих земледелие и торговлю. Заратуштра предписал переселенцам законы и принципы жизни на новом месте, законы и принципы, несущие в себе самые высокие нормы нравственности и мудрости.

Естественно полагать, что по ним отбирались для переселения молодые люди и что их приняло большинство молодых поколений парси-бактрийцев, большинство, оказавшееся достаточным для образования целой регио-

нальной колонии, обеспечившей создание более чем тысячелетней здоровой цивилизации вендов-русов.

Будучи вытесненными из Венедии в первые века нашей эры грубой военной силой, они заселили и освоили гигантские пространства северо-восточного побережья Балтики и северо-западные окраины Восточно-Европейской равнины вплоть до Беломорского Поморья, построили Новгород — вместо утраченной Венеты, и, сохранив традиции торговли и ремесел, превратили Новгород и окрестные земли в русское самостоятельное княжество, в 882 г. вошедшее удельным в русское централизованное государство — «Великое княжество Русь».

История этой более чем двухтысячелетней деятельности бактрийцев-венедов-русов раскрывает их главные этнические свойства: жизнестойкость, трудолюбие, рационализм, свободолюбие, организованность, бережное отношение к этническим традициям и нравственным законам, гуманность, терпимость к другим народам, просвещенность.

Облик и этнические свойства русов других частей ареала их обитания на пространствах всей Восточной Европы запечатлели современники русов античного времени — греческие и римские писатели, оставившие свои многочисленные письменные свидетельства¹⁰.

Из римлян античного времени историк Помпей Трог (I в. н.э.) оставил самые обоснованные характеристики свойств русов. Рассмотрев спор скифов с египтянами о первенстве их древности, Трог заключает: «Скифское племя всегда считалось самым древним». Выносливость скифов он выводит из природных условий: «Насколько климат Скифии суровее египетского, настолько выносливее тело и душа». «Понятие о справедливости внушено им собственным умом, а не законами. Самым тяжким преступлением у них считается воровство... К золоту и серебру они не питают страсти подобно остальным смертным». «Эта воздержанность произвела у них и справедливость нравов, именно отсутствие страсти к чужому». И как историк он сопоставляет русов с греками, которые считаются основоположниками европейской цивилизации: «Весьма удивительным кажется, что сама природа дает им то, чего греки не могут достигнуть путем длинной науки мудрецов и наставлений философов, и что необразованное варварство при сравнении оказывается выше образованных нравов, настолько первым полезнее незна-

комство с пороками, чем последним знание добродетели». И далее: «Все племя отличается выносливостью в трудах и на войне и необычайною телесною силою; они не приобретают ничего такого, что боялись бы потерять, а оставаясь победителями, ничего не желают, кроме славы».

Исторические факты, сгруппированные Помпеем Трогом, доказывают патриотизм и национально-политическую организованность русов: «Владычества над Азией скифы добивались трижды; сами они постоянно оставались или не тронутыми, или не побежденными чужим владычеством. Персидского царя Дария они с позором выгнали из Скифии; Кира перерезали со всем войском; Зопериона, полководца Александра Великого, точно так же уничтожили со всею армиею; оружие римлян узнали только по слухам, но не почувствовали. Сами они основали Парфянское и Бактрийское царства».

Мадий Скифский писал, что Омир (по-гречески Гомер — VIII в. до н.э.) назвал скифов и сарматов «справедливейшими людьми». Эсхил говорил о «пользующихся хорошими законами скифах» и подчеркивал, что «такое мнение существует у эллинов еще и теперь». Историк Страбон, проехавший по северным берегам Понта, отмечает «благочестивость» скифов как гуманность отношения ко всему живому, и что живут они так, что считают имущество и весь семейный строй общим. Говоря о скифских мудрецах Анахарсисе, Аварисе и других, им подобных, Страбон заявил, что «они обнаруживали характерные черты своего племени: любезность, простоту, справедливость». А Эфор, называя Анахарсиса мудрым, писал, что он был признан даже «одним из семи мудрецов за необыкновенную воздержанность и разум».

По свидетельству П. Трога, «скифский царь Афей заявил македонскому царю Филиппу, «что скифы ценятся не по богатствам, а по душевной доблестности и телесной выносливости». Сосланный на берега Понта древнегреческий поэт Овидий Назон засвидетельствовал слова старого скифа: «Я родился в этой стране и не гнушаюсь своей родиной» и что «дева изображала письменные знаки для брата»...

Е.И. Классен, обобщая свидетельства античных современников русов, писал: «Слава и честь были постоянною стихией характера русов и их соплеменников», «славяне народ образованный», «Прокопий говорит, что славяне не злы и не хитры, но откровенны и добродушны»; «за-

коны и обычаи славян дышали добром, они верили в бессмертие души и воздаяние в будущей жизни». Тем самым он представил хотя и не совсем полную, но совокупную характеристику этнической природы русов.

На этих свойствах этнической природы русов формировалась и развивалась вся культура и история их жизни в античное и средневековое время, вплоть до формирования единого русского народа, идею единства которого с такой исторической силой и художественной образностью выразил, как предполагают, новгород-северский князь Игорь Святославович в поэме «Слово о полку Игореве».

Не вдаваясь в подробный сравнительный анализ этнической природы русского народа с природой некоторых других соседних народов, отметим ее главное содержание: русский народ никогда в своей истории не принимал и не применял паразитарной философии жизни и ее принципов.

Именно на основе своей этнической природы русский народ и его национальное государство не приняли рабовладения, этнического и классового колониализма и империализма, не приняли и никогда не примут империалистического католического христианства, ислама, расистского иудаизма, современного расового и классового империофашизма.

О языке и письменности русов

Следующим фактором, подтверждавшим однородность парси и русов, Е.И. Классен выставил сходство парсского и санскритского языков со славянскими, сходства, установленного профессором-филологом середины XIX в. Игнатием Петрашевским, сделавшим вывод, что парсский язык является родовым или исходным всех славянских языков. Обобщение им и осмысление сообщений и заключений латинских авторов античного времени о том, что «скифы», «венды», «сарматы», «роксоланы» и другие по иноземным названиям племена и народы говорили на одном исходном языке, и что этим языком был русский язык новгородцев-вендов-парси, явилось еще одним установлением исторической истины.

Ученые славяноведы и языковеды, изучавшие древние времена, П.И. Шафарик, Л. Нидерле, Н.Я. Марр — специалист по доисторическим языкам, Б. Грозный, Ю.В. Кнорозов и другие своими исследованиями показали, что так

называемый «скифский язык» — не иранский и что так называемый «славянский язык» (относительно Восточной Европы и времени начала раннего Средневековья) до V в. н.э. включительно есть не что иное, как русский язык со своей письменностью. А наличие в русском языке нескольких десятков слов шумерского, аккадского, хеттского языков свидетельствует о его контактах с этими языками и, следовательно, о его глубокой древности.

Будучи отселенцами народа парси, владеющего грамотой, будущие русы безусловно имели свою парсианскую письменность уже в доантичные времена. Первым доказательством, подтверждающим это утверждение, является девятикнижное сочинение просветителя, пророка и врача отселенцев народа парси Заратуштры «Зенд-Авеста». Это сочинение, появившееся во втором тысячелетии до н.э., — свидетельство высокого уровня образованности этих отселенцев. Оно содержит и историю народа парси с его многовековыми шестнадцатью отселениями с указаниями их географии, а также философию этнической жизни бактрианцев и принципы организации жизни очередных отселенцев в новых географических условиях — «седьмой климатической зоне» — на берегах Балтийского моря.

Другим свидетельством грамотности русов античного времени являются свидетельства греческих писателей о наличии у русов своих мудрецов Анахарсиса, Авариса и других.

Геродот в «Истории» пишет, что скифский архонт (царь царей. — **А.В.**) Таргитай, узнав о том, что персидский царь Дарий собирается напасть на его царство, написал ему ругательное письмо с предупреждением о его позоре, если он попытается это совершить.

Переселенцы из Бактрии на Балтику, «венеды», вытесненные немцами из Венедии, стали называть себя русами, образовали на восточных берегах моря свое русское царство и имели в I веке н.э. переписку с датскими королями. В некрополе Неапольского (Крымского) русского царства, существовавшего с III в. до н.э. по III в. н.э., сохранились надписи на стенках саркофагов на русском языке. Е.И. Классен в своем труде приводит целый ряд сохранившихся свидетельств о письменности и грамотности русов.

Он пишет, что «со II по VII век мы находим у скандинавов и византийцев намеки, что славяне были образованный народ... и имели свои собственные письмена» (здесь и далее курсив Е.И. Классена. — **А.В.**). «В VI веке

византийцы говорят уже о северных славянах как о народе образованном, имеющем свои собственные письмена, называющиеся буквицею». «В скандинавских сагах венетов называют образованными людьми, жрецы и мудрые славяне писали народные законы на деревянных дощечках», а «Титмар, описывая храм Петры, говорит, что внутри его стояли идолы и на каждом из них было написано его имя». И Е.И. Классен делает свое заключение, говоря, «что все древние племена славян имели свои рунические письмена, есть уже теперь дело несомненное, созданное даже и германцами, оспаривающими каждый шаг просвещения славянского».

Далее Е.И. Классен говорит о свидетельствах средневековых арабских писателей: «Ибн-Фадлан, писатель X века, писал о русах дохристианских, что они на столбе намогильном писали всегда имя покойника вместе с именем князя». И что Ибн-эль-Недим к своему сочинению приложил «копию с письма русов, найденного им у одного Кавказского жителя, вырезанного на белом дереве». Е.И. Классен пишет, что в договорах Олега с греками говорилось об «отписании русами, умершими в Византии своего наследия», что черноризец Храбр, живший в X веке, писал: «славяне погани (т.е. идолопоклонники) суще чертами и резами чтяху и гатаху».

Е.И. Классен приводит далее литературные свидетельства, сопровождая их своими комментариями. «В житии св. Кирилла в списке, хранящемся в Рыльском монастыре, сказано, что он прежде отправления в Моравию был в Зерсоне и: «Обреть тоу Евангелие и Псалтырь Роушкими письмены писано и человека обреть глаголюща тоу беседою, и беседовав с ним и силою рече прием, своей беседе прикладае и вскоре начеть чисти и сказовати и дивляхуся етому Бога хваляще». И Классен комментирует: «Из этого следует, что русы имели не только письмена до Кирилла и Мефодия, но были уже и христиане до пришествия их в Моравию; ибо имели уже на своем языке Евангелие. Это обстоятельство согласно и с церковной историей, говорящей, что русы Черноморские имели уже свою церковь в IV веке». Сообщая, что «...сами греки приняли алфавит от пеласгов, народа также... славянского происхождения, Классен заключает: «Из всего, здесь выведенного, явствует, что славяне имели грамоту не только прежде всех западных народов Европы, но и прежде римлян и даже самих греков, и что исход просвещения был от ру-

сов на запад, а не оттуда к нам. И если что остановило просвещение русов, то это были периоды губительных нашествий персов, греков, римлян, монголов, истреблявших все огнем и мечом». Кроме того, Классен в своем исследовании излагает свои переводы надписей, содержащихся на памятниках, украшениях, талисманах и хранящихся в различных музеях и книжных описаниях, собранных польским историком Фаддеем Воланским.

Е.И. Классен, знаток всех древних славянских, греческого, латинского и европейских языков, впервые сделал расшифровку надписей на древних памятниках, писал: «Народы оставили свои памятники с надписями. Но ученые... напрасно трудились до нашего времени разбором их надписей по алфавитам греческим и латинским... еврейским... Таинственный ключ неразгаданным надписям находится только в славянском первобытном языке». И дает свою масштабную ему оценку: «Славянский язык был народным, родным от Каспийского моря до устья Лабы (Эльбы), от Урала до Адриатического моря». Далее Классен приводит свои расшифровки текстов с древних памятников на девяти языках. Прочитую только самые значительные из них. Вот этруская надпись середины первого тысячелетия до н.э. на огне: «Вечереет, губку натяни, а поражай коймы кремня», и надпись на русском нагрудном знаке VIII века н.э.: «Лучше держите меня в кисе: давлению обринов». (Обры — германское агрессивное племя.)

Все 56 надписей есть неоспоримые свидетельства древности и распространенности славянских и русского языков и письменности, свидетельства, которые не смогли уничтожить противники русского народа и славянства в целом. Вполне естественным свидетельством широкой распространенности русской грамотности и письменности эпохи раннего Средневековья выглядит великое «множество» списков русских летописей, прорвавшихся через огненное море войны татар против русского народа, их 240-летнее иго и пятисотлетнюю колонизацию всех юго-западных регионов Руси-России «просвещеннейшими», «благороднейшими» европейскими католическими ее соседями, уничтожавшими все русское: и православные храмы, и многочисленные летописи и литературные произведения, и библиотеки Ярослава Мудрого и Ивана Великого, которые, возможно, спрятаны в архивах «святого» Ватикана. Такого же рода свидетельством о массовой грамотности простолюдинов являются сотни найденных ар-

хеологами в Новгородской, Псковской, Смоленской областях берестяных писем, относящихся к десятому и соседним с ним векам.

О государственности русов

Около 570 г. до н.э. библейский пророк Иезекииль в озлоблении за непризнание своим богом «бога дома Израилева» грозил сожжением божественным огнем многочисленным народам Рош, Мешех и Тубал, возглавляемым архонтом северной страны Магог. Пророк говорил о народах рос, мосох или московитах и летописных тиверцах, жителях северо-западного Причерноморья — народах, живущих своими царствами в царстве Скифия, то есть в централизованном государстве, возглавляемом царем царей, архонтом. Геродот в своей «Истории», описывая нашествие персов на Скифию в 513 г. до н.э., сообщает, что царь царей Скифии совещался с тремя удельными царями... Сравнение этих фактов позволяет сделать заключение, что у скифов, то есть русов, минимум в пределах века существовало централизованное государство, возглавляемое архонтом, в составе трех удельных царств. Затем, вероятно, было разъединение централизованного государства, поскольку на стыке V—IV вв. до н.э. всю Скифию опять объединил царь Аптей. Объединение способствовало подъему царства, особенно заметно при царях Скимуре и Палаке. Власть царей была наследственной и обожествлялась. В IV в. до н.э. появляются грандиозные скифские курганы — свидетельства глубокого социального расслоения общества. Содержание захоронений характеризует также уровень культуры, значение вооружений, одежды и отражает уровень сознания и быта.

О силе скифского государства говорят военные отпоры и разгромы вторжений персов: царей Дария в VI в. до н.э. и Кира в V в. до н.э., войск македонского царя Филиппа в 339 г. до н.э. и полководца Александра Македонского — Зопериона в 331 г. В III в. до н.э. столица скифского царства была перенесена в Неаполь Крымский. По сведениям Страбона, скифский царь Скил во II в. до н.э. воевал с греками за южное побережье Крыма, захваченного ими, но Херсонес отдался под власть Понтийского царства, и скифское Неапольское царство в войне с ним в 108—107 гг. до н.э. потерпело поражение.

Во второй половине I века до н.э. скифские цари Фарзос и Иниелис вели войны за освобождение части терри-

тории Крыма, захваченной греческим рабовладельческим Боспорским царством, образованным греками в V в. до н.э. из ранее разрешенной им скифами торговой фактории. В III в. н.э. скифское, то есть русское Крымско-Таврическое царство со столицей в крымском Неаполе, оказалось, как и все греческие колонии в Крыму, уничтоженным нашествием европейских готов, объединившихся для грабительских завоеваний.

Русы, защищая свою Родину, ожесточенно сопротивлялись завоевателям. Это свидетельствует Иордан: в ходе завоевания Руси готы повесили 70 русских князей, попавших им в руки живыми: завоеватели уничтожали побежденных, которые не покорились и не сдались. Но русский народ, собравшись с силами, в III—IV вв. изгнал готов со всей своей территории, включая Венедию. Но остаться там, в самом западном регионе своей исторической Родины, нынешней Калининградской области России, не смог. Ибо, уже в 70-х годах IV в. на Русь нахлынула новая страшная беда: из глубин южной Азии выкатилась гигантская кочевая орда гуннов, захватившая все степные и полустепные пространства Руси. Их нашествие положило конец античному времени в Европе.

Для русской государственности началась новая эпоха. Первым русским государством этой эпохи стало Новгородское княжество. Новгород, освобожденный от захватчиков-готов в 350 г., вновь объединил все освоенные им раньше, до готской агрессии, земли, и его первопроходцы продолжили освоение новых земель, в результате чего территория княжества разрасталась...

Вторым княжеством, возникшим после гуннского нашествия, стало основанное в 428—430 гг. Киевское княжество на среднем течении Днепра. Третьим по времени освобождения территории от гуннов стало южно-русское, Крымско-Таврическое княжество, четвертым — Тмутараканское на азово-черноморских и северокавказских землях со столицей Тмутаракань, построенной в 480 г.

История не сохранила конкретных времен возникновения других русских княжеств: Черниговского, Полоцкого, Пинского, Искоростеньского (Древлянского), Новгород-Северского, Беловежского-на-Дону и Волынской державы, из которой позднее образовались Галицкое и Волынское княжества. Но все они возникли в VI—IX веках. И все они, кроме Беловежского и Тмутараканского, захваченных хазарами и Византией, а также Галицкого и

Волынского княжеств, в 882 году на правах удельных княжеств вошли в единое централизованное русское государство — «Великое княжество Русь» со столицей в городе Киеве и во главе с Великим князем Олегом.

В последующие годы, до 994 г. включительно, все русские княжества и земли, освобожденные от захватчиков, были объединены в едином централизованном государстве. Потребовалась единая национальная идеология. Ею стало православное христианство, все более распространявшееся среди русов с IV в. и официально принятое в 988 г.

Так на европейской арене, в результате 16-векового развития государственности русов, в том числе в форме непрерывной княжеской государственности в течение пяти с половиной веков, и в результате освобождения северо-западных княжеств Руси от «варяжских» находников, захвативших и удерживавших их в 854—879 гг., возникло единое, централизованное, национально, политически и идеологически оформленное Русское государство.

С начала XI до середины XIII в., до татарского нашествия, Великое княжество Русь неуклонно и всесторонне развивалось, преодолевая трудности роста феодальной системы и борясь с практически непрерывными агрессиями грабительских кочевников с востока и «цивилизованных» паразитарных сил Европы, руководимых Ватиканом, с запада.

Сформирование единого русского народа

Главным совокупным результатом развития всех названных выше исторических факторов явилось оформление к концу XII в. единого русского народа. Оно предстало перед миром в следующих формах:

- единой организации экономической жизни всех русских людей, жизни, отличной от жизни иноземных народов и инородцев, проживавших на территории Руси;
- единой государственно-политической и правовой организации жизни страны;
- единой идейно-нравственной жизни всего народа, основанной на православной вере в Бога, сложившихся обычаях и обрядов, общинной, семейной и личной жизни;
- культурно-бытовой организации жизни в семье, общине, селении, городе;
- технического и художественного творчества в обустройстве своей жизни;

— любви к своей Родине и терпимого отношения к другим народам, к их верованиям и цивилизациям внутри и вне своей страны;

— отношении к окружающей природе и ее восприятию.

Формирование единого русского народа, продолжавшееся семь веков, с V по XII век, нашло выражение и закрепление в юридических законах и уставах, появившихся в традиционных рукописных и устных уставных документах — «Правде русской», «Правде Ярославичей» и других, в уставных и жалованных грамотах удельных княжеств, городов, сел, храмов, монастырей, торговых обществ.

Подобное выражение и закрепление проявилось и в отношении идеологии русского народа — православия: прежде всего в официальном принятии православного христианства от византийского патриаршего престола и крещении Руси, в формировании и постоянном соблюдении обрядов в последующие годы, в распространении Библии и священных писаний.

Закрепление идеологического единства русского народа четче всего выразилось в отвержении русскими людьми назойливых навязываний религиозных идеологий, порожденных паразитарно-преступным рабовладением христианского католичества, расистского иудейства и нетерпимого ислама. Это всенародное отвержение официально было закреплено в ответах Великих князей Великого княжества Русь Владимира-Крестителя и Александра Невского Ватикану и в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Иллариона — иудаизму. В сочинении главного иерарха русской православной церкви первой четверти XII века Иллариона вскрывается непригодность иудейского Закона для русского народа, несовместимость с природными его свойствами, а также подчеркивается естественное созвучие национального русского миропонимания, его этнической гуманности с канонами православия. И не случайно это сочинение с начала прошлого века до нынешнего времени не включалось в государственные энциклопедические и хрестоматийные издания по истории русского народа.

Главным же историческим документом — свидетельством формирования русского народа к концу XII в. явилась поэма «Слово о полку Игореве», написанная, как считают исследователи, в 1187 г. Основной идеей, пронизывающей эту историко-литературную поэму, является идея единства русского народа и Русской Земли, су-

ществовавшей многие века со времен «Олеговых войн», «Ярославовых лет» и «Святославовых походов». Историческое значение «Слова о полку Игореве» — этого много-стороннего исторического свидетельства единства русского народа — особенно отчетливо видно на фоне современных ему историко-литературных памятников других средневековых народов: «Песнь о Роланде», «Тристан и Изольда», «Витязь в тигровой шкуре», «Шах-Наме», «Хосров и Ширин», «Манас» и других. Во всех этих произведениях объектами воспевания являются не народы, не этносы, не их единство, а индивидуализм, личные страдания, рыцарская приверженность вассалам. Ни один из этих литературно-исторических памятников не говорит о народе, его состоянии. Не говорит, потому что в их странах еще не было процессов формирования единого народа и централизованных национальных государств.

Но главным историческим доказательством формирования русского народа в XII веке является вся последующая его история XIII—XVIII веков: самоотверженная война с татарами по защите своего национального единого государства и 555-летняя национально-освободительная борьба за освобождение всех русских земель и всего русского народа от иноземных захватчиков, освобождение, обеспечившее второй взлет русского национального сознания и породившее целую плеяду величайших деятелей русской культуры мирового уровня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Классен Е.И. Новые материалы для древнейшей истории славян и славяно-русов дорюриковского времени. Выпуск 1—3. — М., 1854—1861 (репринтное издание 1995 г.). С. 138—150.

² Кур А.А. Из истинной истории наших предков. — «Молодая гвардия», 1994, №1, с. 297.

³ Кур А.А. Указ. соч., с. 294.

⁴ Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие историю России древнейших времен. — СПб., 1770—1774; Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. — СПб., 1893—1906.

⁵ Кур А.А. Указ. соч., с. 293—298.

⁶ Классен Е.И. Указ. соч., с. 61—68.

⁷ Библия с комментариями. Книга Иезекииля. — США, 2004. Гл. 38, 39.

⁸ Кур А.А. Указ. соч., с. 295.

⁹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. — М., 1952. С. 21.

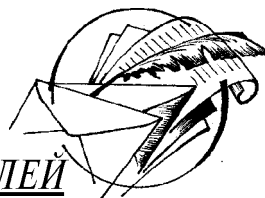
¹⁰ Латышев В.В. Указ. соч.

Борис АБРАМОВ

ПОТЕРЯННЫЕ ГОДЫ

В. Путин получил от Ельцина тяжелейшее наследство: в стране господствовал номенклатурный капитализм в самых худших его проявлениях, промышленность стояла, колхозные поля заросли сорной травой, треть россиян жила за чертой бедности, страна была на грани распада. 26 миллионов жителей России были безграмотными и в это же самое время на ее территории проживали и трудились 13 миллионов иностранных граждан и лиц без гражданства.

За 15 «перестроечных» лет в стране не было построено ни одного нового промышленного предприятия, оборудование на действующих заводах и фабриках было изношено на 70%, зато потребление алкоголя увеличилось в 3 раза. Надвигалась катастрофа в жилищно-коммунальном хозяйстве (износ жилого фонда и городской инфраструктуры составлял от 60 до 90% и неуклонно нарастал), с завидным постоянством взрывались шахты, падали башенные краны, рушились только что построенные мосты, торговые центры и аквапарки. Цены на продукты питания постоянно росли. Рабочему люду месяцами не вып-

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

лачивали зарплату. Вклады населения в январе 1998 года обесценились в 1000 раз. И все это, словно в насмешку, называлось «демократическими преобразованиями».

В стране начал набирать обороты бытовой национализм, поскольку «процент незваных гостей» перешагнул разумную грань. На улицах появились «скинхеды». Коррупция, вседозволенность и круговая порука пронизали все властные и хозяйствующие структуры нашего общества. Взятничество стало обычным явлением...

Путин, получив 26 марта 2000 года на президентских выборах поддержку 52,5% избирателей, начал с главного: он остановил распад Российской Федерации, повел бескомпромиссную борьбу с терроризмом, добился главенства федеральных законов во всех субъектах Федерации, заставил предпринимателей и бизнесменов платить налоги, рассчитался с Международным валютным фондом и Парижским клубом кредиторов. Авторитет Путина в начале первого президентского срока был непререкаем. Народ с облегчением вздохнул: наконец-то во главе государства встал молодой, энергичный, образованный и здравомыслящий человек.

Однако вскоре выяснилось, что с огромным объемом конституционных полномочий Путин явно не справляется. Выстроенная им властная вертикаль оказалась недееспособной, поскольку все рычаги управления государством были переданы в руки чиновников, которые сразу из простых госслужащих превратились в мощный класс неприкасаемых взяточников. Они ничего и никого не боятся, т.к. все «схвачено». Отгородились от народа трехметровыми заборами, установили зарубежные системы видеонаблюдения и живут припеваючи в своих многоэтажных загородных коттеджах.

Более того, народ увидел, что президент по рукам и ногам связан насквозь коррумпированным окружением, доставшимся ему в наследство от Ельцина. Вместо того, чтобы за расстрел Верховного Совета Российской Федерации и развязанную войну на Северном Кавказе посадить своего предшественника на скамью подсудимых, Путин издал Указ о гарантиях его личной безопасности.

Он также отказался пересматривать итоги грабительской приватизации, не стал корректировать рыночные реформы, явился инициатором сокращения срока давности приватизационных сделок с 10 до 3 лет и таким образом фактически амнистировал сложившуюся в стране преступ-

ную группировку «новых русских». 50 тысяч уголовных дел о незаконной приватизации государственного имущества были «спущены на тормозах».

Общество захлестнула наркомания. 22,3 миллиона россиян продолжают жить за чертой бедности. А ведь голодные люди — злые люди, способные на безрассудные действия. Они уже никому и ничему не верят, поскольку поняли, что главное не то, какой курс реформ проповедует президент, а то, как он распоряжается той властью, которую ему доверил народ.

И хотя в это время Владимир Владимирович постоянно мелькал на телеэкранах: то в кабинете истребителя, то на стратегическом бомбардировщике, а чуть раньше на подводном крейсере или за пультом управления железнодорожного локомотива — авторитет его стал падать. И это вполне естественно: не локомотивом, а страной нужно было управлять!

Давайте посмотрим правде в глаза и попытаемся ответить на вопрос: почему страна в течение 8 лет топталась на месте? Что мешало президенту Путину реализовать свои задумки в период своего правления? Ведь у него было все: поддержка своего народа, практически никем не ограниченная власть, баснословные экономические возможности (по состоянию на 19 октября 2007 года наш золотовалютный резерв составлял 424 миллиарда долларов) — была нужна только политическая воля. Но президент этими возможностями не воспользовался и коренного улучшения жизненного уровня россиян за период своего правления так и не добился.

Уже сегодня, без каких-либо натяжек, можно сказать, что это были потерянные для России годы. Как грабили чиновники свой народ до Путина («ваучерная приватизация» Чубайса, «шоковая терапия» Гайдара, финансовый дефолт Кириенко), так и при Владимире Владимировиче продолжали грабить (монетизация льгот, провальное пенсионное законодательство, дачная «амнистия», обманутые «дольщики», безудержный рост цен на потребительском рынке и т.д.).

Коррупция, вседозволенность и круговая порука сегодня пронизали все властные и хозяйствующие структуры нашего общества. Независимый суд в стране отсутствует, прокуратура бездействует. Несправедливость возведена в ранг закона. Провозглашенное Конституцией народовластие превратилось в политический фарс. Власть стала от-

кровенной рыночной ценностью. Недавно созданный Комитет по борьбе с коррупцией во главе с господином Кондрашовым Е.А. на заявления россиян не реагирует.

В стране колоссальный перекося в вопросах собственности: 10% жителей России, в основном нерусской национальности, владеют 90% собственности страны. По количеству миллиардеров на планете мы занимаем 2-е место. Летом 2002 года их было в России 7, к концу первого президентского срока Путина стало 33, а по состоянию на 1 февраля 2007 года их количество возросло до 61. Спрашивается, откуда у наших олигархов такие баснословные доходы? Вроде никто из них «вечный двигатель» не изобрел, Днепрогэс не построил, Турксиб не проложил, новых технологий в промышленное производство не внедрил.

У нас нет больше «легендарной и непобедимой», а то, что от нее осталось, оснащено устаревшим оружием, плохо укомплектовано и не способно обеспечить безопасность страны даже в региональных конфликтах. Но главное — наша армия потеряла свое лицо! Из народной она превратилась в наемное орудие правящего режима. И хотя в последнее время наши политики в спорах с зарубежными партнерами пытаются сделать ставку на свою возросшую военную мощь, на Западе это всерьез не воспринимается.

Внутри страны нет элементарного порядка. Принимаемые Думой законы не действуют, указы президента не выполняются. При попустительстве и невмешательстве правительства в стране получили широкое распространение ранее почти не встречавшиеся преступления: заказные убийства, «рейдерский» захват собственности, массовые отравления россиян некачественными продуктами питания, похищение детей, работоторговля, наркомания, рэкет...

Взрывы и пожары стали столь частым явлением, что правящий режим, чтобы скрыть свою несостоятельность в борьбе с преступностью, начал их квалифицировать не как теракты, а как техногенные катастрофы, вызванные якобы несоблюдением мер безопасности при проведении сварочных работ, взрывом бытового газа или ошибками проектировщиков. Даже взрыв вечером 27 декабря 2007 года в торгово-развлекательном комплексе «Охотный Ряд» изначально наши правоохранительные органы пытались преподнести общественности как взрыв петарды, т.е. «безобидную» хулиганскую выходку.

Страна живет в условиях абсурда, при полнейшем отсутствии здравого смысла. Ну кто из Министерства экономики и торговли сможет объяснить, почему стоимость одного литра бензина в России дороже, чем в США или Китае? Я уже не говорю о Туркмении, которая так же, как и Россия, поставляет свои энергоресурсы на Запад. Там бензин в 38 раз дешевле, чем у нас!

Почему заправка пассажирского самолета авиационным керосином в астраханском аэропорту обходится нашим перевозчикам дороже, чем на любом английском аэродроме? Почему при запредельных ценах на авиабилеты из Владивостока до Москвы нам обещают в 2008 году повысить их еще на 70—80 %? Это что, первый шаг федеральной целевой программы по развитию Дальнего Востока?

Что-то непонятное происходит с нашими внешними долгами. С одной стороны мы вроде бы рассчитались с Международным валютным фондом и полностью расплатились с Парижским клубом кредиторов, заплатив ему в 2005 году 15 миллиардов долларов и в 2006 году еще 21 миллиард «зеленых». С другой стороны — коммерческие обязательства российских компаний растут как на дрожжах. Если в первом году президентства Путина они были должны западным кредиторам 31,4 миллиарда долларов, то к концу 2007 года этот долг уже достиг 430,9 миллиардов. А ведь наши коммерческие заемщики либо полностью принадлежат государству, либо государство в них имеет контрольный пакет. А это значит, что за эти заимствования, в случае чего, придется платить государству.

Почему мы по-прежнему храним свой золотовалютный резерв в зарубежных банках в каких-то сомнительных «ценных бумагах»? Нас что, швейцарская компания «Нога» так ничему и не научила? Почему доллар в рублевом эквиваленте в 2 раза дороже его реальной стоимости?

Почему наш военно-промышленный комплекс в основном работает на экспорт, оснащая самым современным оружием и боевой техникой армии зарубежных государств? И что самое забавное, наше правительство гордится тем, что на рынке оружия мы занимаем одно из лидирующих мест. Безусловно, это солидные валютные поступления в наш бюджет. Но это же сиюминутная выгода! А вот о том, как это оружие может быть использовано в самой ближайшей перспективе, никто не думает. Исламский фундаментализм отчетливо замаячил на горизонте. В За-

падной Европе и США он уже провел «разведку боем». С каждым днем его действия становятся все более осмысленными и агрессивными.

Нам все время врут. Подконтрольные власти СМИ постоянно пытаются нас убедить в каком-то мифическом улучшении нашего благосостояния, в росте начисляемой заработной платы (о росте реальной зарплаты сегодня не осмеливаются говорить даже самые отпетые демагоги, поскольку тот мизер, который иногда добавляет бюджетникам господин Кудрин, незамедлительно съедается инфляцией. Зачем? Ведь мы же не с Луны свалились и все видим, ходим по магазинам, ездим в городском транспорте, ежемесячно платим за услуги ЖКХ, получаем мизерные пенсии. Видим, как переданные в частные руки 15 лет тому назад авиационная, автомобильная, машиностроительная и судостроительная промышленность до сих пор «лежат на боку», а сельское хозяйство находится в бедственном положении и не в состоянии обеспечить продовольственную безопасность страны. Мы растеряли всех своих союзников, и соотношение сил на мировой арене сегодня явно не в нашу пользу. Как только упадут цены на нефть, сразу выяснится, что государство всем должно и наступит очередной дефолт. Создается впечатление, что чиновники сами не понимают, что делают.

И все же самая большая проблема в России сегодня — это отсутствие справедливости. Так считают 80% наших граждан. А несправедливость, как ржа, разъедает общество, убивает веру в будущее. Люди не видят смысла в созидательной деятельности. Россия вымирает, и не важно, какой диагноз поставят «врачи». Убийца — несправедливость и нищенское существование миллионов ее граждан. Надежда правящего режима сохранить спокойствие в стране с помощью милиции и внутренних войск — это фикция.

Все, о чем сказано выше, явилось следствием того, что с самого начала своего правления Путин поставил себя вне критики и таким образом отгородился от своего народа. Не зря же в некоторых газетах патриотической направленности какое-то время была даже специальная рубрика: «Народ о жизни трудной пишет, но президент его не слышит», которую вскоре закрыли.

А потому, когда в апреле 2005 года россиянам был задан вопрос: «Поддерживаете ли вы переизбрание Путина на третий президентский срок?» 67,5% респондентов от-

ветили «Нет!» и только 26,7% ответили «Да!». Именно с этого момента Путин стал говорить, что выставлять свою кандидатуру на 3-й президентский срок он не будет.

Это, кстати, был звонок не только президенту, но и его окружению. А кто же захочет добровольно покинуть свои «теплые места»? И они стали принимать экстренные меры, чтобы сохранить Путина во власти, т.к. отлично понимали, что если он покинет «властный Олимп», то многие из них не только лишатся своей высокооплачиваемой работы, но и могут оказаться на скамье подсудимых.

Дело дошло до того, что 6 декабря 2007 г. «нашисты» вывели на Васильевский спуск и Болотную площадь детей из детско-юношеского движения «Мишка» в возрасте от 8 до 15 лет. Малыши хором скандировали: «Дядя Вова!» На их куртках были надписи «Главный мишка позаботься о детишках». Естественно, что под «главным мишкой» подразумевался Путин. Мне стыдно за организаторов этого действия. И кто только мог додуматься до этого?

И все же главный редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев превзошел всех. Как и в «кровавом октябре 1993-го», в порыве своего верноподданничества, он опять оказался «впереди планеты всей». За два дня до «детской манифестации» 4 декабря 2007 года он опубликовал на первой странице своей газеты цветной коллаж, на котором Леонид Ильич Брежнев жмет руку человеку, очень похожему на Путина, одетого в мундир подполковника, хотя Путин при Брежневе носил капитанские погоны... А вот серия ЖЗЛ пополнилась книгой, которая называется «Владимир Путин». Автор Рой Медведев. Такого не позволил себе даже Брежнев.

И последнее. Совершенно непонятно, на чем основывался Владимир Владимирович, оценивая результаты своего «референдума», проведенного 2 декабря 2007 года, как «безусловный успех, победу, и победу хорошую». Какая же это победа, если 37% избирателей (а это 39,5 миллиона человек) не пришли к избирательным урнам?

На самом деле у нынешней власти нет никакой всенародной поддержки!

Юрий ВОРОБЬЕВСКИЙ

МОНАХИ И БЕСЫ

Человек с любопытством и в то же время с большим сомнением спрашивает о нападении бесов. А самого лишь минуту назад лукавый заставил поссориться с сопаломником. Знакомая сценка? То-то и оно...

Сумерки застали нас у подножия Святой Горы врасплох. Стучимся в ворота одной кельи — тишина, никто не открывает. В другой — то же самое. Откуда-то снизу приближается звук колокольчика. С надеждой ждем людей, чтобы спросить у них совета. Появляются два довольно звероподобных албанца на мулах. В нашем лексиконе нет ни одного общего слова, но они показывают нам, что надо делать: сложить руки рупором у рта и кричать: «Патер Янис! Патер Янис!» Они уезжают, а мы остаемся в некотором замешательстве. Это уже позже стало понятно: хорошо, что не послушались албанского, явно недоброго совета. Кричать благим матом среди келий исихастов — это безобразие. Оно, кстати, запрос может повлечь за собой и вызов полиции.

Вдруг откуда-то сверху, из зарослей, по-русски:

- Кто такие?
- Паломники из Москвы.

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

И после небольшой паузы:

— Поднимайтесь сюда.

Так мы оказываемся в сложенной из плоских камней, кажется, даже не скрепленных раствором, келье. Ее хозяин — русский отшельник схиигумен В. Впрочем, старца нет дома. Нас принимает его послушник — отец К. Кажется, он довольно молод, а борода — окладистая, с проседью.

— А мы уж совсем было собрались прилечь на полянке...

Наш собеседник покачивает головой:

— Здесь, особенно на Каруле, за стенами келий лучше не ночевать.

— Змеи?

Отец К. смотрит на нас пристально и серьезно. Похоже, взвешивает, как мыотреагируем на услышанное. Наконец отвечает:

— Бесы... Здесь ведь как: становишься на молитву, а вокруг кельи — стук копыт. Вроде мул скачет кругами. Мул? Тут с одной стороны пропасть, с другой — скала.

Пугают... Порой над ухом рыкнет так, что волосы дыбом встанут. Представьте: вот без видимой причины в сердце входит неопиcуемый ужас. Тут же падают нары. По полу мечутся полчища крыс. А ты стоишь, и Иисусову молитву вспомнить не можешь. По букве высвечиваешь ее в сердце. Наконец осиливаешь до конца, и страх отступает.

Недавно в соседней келье у нас священник один ночевал, тоже паломник. Он, похоже, счел, что я тут от одиночества мышиноного писка пугаюсь. А наутро пришел — весь синий.

Ночью, говорит, кто-то схватил за руки, за ноги и тащит наружу. А в двух шагах за дверью — пропасть. Ни зги не видно, хоть глаз выколи. Перекреститься священник не может, так крепко держат. В конце концов, все же сотворил крестное знамение. Включил фонарик — никого...

А старцы бесов гоняют. Да и как врагам не бояться таких, как наш сосед, отец Стефан! Ему сама Богородица являлась. Был такой случай. Власти хотели выселить его. Дескать, занял участок карульской земли, а лавре денег не заплатил. Тогда Матерь Божья встала на пути изумленных полицейских. Обратила их в бегство.

Про отца Стефана мы слышали и раньше. Некоторые считают, что у него дар прозорливости. Во всяком случае, когда у старца был наш монах Софроний, тот вдруг мол-

ча нарисовал ему какую-то карту и дорогу. Потом написал: «120 километров». Вскоре монаха увезли в Салоники на операцию.

— Впрочем, заговорились мы, — говорит отец К. — Тесно у нас. Двоим в соседнюю келью идти надо. В ту самую... — И, обращаясь ко мне: — а вы ляжете тут у входа. Видите, дверь я запираю. Ночью, если кто войдет, вы помните: дверь заперта. Надо успеть перекреститься... Тут заходят ночью.

Свет погас. Где-то заскреблись мыши. Творю Иисусову молитву...

В памяти всплыла сцена, описанная Валентином Свенцицким, будущим протоиреем и одним из пастырей-мучеников послереволюционных лет. В его книге «Граждане Неба», изданной в 1915 году, пустынный отец Никифор рассказывает автору, собравшемуся переночевать в его келье: «Вот какое таинство, милый братец: часто я вижу бесов... Призраками, вроде как тень в лунную ночь. Особенно сильно действуют они от одиннадцати до часу ночи. Громадная какая-то работа у них совершается в это время. В эти часы труднее всего молиться. Зато, если преодолеешь тяжесть душевную, особенно хорошо чувствуется: тишина, благодать, все живое! Первый раз увидел я их во время чтения акафиста... Как встану на молитву, слышу, шепчет на левое ухо — на правое не смеет! Прислушиваюсь к шепоту, и в рассеяние прихожу, — молиться не могу...

Я бесов теперь никак не боюсь. Всегда чувствую издали еще, что идут они. И только молюсь: помози, Господи!.. Идут они... — как-то странно повторил о. Никифор и встал.

...Я остался один.

Последние слова о. Никифора и фраза его: «они идут...» — почему-то особенно врезалась в мое сознание...

Страх не проходил. Смотрю на запертую дверь и все жду, мучительно жду чего-то...

И вот отворяется дверь, и что-то маленькое, бледное, неясное в темноте входит в комнату...

Я всматриваюсь до холодных слез на глазах и начинаю различать около двери какое-то подобие ребенка. Мало-помалу вся его фигура отчетливо, точно освещенная изнутри, вырисовывается на черном фоне... Да, это ребенок. Без одежды. На хилых, изогнутых ножках. Но лицо старое, обвислое, гадкое и страшное. Стоит, не шевелится, и только круглые неподвижные глаза смотрят на меня в упор...

Опять так же неожиданно и отчетливо о. Никифор произносит:

— Помози, Господи...

Я лежу в страшном изнеможении. Исчез ребенок. Исчез страх. Я так устал, что вообще, кажется, не способен ни на какое чувство...

Среди тревожного зыбкого сна слышу шаги за дверь. Вроде человеческие. Может, кто-то из наших? По узкой тропинке над обрывом в такой темноте пройти без фонарика невозможно. Я приподнимаю голову: света не видно. А шаги слышны.

Встревоженное сознание хватается за «обломок апостольского корабля». Афанасий Великий писал: *«Демоны все делают, говорят, шумят, притворствуют, производят мятежи и смятения к обольщению неопытных, стучат, безумно смеются, свистят, а если кто не обращает на них внимания, плачут и проливают уже слезы, как побежденные... Не должно и нам бояться демонов, потому что они бессильны и не могут ничего более сделать, как только угрожать... Дьявол есть человеко-убийца искони. Между тем мы живы еще и даже ведем образ жизни, противный дьяволу. Итак, явно, что демоны не имеют никакой силы... Чтобы не бояться нам демонов, надо рассудить и следующее. Если бы было у них могущество, то не приходили бы толпою, не производили бы мечтаний, не принимали бы на себя различных образов, когда строят козни; но достаточно было бы прийти только одному и делать что может и хочет, тем более, что всякий имеющий власть не привидениями поражает, но немедленно пользуется властью как хочет. Демоны же, не имея никакой силы, как бы забавляются на зрелище, меняя личины и стращая детей множеством привидений и призраков. Посему-то наипаче и должно их презирать как бессильных».*

Творю крестное знамение, пока снова не охватывает дремота. А шаги за дверь слышны снова и снова. Рассвет встречаю с облегчением. Первый луч солнца, как светоносное копьё, гонит страхования прочь.

Через несколько дней один из моих попутчиков, ночевавших в соседней келье, человек уже немолодой, серьезный, сказал:

— А знаешь, что со мной той ночью было? Проснулся, а рядом — жена... Она умерла полтора года назад. Я чувствую тепло ее тела, ее плоть. Во мне просыпается такое чувство, как тогда, когда она была жива. Она манит меня. Я наклонюсь к ней и целую ее... И тут же видение исчезает.

Как взволновал меня этот рассказ! Что это было? Как понимать? И из этого волнения вновь — в который раз — вынесли спасительные «обломки». «Со времени падения человека диавол получил к нему постоянно свободный доступ, — пишет св. Игнатий (Брянчанинов). — Диавол имеет право на этот доступ: его власти, повиновением ему, человек подчинил себя произвольно, отвергнув повиновение Богу. Бог искупил человека. Искупленному человеку предоставлена свобода повиноваться или Богу, или диаволу, а чтоб свобода эта обнаружилась непринужденно, оставлен диаволу доступ к человеку».

Конечно, я не мог не поделиться с кем-то пережитым на Каруле. Надо сказать, некоторые люди, в том числе и афонские монахи, иронизировали: надо же, подвижник какой, послушник К. (ныне, кстати, — иеромонах) — каких вам страхов рассказал о своем опыте! Товарищ ваш и вообще что-то странное себе придумал. И вы поверили?

А почему бы и нет. Подобными сюжетами наполнена житийная, да и современная духовная литература. А кто «достоин» нападения бесов — не нам судить.

В книге «Одна ночь в пустыне Святой Горы» митрополит Иерофей (Влахос) воспроизводит свой разговор с афонским подвижником, который рассказывает: «Часто сам диавол приближается к подвижнику. В таких случаях чувствуется жуткий страх. Душу и тело охватывает великая скорбь, не сравнимая со страхом присутствия разбойников. Ибо весь ад приближается к монаху».

Если человек примет демонические видения всерьез и испугается, — значит, тем самым видение страха из его ума вытеснило память о Боге. Тварь становится на место творца.

«Не дивитесь, что услышали стук, — пишет свт. Игнатий (Брянчанинов), — это страхование, а страхованию не должно предаваться, зная, что диавол весь во власти Божией и только то может сделать и делает, что Бог ему попускает для нашей пользы».

А вот — едва ли не точное описание случившегося с моим сопаломником. Его мы находим в келейных записках духовника Пантелеимонова монастыря старца Иеронима. Он рассказывает о пришедшем к нему монахе, которого разжигала блудная страсть. «В это время, — рассказывал он, — явилась мне покойная жена моя, пришла ко мне в келью как бы явно, разнряженная, и начала говорить мне: «Так как ты молился за меня и поминал в

молитвах твоих, то я пришла к тебе поблагодарить тебя за это». Я обрадовался посещению ее и предложил ей, нельзя ли по-прежнему соединиться с нею. Разумеется, отказа не было. И вот я, помраченный, сделал с нею грех, не понимая того, что это была бесовская мечта. Изнемогая телом и душою, я ежедневно насиловал свою природу сладострастием. Сегодня, сделавши грех, я вдруг испугался, пришел в ужас и трепет и в отчаянии проговорил: «Господи, ведь я неграмотный, может быть, я нахожусь в прелести?» В это время я услышал с неба грозный глас, говорящий мне: «Окаянный, уже Ангел-хранитель отступил от тебя, и ты скоро взбесишься. Иди скорее к духовнику и расскажи ему все».

Все описанное — видимое проявление той мистической реальности, о которой свидетельствуют многие святые, в том числе — Макарий Египетский. Срастившаяся с грехом, душа становится «телом лукавой тьмы», телом самого сатаны... Это состояние есть состояние постоянно возрастающего общения души с сатаной. На высшей ступени это общение становится настолько тесным, что теряет этнические черты и переходит в мистически-метафизическое, подобное половому сожитию супругов: сатана чем-то одним делается с душою, оба духа во время блуда или убийства составляет что-то одно... Результатом этого общения является большее уплотнение душевной пневмы и меньшая восприимчивость ее к духовным воздействиям извне. Узы тьмы, которыми опутывают душу духи злобы, препятствуют ей любить Господа, верить и молиться. Помышления становятся земными и пресмыкаются долу...

Подобно тому, как греховная жизнь есть процесс постоянного сближения души с сатаной до «полового» сожития с ним, причем духовно осязаемым знаменем пребывания его в душе является снисхождение в душу мистической тьмы, так и новая жизнь должна войти в душу извне, путем рождения от Бога, так и жизнь в Боге есть процесс, постепенного соединения души с Христом-Логосом до «брачного» союза, причем духовно-осязаемая знаменем наитеснейшего единения души с Христом является озарение души божественным светом, «плототворением Господа».

Что ж, хитрости диавола — это искусовые уроки. Они обогащают нас в искусстве брани.

Александр МИРОНОВ

ПОДАРКИ НА ДОМ

Марии Михайловне в октябре привалила неожиданная радость. Как будто упала с потолка манна небесная. Выигрыш аж на 500 тысяч рублей!

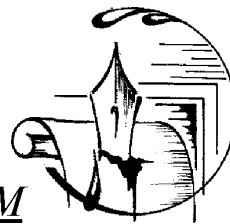
— О, Господи! Неужто снизошла-таки и до меня твоя благодать?..

Вначале Мария Михайловна не могла ничего понять: как? откуда? Да не может быть!.. Стала осматривать конверт.

Конверт был в половину листа писчей бумаги. На нем красивым шрифтом был напечатан ее адрес под целлофановым окошечком и логотип с обратным адресом.

Но самым впечатляющим была надпись на конверте — «Суперприз — 500 000 рублей!» И под ней рамка телеэкрана, а в ней другая надпись: «Торжественное награждение **победителя** состоится 24 ноября на телеканале ТВЦ в 18 часов 30 минут».

Мария Михайловна перевернула конверт в руках и обнаружила на обороте новую надпись. Вернее две. Первая, верхняя, требовала — «Ответьте уже сегодня!» И вторая, ниже, в красной рамочке — «Внимание! Наш победитель акции должен ответить с особой срочностью». Ах ты,

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

Господи! Она победитель!.. Мария Михайловна, распечатав конверт, с замиранием сердца стала разбирать красивые, разукрашенные в разные цвета и шрифты листочки и каталоги.

— Ах, паразитики! — восхищенно воскликнула она. — Какая красота. Умеют же!

И что сразу заставило сердце приостановиться — это (на черном фоне белыми буквами): «Последние поиски победителя по всей территории России». Ниже карта России с несколькими областями и стрелка, указывающая на ее область. А также Персональный номер победителя из восьми цифр.

«Внимание! Мы не можем больше ждать! Мария Михайловна, ответьте прямо сегодня. Если Ваш номер ***** будет отправлен после 31 октября, у Вас не останется ни малейшей надежды стать победителем акции «Годовая премия»!

В левом углу (красным шрифтом):

«Победитель разыскивается по всей России с 20 сентября! Ниже (черным шрифтом): «С 20 сентября смотрите программу «Времечко» на канале ТВЦ. В каждой программе будет названо кодовое слово, которое Вы должны будете указать в случае выигрыша дополнительной премии.

Смотрите анонсы об акции «Годовая премия».

Мария Михайловна, о Вас узнает вся страна! Необходимо Ваше согласие!»

И далее едва ли не на всю страницу крупные буквы, которые затмили в сознании женщины мелкие красные букочки, что были чуть выше, и они вещали следующее: «Если Вы обладаете выигрышным номером и отправите его вовремя, в финале акции мы сможем сообщить...» Но взволнованному сердцу было не до мелочей. В глазах Марии Михайловны стояли крупные цифры:

«Г-жа Фигунова является Победителем акции «Годовая премия 2007». И далее, мельче: «Да, Мария Михайловна, Вы становитесь обладателем «Годовой премии 2007» в 500 000 рублей. С выплатами ежемесячно по 41 670 рублей непрерывно в течение всего 2007 года!»

Далее пошли сообщения о дополнительных бонусах по 10 000 рублей (как победителю), выплата их — наличными. Потом обращение к победителю и сбоку — двенадцать талонов на получение 41 670 рублей ежемесячно. Все это нагнетало в Марии Михайловне жар, от которого голова шла кругом.

«Это именно Вы, г-жа Фигунова из региона...
Это именно Вы, г-жа Фигунова, проживающая по адресу...

Это именно Вы, г-жа Фигунова, обладаете номером *****...

Таким образом, это именно Вы являетесь тем самым победителем акции «Годовая премия», которого мы разыскиваем с 8 часов 30 минут 20 сентября.

Мы ищем его («победителя», — как поняла номинантка) повсюду, даже по телевидению и через газеты. Мы ищем его и в Вашей области».

— О, Господи! Радетели вы мои, да я ж тут, я вот она!.. — запричитала от радости Мария Михайловна, промокая пробившиеся из глаз слезинки.

Перевернула лист и стала просматривать его. Тут была представлена деятельность организации многочисленных маркетинговых акций. Б. Альбан сообщал: «Чтобы инвестировать огромные суммы в рекламные компании, мы дарим Вам возможность выиграть эти деньги, делая заказ по каталогам «На дом».

Некто О. Франсуа поясняет, что компания «На дом» — лидер дистанционной торговли в России.

А некто К. Дессанж докладывает об уже врученных 8 425 000 рублей. И что с 2004 года было выбрано 26 победителей.

Такое представительство из лиц иностранцев (и почему-то думалось, именно французов) Марию Михайловну вдохновляло — это не наши прощелыги.

«Целый год непрерывного счастья, г-жа Фигунова!» — выделено жирным шрифтом.

«Дорогая Мария Михайловна!

Не медлите! Ответьте скорее. Если Ваш номер ***** будет объявлен 10 ноября на телеканале ТВЦ, а Вы не отправили его для подтверждения Ваших прав, эта премия будет навсегда потеряна для Вас. (Да что вы, что вы!..) Не рискуйте! Отправьте сегодня! И если это именно Вы являетесь победителем акции «Годовая премия» (Как не я? Вы уже объявили меня! По всей России меня отыскивали!), то Вас также ждут 10 000 рублей.

Да, Мария Михайловна, Вы сначала сразу получите дополнительный бонус в размере 10 000 рублей. И Ваша «Годовая премия» в размере 41 670 рублей ежемесячно будет выплачиваться Вам с 5 января».

— Ай-я-яй! — восклицала женщина, промокая глаза и нос лоскутком тряпицы. И читала дальше.

«Марки. Для эксклюзивного использования клиентом: Фигунова М.М.»

Еще ниже (чуть мельче) на желтом фоне и синими буквами: «Марка Победителя с регистрационным номером владельца: Фигунова М.М. Вырезать и наклеить на специальное место на Вашем конверте для ответа», и стрелка вниз, указывающая на эту марку.

— Вырежу и наклею! Родные вы мои, — пришептывала Мария Михайловна.

«Вы только представьте себе... 41 670 рублей каждый месяц!..» (Мария Михайловна закатила глаза от распирающего ее предчувствия сказочного богатства, от блаженной радости. 41 670 рублей... — это же... Перед глазами поплыли покрытые задолженности, обилие еды на столе, во дворе вновь купленная корова, сено для нее, подправленный хлев, отремонтированный домик...)

«Посчитайте: 500 000 рублей Вы получите в течение года дополнительно к Вашему доходу... (Какой доход, милые? Сплошной разор!) Это большая сумма денег, с которой Вы сможете реализовать Ваши самые заветные мечты. (Да еще какие мечты! — Мария Михайловна закачалась в истоме). Не упускайте такую невероятную возможность...»

И далее в три абзаца шли разъяснения, как заполнять первый лист «Заявления» на получение «Годовой премии». Как сделать заказ на выбранный товар из прилагаемого каталога и оплатить его. И, третье, в обязательном порядке ответ должен поступить до 31 октября. Это крайний срок, чтобы успеть принять участие в Акции «Годовая премия 2007». Но контуженной в голову тяжелым снарядом весом в 500 000 рублей г-же Фигуновой уже было не до осознания реальности. Ведь она уже объявлена Победителем! Вот, черным по белому, и белым по черному. Ее специально разыскивали по всей России-матушке...

«В благодарность за Ваш заказ на сумму 800 рублей, Вас ждет великолепный подарок для дома марки «Sony». Не забудьте наклеить специальные наклейки «7» на Ваш Бланк заказа.

Внимание! Не проходите мимо удачи всей Вашей жизни!..

Желаю Вам долгих лет счастливой жизни вместе с компанией «На дом».

Бруно Альбан.

Дирекция по проведению
Маркетинговых акций».

Перед «Дирекцией» стояла красивая красная печать с профилем какого-то воина или древнего мудреца, увенчанного как будто бы лавровым венком.

И внизу приписка: «P.S. Ваш подарок уже зарезервирован. Проверьте, что у Вас есть три наклейки «7».

Мария Михайловна проверила — есть три наклейки!

— Вот, паразитики, что делают! — восхищалась она. — Все до точности просчитано!

Мария Михайловна сильно волновалась, от волнения учащенно билось сердце, и побоялась, что дрожащими руками она больше намажет, чем напишет. А не хотелось бы уважаемых и так ее уваживших людей обескураживать своей мазней. Да и с деньгами для заказа надо что-то делать, искать где-то.

И хоть поторапливали Альбан, Франсуа и, видимо, вся их компания, она все же решила повременить. Как любит Валька, дочь, говорить, — минут ...надцать. Решила, для успокоения нервной системы, просмотреть Каталог.

С обложки на женщину смотрела премилая мордашка девушки. Улыбка, глаза распахнуты, смотрели доверительно. На плече лежало свернутое махровое полотенце. И перед ней на столе стояла не то стеклянная, не то прозрачная пластмассовая мисочка с зеленым салатом. И на столе, видимо, на разделочной доске, какие-то белые овощи, или грибы шампиньоны. Чтобы установить, что за предметы перед девушкой, Мария Михайловна несколько раз примеривала очки.

На первом развороте была представлена малая кухонная техника.

Пароварка... Пароварка понравилась. Такую заиметь у себя на кухне неплохо было бы. Но, глянув на цену, — 1299 р., остыла.

Прибор для измельчения салата не заинтересовал. Хотя, конечно, для ее рук помощник такой не помешал бы. И цена — 345 р. подходящая. Ладно, иметь в виду будем...

Соковыжималка для фруктов... Какие фрукты? Забыла уже их вкус.

Набор из двух кастрюль для приготовления спагетти. И терка в подарок... Да ладно уж, обойдемся и макаронами...

Вторая страничка тоже была посвящена кухне. И тоже было немало завлекательных вещей. Тот же чайник со свистком. Цена — 499 р.

Сковородки с носиком. Какая прелесть!

Перелистывая странички, Мария Михайловна наткну-

лась на очки-тренажеры. Точно такие, в каких приезжала в последний раз Валентина. «Очки-тренажеры — это особые безлинзовые очки, предназначенные как для тренировки глазных мышц, так и для расслабления и отдыха глаз. Россия». Валька тогда жаловалась, что ее глаза стали подводить. Мужика, дескать, стала редко видеть.

— Приобрела для тренажу за двести семьдесят рэ в оптике! — посмеялась она. — Хочешь, тебе оставлю. Может, тоже какого-нибудь домашнего тут приглядишь?

— А! — отмахнулась мать на ее зубоскальство и отказалась, хотя не прочь была бы и потренировать свои глаза, совсем зрение стало садиться.

И вот теперь она такие очки видела, и в ней загорелось желание приобрести их. Глянула на цену и удивилась — ни себе чего, 415 р.! Это еще со скидкой! А стоили — 525 р. Ай-я-яй... А Валькины! Но тут же поспешила успокоить себя — все это окупится. Как только выплатят ей деньги Суперприза — окупится. Сейчас задача набрать товара на 800 рублей, а потом занять денег. (Своих двести оставалось, до пенсии на две недели растягивала). Ну, это потом...

Итак, черт с ней, с ценой, берем очки! Еще надо на 385 рублей чего-то...

Ага, вот, защитная пирамидка. «Ваша защита против болезней». «Пирамидка с шунгитом отражает вредные лучи, способные вызывать сердечно-сосудистые и онкологические заболевания». 225 р., вместо 295 р. Берем! Сейчас такая экология... «Вы также можете ежедневно прикладывать на 15 минут основание пирамидки к большому участку тела до полного излечения. Болгария».

Так. 415 плюс 225, будет?... После недолгой арифметики, получилось 640. То есть, если это число отнять от 800, то остается набрать товара еще на... 160 рублей. Та-ак... ищем.

Мария Михайловна стала просматривать каталог дальше. И наткнулась на «Антиседин». Россия. И всего 179 р. Мария Михайловна заколебалась. С одной стороны, и хотелось бы немного поубавить лебединой прелести на своей голове, а с другой... было жалко денег. Это переплачивать аж 19 рублей!

«Огород без затрат» ... Это когда так бывало? У кого?..

«Как получить наследство», — предлагалась книжка кандидата-адвоката... Ничего, как-нибудь сами разберемся, не подеремся. Вы только не забудьте прислать Суперприз, а там уж не беспокойтесь, все по-честному будет...

«Консервирование для лентяек». Ха, сроду таковыми не бывали...

С трудом, но Мария Михайловна подбила на требуемую сумму товар, 800 р., и все-таки с небольшой переплатой, которая томила и которую она заглушала надеждой на скорую компенсацию.

Во второй половине дня обошла соседей. Кто дал пятьдесят рублей, кто семьдесят. А кто и десять рублей отрывал от себя, как от сердца.

— Через полмесяца отдам. Вот пенсия приходит, и я тут же вертаю вам долг. А то и раньше, — с загадочностью обещала она. — Выручайте.

А сама про себя думала: «Как только пришлют Суперприз — да я вас всех озолочу, бедные вы мои!» И она верила, что она уже обладатель такой кучиши денег. Ведь недаром же Фигунову Марию так долго разыскивали. Молочаги все-таки, эти французики!..

К сумме 800 рублей она с большим трудом нашла еще 129 рублей — это за услуги фирме по пересылке заказанного товара.

К концу дня Мария Михайловна появилась в Сбербанке. Заняла очередь к окошечку и с облегчением вздохнула. На присутствующих смотрела с загадочной радостью.

Очередь подошла. И, о-о, вот наказание! За перевод еще платить! А у нее всего тридцать рублей, последние... Оплатила перевод.

Шла домой обескураженная и обнадеженная, настроенная на недолгое ожидание и, следовательно, терпение. Ведь Суперприз обещан и будет выплачен в ближайшее время, как только получат ее заказ.

И ждала 24 ноября... на квашеной капусте и картошке. Ждала и позже и не один месяц. Товар Марии Михайловне был выслан, как и обещано, своевременно, но без приглашения на торжественную презентацию Суперприза. Следовательно, и долги пришлось выплачивать не из Суперприза, а из собственной пенсии.

— Паразитики!.. Вот купили, так купили! — с восхищением и со слезами на глазах восклицала она, все же надеясь на чудо.

И оно не заставило себя долго ждать. Новое приглашение к новой заманчивой Акции Суперприза в 400 000 рублей пришло, но уже от компании ООО «Русьбьюти».

На конверте — Эйфелева башня, у основания которой в рамочке были заманчивые слова Paris, France, и поздравление с Новым годом.

Мария Михайловна на первой странице письма прочла крупные буквы:

«Мария Михайловна, наш коллектив подтверждает, что Вы стали победителем Новогодней акции «Похудей и выиграй Главный приз в канун Нового года».

Дальше Мария Михайловна читать не могла. Перехватило дыхание.

— Опоздали паразитики, я уже похудала, — с подstonом проговорила она.

«...и мы ожидаем, когда Вы назначите дату вручения Вам этой денежной суммы!»

— В гробу! И прямо на дому! — указала Мария Михайловна место.

«Дирекция по вручению призов во главе с г-ном Эриком Алленом с нетерпением ожидает, когда Вы укажете дату, чтобы организовать для Вас этот праздник...» И далее: «Ваш выбор даты вручения».

— Приезжайте на Крещение! — уточнила она дату. Новый год, подозревала, еще переживет.

Мария Михайловна, лежа на диванчике, просматривала конверт с заманчивыми цифрами, купон заказа на товары... Очки-тренажеры от прежнего заказа лежали рядом на табурете, а пирамидку с шунгитом она прикладывала к больному месту, к голове.

Когда-то в школе на уроке литературы дети заучивали стихи русских классиков. И в голове сквозь туман прошитых лет запульсировали строчки Лермонтова из стихотворения «На смерть поэта». Целиком она его уже не помнила, но пару строчек, относительно француза, погубившего Пушкина, всплыли в памяти: «...заброшен к нам по воле рока. Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы. Не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку поднимал...» Сейчас эти строки словно бы отвечали той социальной направленностью и сегодняшнему дню. В интерпретации Марии Михайловны они звучали обидой и на теперешних французов, которые, видать, также заброшены сюда по воле рока, для обмана, для наживы. «Его убили, теперь и до меня добрались».

И еще один вопрос одолевал бедную женщину: каким образом эти французики смогли узнать ее адрес? Из всей необъятной, один-единственный, ее?.. Вот бы разгадать это тайное явление, найти бы того паразитика, вот бы кого она отблагодарила. Вот этой вот пирамидкой с чудодейственным песочком внутри.

Виктор МЕЛЬНИКОВ

ГДЕ-ТО В СИБИРИ...

РАССКАЗ

1

Клавдия собралась гладить гору высохшего на осеннем ветру белья. Набрала в рот воды из маленькой алюминиевой кружки и брызнула широким веером на разложенный по столу цветастый пододеяльник. Раскаленный чугунный утюг, словно крохотный пароходик, послушно заскользил по ткани. И вдруг в коридоре что-то грохнуло, и в комнату без стука как вихрь ворвалась соседка. С трудом переводя дух и прижимая руку к груди, выпалила почти на крике:

— Клаш! Гришка твой в смолу врюхался! — И прикачнулась к дверному косяку. — Аж по сих вот пор, — и полоснула рукой по горлу.

— Как в смолу?! — Клавдия отставила утюг и, не сразу все осознав, смотрела растерянно.

— Да в котел упал. Видать, березовая смола кончилась, так он за битумом полез. Жуют, будто коровы... Вот его там и затянуло. Одна голова торчит!

Клавдия, шлепая тапками, кинулась вон, на улицу. Соседка еле поспевала за ней, выкрикивая на бегу:

— Жуть-то какая!.. Живьем в смоле!..

ПРОЗА

Клавдия бежала как оглашенная, соседка — следом. И еще успевала успокаивать:

— Да не реви ты!.. Ничего с ним не случится. Битум холодный. Костер, кажись, со вчерашнего дня не разжигали.

Они бежали к новому четырехэтажному дому, который строился неподалеку, за их бараками. Рабочие занимались кровлей и по ночам варили в огромном котле битум для промазки. И туда, к костру, как магнитом тянуло дворовую ребятню. Клавдия и сама знала, что сын ее с соседскими мальчишками до поздней ночи сидит у яркого костра, любуясь кипящей смолой, которая пузырится и булькает, как манная каша в кастрюле.

Новый дом строили ссыльные из Прибалтики. Латыши, литовцы, эстонцы... Но для сибирских ребят, да и для взрослых тоже, все они были на одно лицо. Бывшие враги. И потому имя всем было тоже одно: Гансы. В городке так все их и называли. Гансы были люди не злые. Хотя ходили слухи, что в войну они в Прибалтике прислуживали фашистам и воевали против Советской власти. Однако ссыльные вели себя по-доброму. Даже дарили ребятишкам берестяные туески, которые с усердием плели после работы. И главное, ничего не просили взамен.

Кровлю нового дома клала бригада литовцев. Обычно, сидя у костра, они любили рассказывать о своей земле. Будто у них вдоль проезжих дорог растут яблони, и плоды с них может срывать каждый. И притом сколько захочется. И их даже не обязательно рвать. Они просто лежат под деревьями, ковром устилают траву, и ими лакомятся захожие свиньи. Сибирским ребятам такие вести были в диковинку.

— Мам, а Ганс не врет? — спрашивал иногда Гришка у матери. — Неужто правда так жирно живут, что аж яблоки свиньям скармливают?

— Может, сынок, и правда. У них же климат теплее... — И добавляла не без гордости: — Зато у них нет кедровых шишек. И такой тайги нет, как у нас. Да и хариус такой не водится, как в нашей речке. — И почему-то с любовью гладила по голове русоволосого сына, словно что-то договаривала.

Гришка жил с матерью в бараке. У отца была другая семья. Мальчишка тайно от матери берет несколько отцовских фотографий. И часто, когда матери не было дома,

мальчик раскрывал тетрадку, в которой они хранились, и вслух разговаривал с заветными карточками. То хвастался отцу чем-нибудь, то жаловался, а иногда просил совета. Уж очень недоставало ему отцовской заботы, мужского плеча. И потому в конце таких бесед Гришка всегда вздыхал: «Плохо мне без тебя, папка!»

Наконец Клавдия, задыхаясь, влетела на стройплощадку. Из котла действительно торчала голова сына. Совершенно черная, словно чертенок варился в котле. Утонуть Гришка, конечно, не мог, потому что котел был не выше его роста. Но густая черная жидкость крепко держала пленника в своей вязкой массе. Мальчишка стоял у высокого борта и, цепляясь за край черными пальцами, все пытался выкарабкаться из жуткого омота. Но сил не хватало. Все тело сковывала вязкая смола. А в выплаканных глазах уже стоял ужас безысходности, хотя на губах порой проступала жалкая улыбка.

Вокруг охали-стонали сердобольные соседские женщины, поочередно пытаясь перепачканными по локоть руками вытащить мальчишку наружу.

— Может, котел опрокинуть, пока он теплый? А то ведь в смоле совсем застынет. Тогда уж не вытащить!

Клавдия, как в беспамятстве, схватила сына за голову:

— Гриша!.. Гришенька!.. Потерпи!.. Сейчас... Сейчас...

А из дверей нового дома уже спешил к ним какой-то ссыльный Ганс. Он бежал неловко: мешала широкая доска в руках. Добежав, он с размаху бросил ее поверх, на края котла. Молча отстранив Клавдию, притулил лестницу и, поднявшись, шагнул на хлипкий мосток. Тот слегка прогнулся под его ногами.

Теперь мужчина возвышался над окружавшей толпой. Крепкий, здоровый, могучий. Светлые глаза шурились под сдвинутыми бровями. Ганс живо нагнулся, бормоча что-то по-своему, схватил чумазого мальчонку под мышки и потянул вверх с такой силой, будто хотел поднять Гришку вместе с котлом.

Народ вокруг притих, замер. Было слышно, как похрустывает доска под ногами литовца. А он все тащил и тащил вверх черно блестящее тело огольца, за которым тягуче волочились мягкие ленты смолы. На шее мужчины надулись вены. Челюсти были крепко стиснуты, на щеках обозначились желваки. Густо-черные нити битума, скручиваясь и обрываясь, шлепками падали вниз, в темную пасть котла.

Ганс опустил мальчишку на ноги возле котла, и сам спрыгнул на землю. Толпа облегченно вздохнула.

— Ну чисто негритенок! — зашумели вокруг бабы. — Вот наука так наука. Не будешь лазить, куда не надо.

— Ты, Клавка, может, в Африке бывала? Откуда такого чернушого привезла? — Соседки чесали языки на радостях, кто как мог.

А Гришка стоял оторопело и молча. Его брючины слиплись и не давали даже шагнуть ни вправо, ни влево. А так хотелось быстрее рвануть отсюда домой. Ведь дёру от мамы не миновать. Но сейчас у паренька было такое ощущение, будто его заковали в железную трубу.

— Снимай брюки! — наконец строго скомандовала мать.

Липкими непослушными пальцами неудачливый искатель приключений стал медленно стягивать задубевшую ткань. Поодаль соседские девчонки засмеялись-захихикали. Наконец твердые отяжелевшие штаны комом упали на землю. И тут мать не выдержала и, чуть не плача — то ли от радости, то ли от отступившего напряжения, — с удовольствием отвесила сыну по заднице пару крепких шлепков.

— А ну марш домой!

Но удары, в общем-то, были формальной частью, скорее всего — для публики, и Гришка обрадовался: гнев матери шел на убыль. Самое страшное осталось позади. Как и черные бесформенные брюки, лежащие теперь на пыльной земле.

И вот уже они шагали домой по деревянному тротуару, рядышком, — счастливая мать и спасенный сын. А за ними — вся толпа: веселая ребятня и охающие, гомонящие бабы. И только литовец остался стоять у котла, старательно сдирая с рук застывающую густую смолу.

2

Гришку отмывали всем миром — всем барачным двором. Соседи принесли столько тряпок и столько бутылок с керосином, что хватило бы отмыть не только Гришку, но и весь котел. Наконец пришел и литовец, спаситель, — неожиданно, на удивление всем, принес Гришкины брюки, отстиранные в бензине. Но Клавдия встретила его, молчаливого, почему-то не шибко приветливо:

— Тебя чего нелегкая принесла? Или магарыч какой хочешь?

Но бабы не одобрили, зашикали на нее:

— Ну, чего ты на человека набросилась? Он как-никак мальчишку спас.

— Может, мне еще в ножки ему поклониться? За котел их, брошенный без присмотра? — Но брюки, пахнувшие бензином, все-таки приняла и развесила на заборе.

А сына своего она драила, как старый самовар. Мальчишка стоял в стиральном корыте и, зажмурившись, мужественно переносил адские муки. Ему было больно, кожа горела, но он не плакал: вокруг толпилась ребятня и, конечно, соседские девчонки, которые с лукавым состраданием смотрели на обнаженного Гришку.

— Ну, чего, бесстыжие, таращитесь? — прогоняла их мать. А те, любопытные, отбежав немного, продолжали смотреть.

Время шло. И в конце концов во дворе остались трое: Клавдия с сыном, а поодаль — ссыльный литовец. Мальчонок от усталости и напряжения еле держался на ногах. Зато когда с кожи наконец была отодрана последняя полоса смолы, мать с облегчением вздохнула и неожиданно разрешила сыну отправляться на речку — окончательно отмываться в проточных струях.

И вот почти счастливый Гришка уже бултыхался в нагретой за день воде, рыча и фыркая от удовольствия, как водяной зверек.

А на берегу...

На берегу спокойно сидели два взрослых человека — он и она — и о чем-то неспешно беседовали. Сидели среди привядшей, примятой травы, подернутой уже неяркой осенней ржавью.

— А вы правда воевать ходил? — неторопливо спрашивал Клавдию литовец, с твердым отдельным акцентом, путая и ударения, и слова.

— А ты с чего взял? — Клавдия посмотрела на него удивленно. — Или слышал чего?

— Ваш сын сказать мне... — По-русски ссыльный говорил неумело. Нужно было догадываться, о чем он спрашивает.

Женщина рассмеялась:

— Как смешно говоришь...

— Плохо?

— Чудно. — Клавдия натянула платье до щиколоток, обхватила руками колени.

— Да... Извините мой русский... Я еще плохо рассказываю... по-русски. А вы живете один?

Клавдия снова рассмеялась. Смех был мягкий, приятный.

— Во-первых, не «один», а «одна». А во-вторых, вдвоем с Гришкой. — Она поглядела с любовью на купающегося вдали сына. — Слушай, Ганс, а чего это ты такой вспрошенный?

Литовец насупился. Хлопнул себя по карману брюк, вытащил потертую трубку, мешочек с махоркой. И, ловко сделав набивку, закурил. Спросил, глядя вдаль:

— А где муж... ваш?

— У него другая семья, — просто ответила Клава. — Давно уже.

Ганс поджал губы:

— Плохо, — и выпустил облачко дыма.

— А тебе-то зачем это? — не глядела на него женщина.

Но он не ответил. Потом, после некоторого молчания, снова повторил свой вопрос:

— Вы все-таки... был на войне?

— Во дотошный, — вздохнула Клавдия. — Была, была... Будь она проклята...

Литовец затянулся глубоко, до кашля. Молча внимательно поглядел на Клавдию. А вечер стал уже темным, плотным. И уже почти не видно было бултыхающегося в реке Гришку. Только слышались всплески воды, фырканье да порой мальчишечьи вскрики.

А Клавдия вдруг разоткровенничалась:

— Со своим-то я в Берлине познакомилась... Тогда он был такой бравый лейтенантик... А после победы увез меня к себе — сюда, в Сибирь. Только вот счастье оказалось коротким. Как солнышко в дождь: улыбнулось и спряталось... Оказалось, здесь и без меня у него подружек девать некуда. Конечно, парень бравый, вся грудь в орденах. Кинулись на него, как пчелы на цвет. Я, в общем, лишней оказалась... К тому времени уже и Гришка родился... Но его это не остановило. Ушел жить к другой. А нас оставил у своей матери...

Они помолчали. Потом ссыльный спросил, выбивая трубку:

— А почему на бараке живешь? Бедно.

Она передернула плечами, посмотрела вызывающе, вдруг засмеялась. И резко:

— А я сама ушла от свекрови. Не век же мне с ними жить. Я еще молодая. Может, еще найду счастье...

Литовец кивнул.

А она осторожно спросила:

— Ну, а тебя-то за что... завезли сюда из твоей Балтики?
Он засунул трубку в карман. Признался:

— С «лесными братьями» был... Они меня в лес увели, уговорили — надо, мол, землю литовскую освободить... От чужих... От русских оккупантов...

Шла первая послевоенная весна. Снег в том году стаял рано, и семья Балюнасов готовилась к весенней вспашке. Но та роковая ночь словно оборвала начавшуюся мирную жизнь, и вместо Юстаса Балюнаса словно другой человек стал жить на земле.

...Они ввалились и наполнили дом запахами пота, леса и дыма. По-хозяйски протопали к столу, расселись по лавкам. А главный, Кабан, сел в торце стола, у самого окна.

— Одевайся! — бросил он Юстасу и со стуком положил автомат на стол.

Вышел отец, в одном белом, исподнем.

— Куда это вы его?

Кабан посуровел:

— Нечего тут в тепле отсиживаться. Пора нацию свою защищать.

Отец ответил резонно:

— У тебя, Слуцкис, все аппетит растет. Сперва тебе нужны были хлеб наш и сало. А теперь и сын мой понадобился?

Кабан хлопнул ладонью по столу:

— Так время требует!

Тут Юстас тихо спросил:

— А если не пойду?

Кабан усмехнулся криво:

— Пойдешь. Куда ты денешься? Иначе хутор спалим.

Юстас молчал. Отец, не глядя на пришельцев, горько усмехнулся:

— И за какую нацию вы боретесь? В войну столько литовцев не погибло, сколько сейчас. — Опять вздохнул: — Скоро на земле ни одного литовца не останется. Всех перережете! Кто пахать будет? Вы?!

— Молчи, старый... — вдруг пробурчал один из «лесных братьев». — Ты свою задницу сперва кому подставлял?.. Полякам. А потом кому? Немцам. А сейчас приготовился и русским? — Глазами озлобился. — Хватит предавать Родину! Настал в Литве час расплаты!

...В лес они уходили гуськом. След в след. Юстас был поставлен в середине цепи. И он послушно и тяжело шагал по сырой траве, чувствуя за спиной чужое дыхание.

3

На речном берегу было тихо.

— Выходит, вроде как ты враг? — донесся до сознания Юстаса голос Клавдии. — И чего я тогда с тобой тут сижу?

Она даже чуть отодвинулась.

— Не уходите, — сказал литовец. — Очень прошу. Все это сложно. Не надо друг друга судить. Это правда... Литовцы очень хотели быть свободными...

Клавдия смотрела на полутемную реку. Потом привстала и крикнула:

— Гришка!.. Вылазь!..

Мальчик выбрался на берег посиневший и съезжившийся от холода. Зубы выбивали мелкую дробь, но глаза сияли радостью. Мать подошла, накинула на сына полотенце и прижала его к своему теплому материнскому телу.

— Ох, и несет же от тебя бензином! Как от худого мотоцикла! — И рассмеялась. Потом обернулась к литовцу: — Ладно, Ганс. Иди уж. Тебе тоже пора! Не ровен час, искать кинутся. У вас же свои порядки.

— Да, да, — словно опомнившись, живо поднялся литовец. — А зовут меня не Гансом... Я Юстас... Юстас Балюнас.

— Красивое имя, — поглядывая на него издали и вытирая сына, оценила Клавдия.

Юстас улыбнулся:

— Можно, я к вам буду... ходить... гостить?

— Заходи, коль охота, — разрешила Клавдия и с сочувствием взглянула на рослого чужеземца.

4

А Юстас, и правда, пожаловал в гости уже на следующий день. В комнату он вошел вместе с Гришкой, держа мальчика за руку.

— Мам! — с порога закричал Клавдин сын. — А дядя Юстас машинку принес. Смотри!

— Что еще за машинка? — едва кивнув гостю, всполошилась хозяйка.

— Ну, такая... Волосы стричь, — горячо объяснял сын. —

Ты ж сама вчера говорила... Волосы легче остричь, чем от смолы отмыть.

Клавдия улыбнулась со сдержанной радостью.

Гость развернул матерчатый сверток и извлек из него блестящую металлическую машинку. Вскинув, ловко пошелкал ею по воздуху. Точь-в-точь как делал в городской парикмахерской старый еврей Сеня.

— Что ж, стричь так стричь, — согласилась Клавдия. — Скоро в школу. Все меньше расходов будет.

И вот уже посреди комнаты поставлен табурет, Гришка обмотан простыней. И началось священнодействие. Длинные волосы мальчика, еще кое-где склеенные смолой, падали на пол и на худые, острые Гришкины колени. Юстас работал умело... «Чик-чик» — жужжала машинка. А мальчик собирал с колен волосы и аккуратно складывал в ладошку.

— Ну вот... Готово! — сказал наконец Юстас и отступил в сторону, продувая машинку.

Клавдия засмеялась:

— Не голова, а прямо глобус. Осталось только контурными картами обклеить.

А сын сиял:

— Зато теперь мыть не надо.

В этот день в окне Клавдии до позднего вечера горел свет. Потом она вышла проводить гостя за порог, а Гришка так и уснул, не дождавшись возвращения матери.

С этого дня литовец стал приходить к ним почти каждый вечер. А вскоре Гришка заметил, что дядя Юстас перестал называть мать на «вы» и вообще по-русски стал говорить хорошо.

5

Однажды Балюнас пришел к ним с большим бумажным пакетом. Чего в нем только не было! И шоколадные пряники, и пахучая колбаса, и сыр с крупными дырками, и конфеты в золотистых обертках. И даже лимонад был! А из кармана брюк торчала бутылка вина.

— Это по какому же поводу гость будет угощать нас? — осторожно спросила Клавдия.

Юстас прямо взглянул ей в глаза.

— Сегодня у меня разговор будет... трудный, — ответил он. И потом, улыбнувшись, добавил: — Нелегкий...

— Ты, наверно, хотел сказать — серьезный? — поправила Клавдия.

Балюнас одобрительно закивал головой.
Женщина усмехнулась.
— Худа беседа... без соли, без хлеба? — И велела сыну:
— А ну, Гриша, выдь!
— Ну, мам... — заканючил тот, подозревая, что его хотят лишить редкого угощения.
Но Юстас возразил:
— Не гони его. Давайте посидим вместе.
И Клавдия вся засветилась радостью. Мальчик смотрел на мать и думал, что никогда не видел ее такой молодой и красивой.
А гость между тем рассургучил бутылку и разлил в два стакана красное вино. Гришке налил золотистого лимонада.
Они уютно сидели втроем за праздничным столом.
— Ну, за что пьем? — подняла стакан хозяйка и прищурилась, разглядывая рубиновый цвет вина. — Что за торжество?
А гость вдруг предложил, говоря, как всегда, с акцентом:
— Выпьем за котел... За тот котел... За то, что он нас познакомил...
Мать и сын переглянулись, а Гришка от такого тоста только поморщился. Нет, все-таки странные люди эти взрослые. Принести такое царское угощение, а выпивать за какой-то котел! В котором варят смолу. Ну, за любовь — куда ни шло, но чтоб за грязный котел — такого он еще не слыхивал...
Когда все-таки выпили, Гришка решил спросить:
— Дядя Юстас, а почему ваша Литва так называется?
Гость улыбнулся.
— У нас погода приморская. Все больше дожди да туманы. Солнца мало. Но когда появляется, оно такое ласковое... Вот от слова «лить», наверно, и назвали наш край.
— Гнилушка какая-то, — саркастически ухмыльнулся Гришка. — Если у вас так хмуро, как же там растут яблоки?
— Еще как растут! — оживился литовец. — У нас самые богатые яблоки. Литовские сахарные... Осеннее полосатое... Папировка... Вот вырастешь, обязательно съездим...
— А как по-вашему «дождь»? — не унимался мальчик.
— Летос.
— А «здравствуйте»?
— Лабас ритас.

— А «дорога»?

— Кялес.

Гришка задумался.

— А «хлеб»?

— Дуона.

И мальчик, уплетая вкуснятину за обе щеки, с удовольствием повторял: «Летос... Лабас... Кялес...»

После выпитого вина Юстас закурил трубку. Спросил Клавдию:

— Может, еще по одной? — и протянул руку к бутылке.

— Себе наливай, — не возразила женщина. — А мне еще стирка предстоит. Вон накопилось сколько. Не успеваю.

И тут Гришка вдруг выпалил:

— Дядя Юстас, у нас косу называют литовкой. Может, она тоже из Литвы? — Его любознательности не было предела.

Балюнас глотнул вина.

— А что... может, жили когда-то давно и здесь... литовцы...

Клавдия рассмеялась:

— Ой уж, сочинители! От вашей болтовни скоро голова заболит! А что касается литовки, то, думаю, она никакого отношения ни к литовцам, ни к литовкам не имеет. Это просто русская большая коса. А называется так потому, что литая, цельнолитая. А то, я смотрю, вы скоро договоритесь и до того, что Сибирь — родина литваков. И что приехал дядя Юстас не в ссылку, а отдохнуть на родину своих предков.

Балюнас тоже смеялся — свободно, заразительно. Словно забыл о печальном. Словно он и не ссыльный. Словно у себя дома.

А хозяйка скомандовала:

— Бери, Гришка, пряники — и марш на улицу!

Мальчишка только этого и ждал. Схватил в обе ладошки — и в дверь.

Юстас и Клавдия остались одни.

— Ну, выкладывай, — сказала женщина, когда за сыном захлопнулась дверь. — Что за праздник такой у тебя? Уж не домой ли вас отпускают?

Юстас затушил большим пальцем трубку, положил на стол.

— До дома мне пока далеко, — усмехнулся он. — Про другой дом с тобой говорить пришел. — И, помолчав, тихо добавил: — Выходи за меня замуж!

Клавдия, вскинув взгляд, так и застыла-окаменела: вот так да!

А гость продолжал, подыскивая слова:
— Я как в первый раз тебя увидел, подумал... Ты... особенная... Особенная женщина... Я такой не встречал... Да, наверно, лучше и в природе нет...
Клавдия потупилась, вспыхнула... А он спросил настойчиво, по-мужски:
— Ну как?.. Примешь литовское сердце?
Клавдия молчала. Все было так неожиданно. И так серьезно.
— Не знаю, как ты... А я тебя полюбил... очень... — тихо говорил Юстас. — Как тебя увидел... сразу же понял... что для меня началась новая жизнь. Ну, скажи что-нибудь... Не молчи...
— Даже и не знаю, — словно опомнившись, сказала Клавдия. — Мужик ты деловой и вроде хороший, детей любишь... но ведь ты ж... ссыльный. И эти... «братья», вроде бы как фашисты... — Она тяжело вздохнула.
— О, Езус-Мария! — Юстас резко поднялся из-за стола. — Ну какой я фашист? Я же говорил: мы не за немцев были, а воевали против сталинского режима!
Клавдия холодно отозвалась:
— Хрен редьки не слаще. Когда мы освобождали вашу Литву, столько русских солдатиков полегло. У вас одни приветствовали наши войска, а другие в спину стреляли... Он потупился.
— А я не стрелял ни в кого! Вот тебе святой крест! — И перекрестился.
Она развела руками.
— А за что же тогда тебя сослали? У нас зря не судят!
Он нахмурился.
— Там особенно не разбирались. Нас просто выселяли из родной земли.
А Клавдия добавила осуждающе:
— Бандитский лес ты называешь родной землей?
— Этот лес — тоже частица родины. — Он сказал это спокойно и твердо, как никогда. Даже с каким-то пафосом, в общем-то, ему не свойственным.

Их небольшой хутор находился в живописнейшем месте, на слиянии двух красивейших рек — Сваля и Левус. Далее серебристое брюхо уже единой реки, словно накормленная лошадь, с новой силой бежало мимо зеленых кустарников и перелесков. И устремлялось вдаль, за высокий лесистый холм. Хозяйство Балюнасов было ладным

и крепким. Днем округу оглашало мычанье коров и бляеные овец. Тонкими голосами повизгивали и хрюкали на скотном дворе свиньи и поросята. Со всем этим немалым хозяйством в основном справлялись мать и отец Юстаса. Сам же он любил заниматься рыбалкой. У него была хорошая лодка и знатные, на зависть всем, сети. Без рыбы с реки он обычно не возвращался. Юстас сам чистил ее. Свой улов он обычно солил или коптил. Его хватало и семье, и на продажу. Раз в неделю Юстас возил рыбу на старенькой бричке в город. Там, в Пасвалесе, жили две его старшие сестры. Они-то и торговали этим немалым добром на базаре. А за работу брат получал обычно наличными да в придачу бутылками с «горючим». И частенько Юстас возвращался домой к вечеру навеселе. Впрочем, почему бы не пропустить пару «губастеньких» с родственниками? Тем более что мужья сестер — народ заводской, и Юстасу всегда было интересно с ними потолковать.

На хутор же, слегка погоня лошадей, он возвращался обычно с песнями. Протяжными, тихими. И отец, стоявший у ворот, слышал стук брички приближающегося сына. Вдвоем они разгружали кладь, распрягали коней. Кони были добротными и сильными. Любовно вскормленными на сытных луговых травах, вспоенными свежей речной водой.

6

— Ну, чего пригорюнился? Чего молчишь? — понизила голос Клавдия, машинально поправляя на затылке заколотую в пучок косу.

Юстас вылил оставшееся вино в стакан и выпил.

— Мне кажется, мы не о том говорим. Теперь неважно, как жили мы раньше. Для нас с тобой... теперь новая жизнь, — заглянул ей в глаза. — Так ты согласна стать мне женой?

Она посмотрела на него в сомнениях.

— Не знаю, Юстас. Страшно сказать тебе «да».

— А ты не бойся! — оживился он. — У нас семья будет хорошая. Я знаю. Я все для этого сделаю. А когда срок мой закончится — уедем вместе в Литву. Увидишь настоящую, сытую жизнь.

— О-о, — вдруг засмеялась она. — Вот уж что-что, а к вам я никогда не поеду! Дома и солома едома, а в чужом месте, как в темном лесу. Страшно.

— Ну ладно, ладно, — успокоил Юстас. Он впервые испугался ее отказа. — Это потом все. Потом.

Клавдия принялась убирать со стола посуду.

— Так что ты мне ответишь? — опять спросил Юстас.

Она вздохнула.

— На всякое хотенье есть терпенье... Не торопи. Дай все хорошенько обдумать.

Гость посерьезнел:

— Ладно. Я буду ждать... Время есть.

Когда Балюнас уже стоял у порога, хозяйка окликнула по-домашнему:

— Юстас, ты трубку забыл...

Он живо вернулся, взял со стола трубку, сунул в карман. Опустив взгляд, постоял в нерешительности, словно хотел что-то сказать. Но, махнув рукой, твердым шагом вышел за дверь.

7

Дня через два Клавдия все рассказала сыну. Было это перед самым сном.

— А фото отца со стенки не снимешь? — Гришка испуганно глядел из-под одеяла.

Но мать со счастливым лицом вдруг спросила:

— Так ты что, не против, если я замуж выйду?

Сын пробурчал, натягивая одеяло к подбородку:

— Сама решай... Только «папкой» я его звать не буду.

Ни за что. «Дядя Юстас», и все!

Мать присела на край кровати:

— На сердитых воду возят, а на дутых — кирпичи... —

Склонясь, она прижалась к сыну, потом погладила по голове. — Вылитый отец! Колючий, как ежик... Ершистый.

Глаза мальчика потеплели.

Но мать опять за свое:

— Он тебе хоть нравится?

Гришка отрицательно повертел головой:

— Нисколько. Больно лобастый. Об его лоб только попросят бить. — Помолчал. — А может, мы будем с тобой жить вдвоем? — В глазах светилась надежда. — Пусть он к нам так, в гости ходит. А то на улице начнут дразнить...

Мать вздохнула и пожаловалась сыну, как взрослому:

— Тяжело мне одной тебя растить. Так — все же семья... А если замуж выйду, нам в новом доме дадут не

двухкомнатную, а трехкомнатную квартиру. У тебя будет отдельная комната. Разве плохо? Да и, Бог даст, братик у тебя появится. А что? Плохо разве?

Гришка резко сел.

— Ты что?.. Литовец, что ли?.. Не надо мне таких братьиков!.. Вот если бы это был папкин...

Мать улыбнулась:

— Ладно, ладно. Не кипятись, спи давай. Завтра в школу рано вставать.

А на другой день Гришка, зайдя после школы на автобазу, жаловался отцу:

— Мамка решила замуж выйти. Я ее отговаривал. Но не знаю, послушает ли... Конечно, тяжело ей одной. — Он вздохнул. — Жаль, что я еще маленький. А то пошел бы работать. Тогда было бы все по-другому. Только она ведь не станет ждать, пока я вырасту. — Взглянул на отца. — Еще говорила про братика... А на кой он мне... Правда, трехкомнатную квартиру тогда дадут. Лебеда... Вот, папка, такие у нас дела...

Они сидели в машине отца, и обоим было неловко и неудобно смотреть друг другу в глаза. И у взрослого, и у ребенка теперь была уже своя семья и своя отдельная жизнь. И каждый остро чувствовал это и потому неловко молчал.

8

Свадьба у Клавдии с Юстасом была скромная. Пришли соседи Клавдии, кое-кто из больницы, где она работала, и несколько друзей Юстаса. Стол накрыли по-литовски. Сибиряки с удивлением ели сытную гороховую кашу, картофель с жареным свиным мясом. А рядом, на большом блюде, высокой горкой белели длинные вареники из тертого сырого картофеля, начиненные творогом. Всем пришлось по вкусу и самодельная колбаса из свиного мяса, которую новобрачный несколько дней коптил в печной трубе. Когда все уже изрядно захмелели, запели, как всюду заведено, песни. Вначале — литовскую. И запевал сам Юстас:

*Эх, пил я пиво и песню пел.
Кто ж разукрасил лицо мне?
Кто ж разукрасил лицо мне?
Хмелек веселый, хмелек веселый —
так разукрасил лицо мне.
Так разукрасил лицо мне.*

А друзья его громко подхватывали известный мотив:

*Что густо вьешься?
Что в высь стремишься?
Тот, кто разукрасил лицо мне,
тот, кто разукрасил...*

Тогда сибиряки, как бы в ответ, затянули чистыми голосами свою знаменитую «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» Потом спели озорные «Валенки», а потом опять душевную, протяжную «Белым снегом...». Им подпевали и ссыльные литовцы, уже выучившие эти песни. Говорили шумно, рассказывали веселые истории, и, словно сговорившись, никто на свадьбе не вспоминал войну. Будто и не пережили ее совсем недавно.

Высокий и сильный Балюнас сидел во главе стола в белой рубахе. Он оглядывал всех веселым взглядом и каждому подходящему не отказывал чокнуться и выпить с ним. Его душу переполняла любовь к этой ладной, красивой женщине, сидящей рядом, переполняло ощущение предстоящей новой жизни.

Клавдия же, наоборот, особой радостью не светилась. Она ощущала даже смятение: что будет? Что ждет ее впереди? Не поспешила ли, не ошиблась ли? Товарки перешептывались: «Сидят рядом, а глядят что-то врозь».

Но вот свадьба закончилась и стала Клавдия — мать Григория — второму женой. А бывшая свекровь, заглянувшая к концу праздника «на огонек», тихо сказала ей в кухне, уже уходя:

— Разной вы веры, Клавушка. Неужто русских-то не нашлось? Не жилец дятел в гнезде синицы. — Вздохнула. — Только Гришеньку не обижай. Без матки пчелки — пропащие детки. Ну, а будет лишним — отдай нам. Я уж как-нибудь выращу... — И ушла, не поцеловав, не обняв, не сказав добрых слов, как на свадьбе полагается.

9

Вместо обещанного братика Клавдия родила девочку. Случилось это пятого сентября 1956 года.

Этот день в жизни Гришки ознаменовался еще одним событием — он получил первую свою оценку. И не какую-нибудь, а пятерку. Жирную такую, словно ее специально откармливали для первоклассника. Конечно, не

терпелось показать маме, которая лежала в роддоме. Вот обрадуется! Мальчишка вбежал в больничный двор и изо всех сил стал звать маму. Та испуганно выглянула в окно. Гришка вытащил из ранца свою драгоценную тетрадку, начал тыкать пальцем в красную цифру и еще в придачу кричать: «Я пятерку получил!» Клавдия понимающе закивала головой, а потом вдруг исчезла и через минуту появилась снова, но уже с каким-то свертком в руках. По знакомому одеялу Гришка догадался, что это ребенок. «У тебя сестричка родилась!» — крикнула в форточку мама.

Гришка возвращался домой и не мог понять: чему ему больше радоваться — первой пятерке или рождению сестренки?

Девочку назвали литовским именем — Кристина. Кристина Балюнайте. А мать Гриши после свадьбы стала Клавдией Балюнене. Отчим был Юстас Балюнас. И только один Гришка остался русским — Григорием Ермаковым. Он наотрез отказался менять отцовскую фамилию. Ну, какой он литовец? Какой иностранец? Курам на смех...

С появлением сестренки для Гришки кончилась и жизнь спокойная, и спокойные сны. Живой, розовый, теплый комочек с двумя пуговками серых глаз ревел и днем и по ночам, как иерихонская труба. Правда, Гришка не вскакивал к качалке, как это делала мать, а лежал и с горькой досадой наблюдал эту постоянную канитель со своей кровати. Мать электричества не включала, но в свете серебристой полной луны ее усталое лицо было отчетливо видно. Были заметны и мельканье во тьме обручального кольца на ее пальце, и даже округлая грудь матери, приоткрывавшаяся при кормлении малышки. Мальчик от этой обнаженности замирал и жмурился. Умолкала и сестренка Кристина. И в лунной тишине было слышно лишь сладкое чмокание. Потом мать осторожно укладывала девочку в качалку и начинала шепотом напевать: «Жили у бабуси два веселых гуся, один серый, другой белый, два веселых гуся...» Под эту песню, которую мать пела когда-то и самому Гришке (словно это было в другой жизни), мальчик и сам засыпал.

А вскоре наступили такие дни, когда Гришка уже со всех ног бежал из школы домой. Наспех мыл руки и живо подсаживался к детской кроватке. Ласково разговаривал с крохой Кристиной, гладил и целовал ее пухленькие ручки и вообще зачастую не отходил от нее до вечера. Мать не могла нарадоваться, глядя на них.

В школе Гришка учился хорошо. Неожиданно у него обнаружили немалые способности к рисованию. К тому же одним из первых в классе его приняли в пионеры. Гришка важничал, гордился этим и даже перекалывал свой пионерский значок со школьной формы на домашнюю одежду. По вечерам мальчишка бегал с друзьями по соседским дворам и собирал для школы макулатуру — выброшенные книги и газеты. Собирал и железный лом: старые железяки, жестянки, негодные кастрюли и даже проржавевшие кровати.

На все это отчим однажды сказал:

— Дурачье вы наивное. Отнесли бы лучше собранное утильщику. Он хоть цветных карандашей бы дал. А то и альбом. Или мяч. Все не у матери бы просил...

Гришка спор с отчимом не затевал, отмалчивался, но продолжал жить так, как ему нравилось.

А вскоре в новом доме, возле которого Гришка когда-то чуть не утонул в котле со смолой, им дали трехкомнатную квартиру. Старый же барак, который столько лет был приютом для многих семей, снесли бульдозером. С этого часа Гришка почувствовал, как оборвалась навсегда ниточка, связывающая его с детством...

10

Клавдии завидовали все бабы в доме. Работящий Юстас построил около дома дощатую стайку. Утеплить ее опилками, глиной, и они обзавелись хозяйством: купили поросенка, цыплят. И вскоре у них, как в деревне, захрюкала свинка, стали нести яйца куры. Юстас в квартире под полом еще выкопал и погреб, построил кладовку, и круглый год на крючках там висели копченые окорока, а в бочонках хранились крупные, с ладонь, грузди и капуста с мочеными яблочками.

Гришка тоже старался не отставать от отчима, во всем ему помогал. И воды наносит в кадку, и дров наколет, и лучин жаровых настрругает на растопку. А уж про живность и говорить нечего. Только он один за курами и свиньями и ухаживал. Завидев своего кормильца с ведром, поросята хрюкали, тычась в дощатую перегородку. Гришка аккуратно разливал пойло по всей длине корыта, но они всегда толкались и громко чавкали только в одном углу. Словно там были самые лучшие куски.

— И чего вы такие глупые? — весело смеялся Гришка,

почесывая их за ушами. Он любил скотину, он вообще был сочувственным, сердечным парнишкой.

Как и было заведено — к октябрьским праздникам и к Новому году свиней обычно забивали. Эти дни были у Гришки самыми страшными. Он убегал со двора и возвращался только к позднему вечеру. И не потому, что он боялся крови, которую дядя Юстас пил из кружки еще горячую. Просто за целый год Гришка настолько привыкал к животным, что у него не хватало сил слышать их предсмертный крик. «Пусть думают, — утешал он себя, — что меня нет рядом. Что не могу помочь».

На некоторое время в стайке становилось пусто и грустно. Но потом появлялись новые поросята, и все начиналось снова.

11

Солнце скатывалось к краю неба, оставляя за собой пышные, прирумяненные с одного бока облака. Но Гришка не видит всей этой красоты. Его внимание сосредоточено на литровой банке с парным молоком. Обеими руками прижав ее к груди, он несет молоко домой для крохи Кристи. Но так хочется самому отпить из банки хоть один глоточек! Гришка старается не смотреть на банку. Но скулы сводит так, что терпезу нет. Наконец, не выдержав, он останавливается и отпивает маленький глоточек. Молоко пахнет лесом и свежескошенной травой. Потом, через несколько шагов, к этому глоточку Гришка прибавляет еще три. «Ну, вот еще этот, последний, — и все», — уговаривает он сам себя. Глоток получился короткий и ласковый, как поцелуй малышки Кристины. Гришка даже услышал, как молоко булькнуло у него в горле. Он решительно отстраняет губы от банки и плотней закрывает крышку. Но все равно видно, что банка уже не полная.

Дома был один отчим. Гришка замялся у порога, хотел спрятать банку за спину и незаметно поставить на угол стола.

— Чего прячешь? Ставь на стол! — велел отчим.

На столе Гришкин грех выявился сразу. Высокий лоб отчима от такой картины наморщился, а залысины покраснели.

— Та-ак... — Голос не предвещал ничего хорошего. — Ты что же это делаешь?.. У сестры крадешь?..

— Я случайно, — стал оправдываться Гришка. — Я чуть-чуть... — Он даже захныкал.

— Ты что, голодный, что ли? — вдруг закричал дядя Юстас. — Тебя что, не кормят?

Таким злым Гришка его никогда не видел. Но он решил не сдаваться и даже перейти в наступление. «Подумаешь, какое-то молоко дурацкое».

— А вы на меня не кричите! — с вызовом заявил он и даже как-то выпрямился. — Я не ваш сын! — И сжал свои кулачки. — Я не ваш! Она вон — ваша! — Голос звучал пискляво, но задиристо, с чувством собственного достоинства.

— Ах ты, пащенок! — Отчим схватил Гришку за шиворот, словно овцу, и, сунув его голову между колен, стал шлепать по заднице. Гришке было так больно, что казалось, будто били его не ладонью, а лопатой. Мальчик вцепился руками в ноги отчима, пытаясь вырваться, но они были как каменные. Оставалось терпеть. И Гришка терпел, стиснув зубы. Терпел и клятвенно твердил себе, что, когда вырастет, обязательно отомстит этому Юстасу. И никогда не простит его, фашиста проклятого! «Ничего-ничего, — твердил он себе. — Волк ловит, да и его ловят».

В кровати заревела-вспугнулась сестренка. Дядя Юстас разжал колени, и Гришка, вырвавшись из его клещей, выскочил на улицу.

Домой он вернулся лишь поздно вечером с твердым решением: «Завтра же убегу. Пусть мать поищет, пусть по родному сыночку поплачет. Ведь, кроме Кристинки, еще и я у нее есть... А может, я и матери, как и отцу, не нужен?»

12

Гришку разбудил яркий луч раннего солнца. Мальчишку словно подбросило: надо уходить! Тихо, дыша через раз, он оделся и бесшумным шагом прокрался на кухню. С собой Гришка захватил спрятанный с вечера школьный ранец. Только вместо учебников в ранце лежали перочинный нож с четырьмя лезвиями, спички, увеличительное стекло, компас, потрепанная карта края, где, обведенный красным кружочком, притаился его родной городок. Не забыл и книжку Н. Островского «Как закалялась сталь», которую накануне подарила ему мать, и свои накопления — пять с полтиной мелочью, сэкономленные на школьных обедах.

На кухне мальчик сунул в ранец коробку с рыболовными крючками, початый батон и два огурца.

Взял химический карандаш, послунывил его и на тетрадном листе написал: «Мама я вам никому не нужен. Я уйду из дома». Потом задумался, поскреб макушку, и после слова «мама» поставил запятую.

Положил записку на стол, а на бумагу — свой ключ от входной двери. И тихо, на цыпочках, вышел на улицу.

Маленький беглец шел быстро. Вот уже за спиной остались и дом, и родная улица с четырехэтажной школой. Потянулись чужие дома, строения и хозяйства. Сигналили, обгоняя Гришку, проезжие машины. Вот и окраина. И скоро город скрылся... Вокруг ни души — только он да зелень полей, теплый осенний воздух и темнеющие на горизонте леса...

Мальчонка вдруг вспомнил, что сегодня в школе у них контрольная, и обрадовался, что он здесь, а не там, в классе, где все трясется сейчас, ожидая рокового звонка. Он даже обернулся и показал язык. Кому? Наверное, и отчиму с матерью, и учительнице, а может, и всей школе.

Но теперь, когда Гришка подумал о своем классе, о своих друзьях, у него так защемило сердце от внезапной тоски, что он остановился, и стоял так долго, а потом пошел, но его шаги стали куда короче и неувереннее.

Это что ж получается? Выходит, так... Конечно, совсем без обид и драк не обходилось, но, в общем-то, он со всеми дружил. Все про всех знал: кто, где жил, кто кем хотел стать...

Веснушчатый Сережка Кравцов хотел быть летчиком, голубоглазая Тмарка Калинина — даже певицей. Толстый Витька Стрелков говорил, что станет милиционером, а большеглазая и строгая Людка Панасюк собиралась в учительницы. Тихий и задумчивый Валерка Малых готовил себя в художники. Он брал из школьной библиотеки книжки по искусству, тщательно изучал их и, кроме того, был обладателем большого набора настоящих цветных художественных карандашей. Этими карандашами он сделал копию с репродукции Левитана «Золотая осень», да так, что от картины почти не отличишь. Но Гришке не нравятся яркие цвета. У него любимый цвет — черный. Мальчик как-то в тайге наткнулся на агатовый омут. И когда дома попробовал его написать, он весь получился какой-то грязный. Наверное, нет такой яркой черной краски, решил юный художник. Но цвет этот у Гришки

так в глазах и стоит. Может, когда-нибудь и получится нарисовать. Учительница в школе говорит, что есть такая краска — битумная. Она настолько яркая, что в ней даже лицо человека отражается. Выходит, не зря он тогда провалился в этот котел с черной смолой. Человек свой цвет искал, а его еще и высекли за это! Ничего, он еще найдет эту краску! Обязательно найдет. И напишет этот омут. И будет висеть его картина в самой знатной галерее. Он даже сказал об этом Валерке, и друзья договорились пойти вместе в изокружок Дома пионеров.

А теперь вдруг получалось, что не только Дом пионеров, а вся жизнь наперекосяк. И он не только не узнает, кто из его друзей кем станет, но и вообще никогда не увидит их.

Душа Гришки разрывалась от жалости к самому себе. «Куда я теперь, что со мной будет? — думал мальчуган, глядя на пыльную дорогу, на увядающую осеннюю красоту. — Уйду в беспризорники; придется жить на вокзалах, деньги у прохожих тырить. А может, к цыганам податься?»

От всех этих невеселых мыслей, от суровой и величественной природы, в которой внезапно затерялась его малость, от острой жалости расставания слезы выступили у мальчика на глазах. И Гришка брел, утирая глаза кулаком.

Расстроенный своими думами, оголец не обратил внимания на рокот за спиной. И когда рядом проехала машина, он шарахнулся в сторону и едва не угодил в кювет. Гришке показалось, что грузовик едва не сшиб его. Грузовик свернул к обочине и тормознул так, что поднялось желтое облако пыли. Машина была точь-в-точь как у отца. Может, его дома уже хватились? Может, мать побежала к отцу и они, помирившись, кинулись вдвоем искать его? И вот догнали и, наверно, обрадовались...

И Гришка со всех ног бросился к машине. С «пассажирской» стороны дверца вдруг распахнулась, и на землю сошла вовсе не мать, а мужчина в ослепительно белой рубашке. Она казалась непонятно-торжественной и странной тут, на пыльной дороге. В глаза Гришке било солнце, и он остановился, зажмурившись, подслеповато улыбаясь. И когда все-таки удалось разглядеть того человека, ноги стали будто чужими. Перед ним стоял отчим. Но он был теперь не тем страшным и гневным, от которого убежал Гришка, а совсем другим — с озабоченным, но добрым, обрадованным лицом!

Мальчик сжался, готовый сигануть в придорожные кусты, а там и в лес, но тон, каким его окликнули, остановил паренька. У мальчугана словно что-то переломилось и потеплело внутри.

— Гришка! Сынок!.. — И столько было в этих двух словах скрытой боли и радостного облегчения, что юный беглец невольно подался вперед. — Ну что же ты? Мы с матерью с ног сбились! Все уже обегали, обыскались...

Отчим наклонился к пареньку, схватил его за плечи, обнял. И Гришка увидел, как повлажнели его светлые глаза. Это было так необычно для всегда сдержанного «Ганса», что мальчик как-то стеснительно и неловко улыбнулся ему.

— Кто же так делает? Ведь я... люблю тебя. Ну, разве чужого я стал бы лупить? Ты для меня свой. Сын... Кристишка мне родная, но она девчонка. А ты, как это... свой брат. Может, я вчера и погорячился. Ты уж прости. Поехали домой...

От машины и отчима сладко пахло бензином. Гришка виновато вздохнул и пошел к грузовику. Дядя Юстас подхватил, помог забраться в кабину. За рулем сидел вихрастый рыжий парень. Он озорно подмигнул Гришке и, когда отчим захлопнул дверь, весело спросил:

— Ну что, путешественник, домой вернемся? Или дальше поедем?

И Гришка согласно кивнул: «Домой!»

Мальчишка сидел, прижатый к коробке передач, и рука рыжего шофера при переключении скоростей то и дело стучала его по острой коленке.

— Ну, ты и ходок! — продолжал говорить рыжий. — Вон куда утопал! Мы уж думали, бензина не хватит тебя догнать. Шороху ты навел, конечно, на весь город. Девчонки теперь тебя любить будут. Герой!

Отчим держал дорогую пропажу за плечо, крепко и ласково.

— Убегать от проблем — это не мужское дело, — успокаивающим тоном говорил он. — Если взглянуть по-твоему, так у меня больше причин бежать.

Гришка поглядел на него удивленно.

— Вам-то зачем?

— Эх... Не знаю, поймешь ли меня... Хотя должен. Понимаешь, вот если бы меня вдруг отпустили, я бы пешком по шпалам ушел до Литвы. Без отца, конечно, плохо, но без родины жить еще больней. — Вздохнул. — Но это

было вчера. Сегодня я поступить так уже не могу. — Гришка плечом почувствовал, как сжалась ладонь дяди Юстаса. — Теперь у меня здесь семья. У мужчины есть свои обязанности... Понимаешь?

Гришка кивнул и продолжал слушать.

— Человек должен заботиться о семье, защищать близких. Дело свое должно быть у каждого. Ты вот, например, кем хочешь стать?

— Художником... — оробел Гришка.

— Художником? — Юстас удивленно поглядел на него и добавил очень серьезно: — Нет, тут, брат, я с тобой не согласен. Профессия должна быть такой, чтобы она кормила, а не ты ее. Вот я, например, могу работать и плотником, и каменщиком. Сам могу дом построить!

Рыжий не выдержал и тоже приобшился к разговору.

— Шофер тоже профессия неплохая. Всегда при деньгах. Отец дело тебе говорит. Ну что за профессия такая — художник! Баловство одно. Разве на нее семью прокормишь?

— Все равно буду художником! — упрямо оборвал обоих Гришка.

— Это очень важно — верить в свою мечту, — одобрил отчим. — Если ты в этом уверен, я тебе помогу.

Сквозь лобовое стекло было видно, как быстро надвигался, возвращался к Гришке его родной городок. Счастье переполняло мальчишеское сердце. Он даже старался не ерзать, не шевелить плечом, чтобы дядя Юстас не убрал своей большой теплой руки. Такой надежной и верной.

Владимир ДЕСЯТНИКОВ

ДНЕВНИК РУССКОГО

1984

19 апреля

Говорили с Леоновым на архитектурную тему и завершили обсуждением статьи Андрея Вознесенского «Прорабы духа». Вознесенский со слов И.В. Жолтовского (1867—1959) — своего учителя по Архитектурному институту — поведал о сцене, происшедшей во время обсуждения плана реконструкции центра Москвы. Дескать, человек в железнодорожной гимнастерке (Каганович) снял с планшета макет храма Василия Блаженного, а человек в защитной гимнастерке (Сталин) поставил ее на место.

Сомневаться, что все это так и было, не приходится. Жаль только, что ни Вознесенский, ни Жолтовский, видимо, не знали о телеграмме Сталину П.Д. Барановского, который решительно выступил против намерений Кагановича относительно сноса храма Василия Блаженного. Храм был спасен, а П.Д. Барановский был осужден по ст. 58 УК РСФСР — «за контрреволюцию».

Мы сели на лавочку около 200-летнего дуба на бульваре. Напротив нас в

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

глубине был дом. Леонов указал мне на дверь на первом этаже справа.

— Три ступеньки вниз — и вы попадаете в квартиру Всеволода Иванова, — сказал Леонид Максимович. — В свое время я там часто бывал. В 1925 году, — продолжал Леонид Максимович, — в день прощания Москвы с Есениным, я стоял у гроба вместе с Сергеем Буданцевым и Всеволодом Ивановым. «Кто из нас следующий?» — спросил я у Буданцева. Тот ответил: «Всеволод».

Иванов в то время спивался. Его «зацепила» бывшая жена Бабеля — тертая баба (она и сейчас еще жива). При новой жене (старая жена — учительница, милый, хорошо образованный человек, небольшая писательница — была брошена) Иванов быстро «выправился».

Леонов стал часто бывать у Ивановых, но эта дружба плохо для него кончилась. Иванов и его жена поссорили Леонова с Горьким.

Я спросил у Леонида Максимовича, что еще, кроме «Бронепоезда», есть у Иванова.

— Есть романы, но они не печатаются. На чем построен «Бронепоезд»? — вдруг спросил Леонид Максимович. И сам ответил: — До революции, если машинист видел на рельсах человека, он обязан был остановить поезд. Но ведь капитан Невзеласов не из тех, кто остановит бронепоезд из-за какого-то китайца. Он и через весь Китай проехал бы на бронепоезде.

Мне почему-то Вс. Иванов кажется веселым, неунывающим, широкой русской души человеком — таким, каким он и выглядит на скульптуре Сары Лебедевой.

Леонида Максимовича разгульным и хмельным я как-то не представляю себе. Мне кажется, Леонов с молодости был человеком внутренне сосредоточенным. В нем есть что-то аскетическое, монашеское, если не сказать больше — схимническое. В этом он чем-то и внешне походит на Достоевского — всегда в себе.

Я спросил Леонида Максимовича, встречался ли он с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым.

— Встречался у Волошина на даче в Коктебеле в 1925 году. В тот же год у нас образовался кружок, чтобы читать друг другу свои произведения (писателю надо иногда проверить свою работу чтением вслух). Кроме нас с Булгаковым был еще писатель (Князев?). Он пригласил на чтение незнакомого нам литератора. И вот, когда все расселись, незнакомый литератор вдруг заявил: «Прежде чем

начнем читать друг другу свои произведения, давайте выясним политическую платформу каждого». Больше мы не собирались, — улыбнулся Леонов.

— А с Маяковским вы были знакомы? — спросил я.

— По-моему, я с ним и не поздоровался ни разу, — ответил Леонов.

— А с Алексеем Николаевичем Толстым встречались? — допытывался я.

— Ну, как же!.. Однажды у Лидина сидели, выпивали. Вдруг Алексей Толстой встает и ни с того, ни с сего предлагает тост: «Давайте выпьем за здоровье замечательного человека и большевика Михаила Ивановича Калинина». А я говорю Толстому: «Как вы думаете, кто из нас должен будет доложить Калинин, что мы пили за его здоровье?» Толстой тогда говорит: «Ох, и злой ты, Леонов».

Мы пришли домой и вдвоем пили чай. Леонов рассказывал, что в связи с его 85-летием в Ленинграде и Москве прошли двухдневные научные конференции по его творчеству. Ни на одном из заседаний Леонов не был, но послал приветствие участникам конференций.

— Я строго отношусь к своей работе, — сказал Леонов. — Меня почти ничего не устраивает из написанного мною. Я «Вора» выпустил в 1927 году. Его хвалил Горький, сразу же перевели на немецкий и английский языки. Спустя 30 лет я взял «Вора» и начал править. Думал управиться за полтора месяца, а просидел полтора года, пока весь роман не переписал.

Я выразил недоумение, как можно писателю, у которого вызрели новые образы и просятся на бумагу, не пускать их, а заниматься по второму разу уже сделанной работой.

— Представьте себе, — сказал Леонов, — что вы сели на конфету, раздавили ее, и она прилипла к вашим брюкам. Под пиджаком конфеты не видно, но вы-то знаете, что конфета раздавлена и прилипла. Вот вы ее и сдираете с брюк. Так у меня происходит с написанным. Чистый лист бумаги — это потенциально гениальная рукопись. Когда этот лист исписан, то сразу же видно, насколько несовершенно твое писание, — заключил Леонид Максимович.

Я сказал Леонову, что «Evgenia Ivanovna», с моей точки зрения, совершенная вещь и уж ее-то, наверное, он не станет больше трогать.

Леонов не стал настаивать на переделке повести, но чувствовалось, что, возмись он за нее, снова стал бы «точить и точить».

— С «Evgenia Ivanovna» я не расставался долго-долго, а началась эта любовь в 1934 году, — рассказал Леонов. — Мы с Татьяной Михайловной в тот год путешествовали по Грузии. И вот однажды в Тбилиси мы зашли в один из духанов вчетвером поужинать. Через столик от нас сидел человек в шляпе, вроде тирольской, и в коричневых крагах. Он у меня и стал Стратоновым. Все остальное я выдумал. В 1938 году я закончил повесть, но не отдал ее и еще трижды правил рукопись.

На письменном столе у Леонова лежит рукопись нового романа. Кивнув на стол, я спросил, как движается работа.

— Так себе, — ответил Леонид Максимович. — При жизни я, наверное, и не увижу отпечатанной эту книгу. А знаете, сколько я над ней работаю? — спросил он. — Задумал я этот роман в 1938 году, но тогда мало что сделал. Потом война, «Нашествие»... В 1948 году написал пять листов, отложил, начал «Русский лес». Его закончил, написал к пяти переписанным местам еще полтора листа... Потом заканчивал «Evgenia Ivanovna» и еще работал. Так с перерывами исписал вот такую стопу бумаги, — Леонов показал на руках тридцатисантиметровую кипу бумаги, махнул руками, как бы забрасывая ее в стол, и сказал: — Достоевский иногда даже забывал сюжет своих произведений, а я помню в своем романе все до мельчайших деталей и вот теперь по памяти возобновляю написанное, не заглядывая в него.

В свои 85 лет Леонов не выглядит дряблым. Я верю, что он все помнит в своем романе и главу за главой переписывает набело. Судя по его характеру, эту работу он будет продолжать до последнего предела... Такие, как Леонов, не отстают.

Мы ужинали, пили чай. Леонов съел несколько кусочков жареной картошки, меня потчевал тортом, а сам съел лишь хрустящие взбитые сливки в виде зефирины. Жирное он не ест, так как знает, чем это ему грозит. Он не дрожит за свое здоровье, а любит работу и ради того, чтобы работать, готов на все ограничения в быту. Живет он по монастырскому уставу — душа трудится нескончаемо.

13 мая

Меня давно занимает судьба трех мастеров: Александра Грина (1880—1932), Поля Гогена (1849—1903) и Эдгара По (1809—1849). Их роднит многое и прежде всего

романтизм. И вот прихожу я в музей А.С. Грина в Феодосии и вижу фотографию грустного писателя незадолго до смерти с птицей на плече. Эта фотография напомнила мне картину Поля Гогена «Never more», написанную полвека спустя после выхода в свет книги Эдгара По того же названия (в русском переводе «Ворон»). На картине изображена лежащая на тахте обнаженная женщина (Линора), а на подоконнике мрачная птица (ворон). Сомнений нет — это живописный парафраз стихотворения Эдгара По. Художник в левом верхнем углу и название вывел — Never more, что по-английски значит: «Никогда больше». Александр Грин, посадивший себе птицу на плечо, конечно же, знал и как романтик сердцем чувял, что никогда больше не повторится быстротечная наша жизнь и все то, что мы в ней любили.

24 мая

До того как побывал на этюдах в Краснодарском крае и в Крыму, заезжал в Захарово Рязанской области, где присутствовал на открытии картинной галереи, подаренной родному селу моим другом доктором Орловым Анатолием Петровичем. По приезде написал и сегодня отослал письмо Л.М. Леонову с рассказом о крестной матери А.П. Орлова — Пелагее Александровне Лобачевой (1891—1967) — слепой от рождения, которую бросила родная мать на церковной паперти, а родители А.П. Орлова сжалились и взяли к себе в дом. Оказалось как в сказке: привели они в дом не сиротку, а ангела-хранителя семьи, всех детей она вынянчила, научила добру и милосердию. И стал дом Орловых самым известным во всей округе, ибо открылся у Пелагеи Божий дар целительства и пророчеств. В грозные 1930-е годы по ночам, бывало, приезжали даже партийные работники посоветоваться, как дальше быть, чтобы головы не лишиться. Кончилось тем, что Пелагею арестовали. Тогда мать Анатолия Орлова поехала в Рязань.

— Вы меня лучше арестуйте и расстреляйте, — сказала крестьянка, — а слепую выпустите. Нет на ней вины.

Молва о слепой пророчице была столь сильна, что никто из управления НКВД не взял на себя смелости подписать ей приговор. Постращали, постращали и выпустили. И еще тридцать лет после этого Пелагея служила верой и правдой своему народу.

27 мая

Позвонил Л.М. Леонов, пригласил в гости.

— Ну что в мире нового? — спросил Леонов, когда я приехал и мы прошли в кабинет.

— Самая большая новость — это то, что святые живут среди нас, — ответил я, нарушив паузу.

— Как вы сказали? — переспросил Леонов.

Я рассказал, что, приехав в Захарово на открытие галереи, мы с А.П. Орловым первым делом пошли на кладбище помянуть его родителей и крестную мать — целительницу и прорицательницу Пелагею. Я никогда не видел столько цветов на сельском кладбище, сколько их было в Захарове. И пока мы стояли на погосте, люди с цветами, кутьей, конфетами все подходили и подходили. Как оказалось, Пелагея — местночтимая святая. Церковью она пока еще не прославлена, но народ ее давно причислил к лику святых. Скольких людей она исцелила, вернула к жизни! Пелагея, бывало, перекрестит, прочтет молитву, и человек поправлялся. Ее известность давно перешагнула границы Рязанщины. За милосердие, бескорыстие, любовь к людям в адрес Пелагеи были сказаны добрые слова самим Патриархом Всея Руси Алексием. В память об этом в семье Орловых и по сей день хранится золоченая чаша с дарственной надписью от Патриарха.

Леонид Максимович слушал, смотря как бы вдаль.

— Это верно, — сказал он. — Святые живут среди нас. Мы помолчали.

— Ну, а еще какие новости, что в народе слышно?

Я рассказал о своей поездке из Рязани к Черному морю, выразив при этом свою нескрываемую боль, что дела в центре Руси идут из рук вон плохо: повсеместная пьянка, примитивная производительность труда, распад семей, низкая рождаемость. Не забыл упомянуть о шарашниках с Кавказа.

— Да еще эта нелепая затея с «поворотом» северных рек, — в сердцах подытожил я.

У Л.М. на этот счет свои соображения. Он считает, что все заведомо идет к развалу России.

— Как это они там, наверху, не понимают, что русский народ — главный подшипник, на котором «крутится» вся советская власть, — с горечью сказал Леонов.

Накинув пиджак на плечи, Л.М. пригласил прогуляться по Тверскому бульвару.

Леонов все время говорил о готовящейся войне, о по-

следствиях ее. Его очень беспокоит наша медлительность и неразворотливость в делах экономики. На своем опыте он знает, что работающая, динамично развивающаяся Япония спит и видит, чтобы урвать у России Дальний Восток. Их на «колбасе» (словечко Л.М.) 160 миллионов, а население Сибири — едва ли 30 миллионов наберется. Он рассказывал, как японцы массивно «атаковали» его на счет концессий во время поездки в Японию в 1963 году.

Проходя мимо Театра им. А.С. Пушкина, Л.М. вспомнил, как Давыдов — судебный деятель Москвы прошлого века, рассказывал тестю Леонова, Михаилу Васильевичу Сабашникову, о встрече на этом месте в день открытия памятника Пушкину Достоевского и Тургенева. Увидев Достоевского, сидящего на лавочке, Тургенев несколько писклявым голосом воскликнул: «Федор Михайлович, вот вы где! Рад вас видеть». На что Достоевский, недовольный, буркнул: «От вас нигде не скроешься», — и ушел в глубь бульвара. Давыдов был свидетелем этой встречи двух писателей и рассказал о ней М.В. Сабашникову, а тот Леонову. Я же счел своим долгом записать рассказанное.

На обратном пути Л.М. Леонов рассказывал о взаимоотношениях Достоевского и Тургенева, когда тот дал взаймы проигравшемуся Достоевскому, а потом забыл, сколько дал и по записке велел подателю ее вернуть сумму вдвое больше. «Что, он не знал материального состояния Достоевского?» — с укором сказал Леонов.

Л.М. говорил, что он ставит творчество Достоевского выше не только Тургенева, но и Толстого, о чем он в свое время написал в статье в журнале «XX век и мир».

12 июня

Умер П.Д. Барановский — великий подвижник земли Русской. Царство ему Небесное!

Мне так хотелось, чтобы мои дети знали и помнили Петра Дмитриевича. Несколько раз, когда я ездил к нему в Новодевичий монастырь, Катя и Настя были со мной. Они присутствовали во время нашей беседы, но очень скоро им надоела наши разговоры. Гораздо интереснее было общение с сестрой Петра Дмитриевича — бывшей учительницей Натальей Дмитриевной. Она сразу нашла дорогу к детским сердцам:

— Кошечек любите? Пойдемте, я вам покажу.

Катя и Настя были в восторге от такого предложения. Наталья Дмитриевна в один из наших визитов привела

детей на террасу и показала своих любимых питомцев. У нее было несколько кошек с котятами.

— Наталья Дмитриевна обещала, когда котята подрастут, подарить нам. Ты разрешишь нам взять котят Барановского? — схитрила Катя, зная мою любовь к Петру Дмитриевичу, когда мы возвращались от него домой.

Я надеюсь, когда дети вырастут и поймут, кто такой Барановский, обязательно помянут добрым словом и Петра Дмитриевича, и милую, добрую его сестру Наталью Дмитриевну.

4 июля

Охрана памятников Отечества — дело, где нам, защитникам национального нашего достоинства, приходится нередко, что греха таить, ломать шапку перед сильными мира сего, лишь бы не сработал динамит. Так и мне сегодня пришлось, смилив гордыню, отнести письмо в приемную Черненко. Утешаю себя тем, что и Кутузову приходилось делать маневр — носить самовар с пылу с жару к столу светлейшего князя Потемкина.

Вот текст этого письма.

«Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Константину Устиновичу Черненко.

Многоуважаемый и дорогой Константин Устинович!

Обращаюсь к Вам, как главному патриоту родной земли, нашего великого Отечества. Вопрос заключается в том, что намечен к сносу уникальный памятник московской архитектуры XVII в. Гранатный двор (ул. Алексея Толстого). Гранатный двор — первый завод по производству артиллерийских снарядов и гранат на Руси — основан в 1662 г. Сохранившееся здание принято на госохрану постановлением Совета Министров РСФСР №624 от 04.12.1974 г.

Вместе с памятником архитектуры — церковью Большое Вознесение, где венчался А.С. Пушкин, усадьбой XVII в. — домом Бобринского, церковью Федора Студита XVII в., связанной с памятью А.В. Суворова, музеем А.М. Горького Гранатный двор входит в заповедную зону Москвы. Если не принять срочных мер к спасению Гранатного двора, то нарушится веками сложившийся ценнейший архитектурный ансамбль.

Это неминуемо даст повод вражеской пропаганде для дискредитации нашей политики в области охраны национального культурно-исторического наследия. Прошу Вас принять меры по существу данного письма.

В. Десятников».

5 июля

За суетой не успел сделать запись о праздновании 60-летия В.А. Солоухина. Между тем событие это было достойно отмечено в печати, на радио и телевидении. Юбиляр устроил по этому случаю праздничный обед в ресторане ЦДЛ, на который пригласил человек около ста — родных и близких, писателей, деятелей культуры, искусства, друзей. Официальная часть была короткой. Объявили о награждении В.А. Солоухина орденом Трудового Красного Знамени и сказали несколько теплых слов о его творчестве. Затем до конца обеда юбиляр давал слово друзьям. Дошла очередь до Андрея Вознесенского.

— Ну, во-первых, дорогой Андрюша, мы наконец-то сравнили с тобой в оценке нашего творчества, — сказал Солоухин. — У тебя «Красное Знамя» и у меня теперь «Красное Знамя». А во-вторых, думаю, будет всем интересно, кстати, ты помнишь, кто тебя первым напечатал?

— Как не помнить?

Со слов Вознесенского, они познакомились с Солоухиным в середине 1950-х годов на вечеринке у общих друзей. Солоухину «показались» стихи, которые читал Вознесенский, и он пригласил молодого поэта в редакцию, где работал заведующим отделом поэзии. Вознесенский отобрал лучшее из того, что нашел, и принес Солоухину. Каковы же были изумление и радость автора, когда вскоре газета вышла с огромной подборкой его стихов. Вознесенский обошел несколько киосков и скупил все газеты со своими стихами. Дома он устал стихами пол и катался по ним как оглашенный. Потом было много публикаций — в газетах, журналах, изданы десятки книг, но первая большая публикация стихов, сделанная Солоухиным, осталась несмываемой в памяти на всю жизнь.

С тостами и воспоминаниями выступили Расул Гамзатов, Илья Глазунов, Сергей Михалков, Василий Захарченко, Семен Шуртаков — многие, и для всех у Солоухина находились добрые слова, улыбка, сердечная признательность за поддержку и участливость. Собственно, самым лучшим, талантливым, сердечным в этот день был сам юбиляр.

Андрей Вознесенский, несмотря на кажущуюся оригинальность, как и Пабло Пикассо, многое заимствовал у покойничков (от Эдгара По до Александра Яшина).

Как у архитектора по образованию, у поэта Вознесенского, как он сам признается, один из кумиров архитектор К.С. Мельников (1890—1974), и вполне естественно, что

умозрительному конструированию он сполна отдал дань в своей поэзии.

В моем восприятии Вознесенский по своим убеждениям — сугубый интернационалист, без глубоких корней и самобытной силы. Потому во время всех «оттепелей» и «паводков» его всегда будет сносить к левому, зарубежному берегу.

22 ноября

С 17.30 до 22.30 у Леонова.

Мы пили чай, смотрели телепередачу о ракетных войсках, а разговор велся о том, как бы не застали нас врасплох, как бы не отстать от американцев, как бы японцы не оттяпали Дальний Восток, как бы не промахнуться с китайцами.

— Боюсь я китайцев. Не скрою, боюсь, — несколько раз во время беседы повторял Леонов. — Читали у Данилевского про китайцев в Париже?

Я завел речь о романе «Мироздание по Дымкову», фрагмент из которого был опубликован в «Новом мире» (№11 за 1984 год). Леонову было приятно узнать, что его роман с вниманием и надеждой встречен читателями.

— Я никогда не любил в своем творчестве развивать бытовую линию. Быт изменчив. Всегда хотелось сосредоточиться на философском осмыслении всего сущего. Я вовсе не хочу укорять писателей — Распутина, Астафьева, Белова, Солоухина, — продолжал Леонов. — Но мне бы хотелось, чтобы в творчестве этих талантливых, уважаемых мною писателей было больше глубины обобщений. Жизнь они знают и понимают, и боль и заботы их мне понятны. Однако, когда их читаешь, ловишь себя на мысли, что все написанное можно было обмозговать глубже. Рецептов здесь не может быть. Все зависит в конечном итоге от особенности дарования писателя, от его человеческого, душевного склада. Роман «Мать-мачеха» Солоухину не удался, а «Венок сонетов» написан здорово. Я в молодости мечтал написать венок сонетов, но так и не написал... Сейчас такое время, — говорил Леонид Максимович, — когда решается вопрос, жить нам всем или не жить. Требуется максимальная прозорливость. Надо видеть всю историю разом — от истоков и до устья. Охват событий должен быть вселенским.

Вечером пришла старшая его дочь Елена со своим мужем Андреем Николаевичем Макаровым. Оба они художники. Вместе мы смотрели телефильм «Мертвые души»

Швейцера. «По задумке Гоголя», — как съязвил Леонов. Смотрели с недоумением и досадой, то и дело обмениваясь критическими замечаниями. Чичикова играл Калягин, недавно получивший Государственную премию СССР за роль Ленина в спектакле МХАТ «Так победим» по пьесе Шатрова. Леонид Максимович то и дело спрашивал всех: «Неужели у Гоголя есть такие слова? Не может быть». С восхищением Леонов говорил о «старых» мхатовских «Мертвых душах», в которых играли А.П. Зюева — Коробочка, И.М. Москвин — Ноздрев.

Леонов рассказал, что к нему неоднократно обращались с просьбой разрешить экранизировать «Русский лес», «Evgenia Ivanovna», «Взятие Великошумска», но он отказывал, так как боится режиссерской отсебятины.

А на экране в это время Швейцер и Калягин «подавали» Гоголя.

— Совершенно непозволительно, когда один и тот же актер одновременно играет и Ленина, и Чичикова, а в радиоспектакле — какого-нибудь волка или зайца, — сказал Леонов в заключение.

В течение вечера Леониду Максимовичу звонили несколько человек, поздравляли с публикацией фрагмента «Мироздания по Дымкову». Леонид Максимович, не скрывая, радовался этому.

Об отношении обывателя к Леонову говорить не стоит. Обыватель его просто не знает.

— Я вам не рассказывал, как я ботинки покупал? — спросил Леонов.

— Нет.

— Прихожу я в магазин. Встаю в очередь. Меня узнали. Стали тыкать пальцем в мою сторону. Я сбежал. На следующий день прихожу к заведующей. Сидит молодая такая красавица и чистит ногти. Я представился и прошу ее, если ей это не трудно, позвонить мне, когда будут ботинки моего размера и фасона. Дескать, я тут рядом живу. А она вскипела: «Идите в общую очередь! Мне что, делать нечего, буду я звонить всякому». Так и хожу в старых ботинках. Я ведь ни к какому специальному магазину не прикреплен.

За пять часов многое было затронуто в наших беседах. Главное, как и всегда, я по возвращении домой записал на свежую память. В дополнение к написанному хочу упомянуть фамилии деятелей искусства и литературы и политиков, называвшиеся во время нашей беседы.

А. Грин. «Грину не хватает знания большой тайны», — заметил Л.М.

Эрскин Колдуэлл был с женой у Л.М. Она сделала хорошие фото Леонова и прислала ему.

В.М. Песков. «Умный, хороший журналист», — сказал о нем Леонов.

Дэн Сяопин — китайский деятель, которого при Мао возили по улицам в шутовском колпаке и который снова всплыл после Мао. Дэн, как я понял Леонова, — враг России. Хитрый и коварный.

Маргарет Тэтчер — премьер Англии, которая отдает государственные предприятия частным владельцам, так как они лучше могут наладить дело, чем государственный сектор. «И правильно делает, — сказал Леонов. — Государство должно заниматься только крупными проблемами и делами. Иначе оно утонет в мелочах, как это часто случается у нас».

Когда мы сидели после прогулки в кабинете, Леонид Максимович сказал:

— Лучше всех знаю свои недостатки я сам и мог об этом написать. — И с чисто леоновским юмором закончил: — Если бы это не было моим хлебом.

7 декабря

В клубе им. Горбунова в Филевском парке прошел вечер «Пьянству— бой», организованный обществом «Память». Главным среди многих выступавших был борец за народную трезвость академик Федор Григорьевич Углов. Общее впечатление большинства присутствовавших — потрясение. Привожу некоторые факты и цифры, которые были названы на вечере.

С 1940 года по 1980-й население страны выросло на 35%, а производство на 770%.

В 1903 году на душу населения производилось алкоголя 0,2 литра, а в 1980-м — 17 литров.

Количество отравленных алкоголем за последние 10 лет выросло: среди мужчин в 10 раз, среди женщин в 100 раз.

В некоторых областях около 80% всех убийств, изнасилований, грабежей совершено людьми в нетрезвом состоянии.

75% подростков-преступников воспитывались в семьях, где частое употребление спиртных напитков вошло в норму.

В СССР самая большая из развитых стран генетическая нагрузка — около 17 млн. дебильных детей. Так, в

Кемеровской области: в 1974 году — было 4 дома для дебильных детей, в 1984-м — 32 дома.

Прошедшая в июне 1980 года в Батуми Всесоюзная конференция по проблемам коммунистического воспитания отметила, что в среднем в СССР:

из семейного бюджета каждый десятый рубль расходуется на алкоголь;

в сельской местности России до 30% доходов семьи расходуется на спиртное;

в результате ежегодно 12—15% взрослого населения попадает в медвытрезвители.

Ежегодная выручка от продажи алкогольных напитков около 57 млрд. руб., а убытки — около 300 млрд. руб. За период с 1945 года по 1985-й в целом страна потеряла 5,7 триллиона руб.

Низкая производительность труда — один из итогов непомерного употребления алкоголя.

После введения сухого закона в 1914 году производительность труда в России повысилась на 9,2%, а прогулы сократились на 47%.

Из заключительного слова В.И. Ленина по докладу о продналоге на Всероссийской конференции РКП(б) 27 мая 1921 года: «...В отличие от капиталистических стран, которые пускают в ход такие вещи, как водку и прочий дурман, мы этого не допустим, потому что, как бы они ни были выгодны для торговли, но они поведут нас назад к капитализму, а не вперед к коммунизму...» (ПСС. Т. 43. С. 326).

«Употребление спиртных напитков скотинит и зверит человека... Идеал красоты, нормальности у здорового общества не может погибнуть... Если в народе сохраняется идеал красоты и потребность ее, значит, есть и потребность здоровья, нормы, а следовательно, тем самым гарантировано и развитие этого народа...» (Ф.М. Достоевский).

9 декабря

«Работа, как и жена, должна быть одна», — любит говорить Леонов. Сходную мысль (с продолжением!) мы находим и у Гоголя в письме к М.П. Погодину от 28 ноября 1836 г. (н. ст.) из Парижа: «Избери один труд, влюбись в него душою и телом, и жизнь твоя потечет полнее и прекраснее, а самый труд будет проникнут тем одушевлением, которое недоступно для истрачивающего талант свой на повседневное... В виду нас должно быть потомство, а не подлая современность» (Н.В. Гоголь. Собр. соч. Т. 7. Письма. — М.: Худ. лит., 1979. С. 148—149).

«Словесное поприще есть тоже служба», — писал Гоголь в письме к В.А. Жуковскому в 1847 году.

Леонов тоже расценивает свое писательство как службу «следователя важным делам человечества».

19 декабря

1 декабря позвонил В.А. Солоухину. Предложил поехать в Киев. Договорились ехать во второй половине декабря.

— А кто поедет? — спросил Солоухин.

— Я да ты.

— Ты, да я, да мы с тобой, — оживился Солоухин.

Мы наметили посмотреть многое, начиная с Софийского собора, Выдубицкого монастыря, церкви Спаса на Берестове, где похоронен Юрий Долгорукий, Киево-Печерской лавры и кончая Кирилловской церковью, расписанной Врубелем.

17 декабря позвонил Солоухину снова. Как и в первый раз, Владимир Алексеевич говорил тихим, каким-то не своим голосом, будто энергия покинула его. У него вечер 23 декабря, и мы отложили поездку на будущее.

Году в 1963-м первый зам. министра культуры СССР А. Кузнецов попросил назвать кандидатов для расширения коллегии министерства. Я предложил Солоухина. Его кандидатура не прошла (назначили С.М. Михалкова). О Солоухине Кузнецов сказал чуть ли не с возмущением: «Солоухин?! Да он малокультурный человек». Ошибался Кузнецов. Впрочем, ошибался и я. 39-летнего Солоухина надо было назначать не членом коллегии, а министром культуры.

20 декабря

Убежден, что уровень национального самосознания обратно пропорционален уровню подушного потребления алкоголя. Мои многочисленные поездки по городам и весям со всей неопровержимостью доказывают, что Россию намеренно спаивают. При этом государство все более и более теряет монополию на винно-водочную продукцию. Именно поэтому, договорившись с единомышленниками, я организовал сегодня первую в Московской области ячейку будущего Всероссийского общества трезвости.

Ленин знал, когда говорил, что если у мужика отнять церковь, то он пойдет в кабак.

Ныне водки и вина повсюду — море разлитое. В самых, казалось бы, труднодоступных городах Русского Севера обязательно найдешь ларьки с чачей и вином с Кавказа и из Средней Азии. Раньше торговали из-под полы, а теперь в открытую, даже не маскируясь под тор-

говцев фруктами. Ислам запрещает правоверным пить спиртное, но не запрещает изготавливать и продавать. А продают там, где есть постоянный спрос, — в России.

22 декабря

В мастерской загорского художника Леонида Демина меня заинтересовал этюд мужчины при орденах и медалях.

— Кто это? — спросил я.

— О, это интересный человек, достойный пера писателя. Солдат Победы и притом мой родственник, — с гордостью прибавил Демин.

Я разглядывал этюд. В последние годы портретное мастерство Леонида Демина заметно выросло и окрепло. Так часто бывает в искусстве — художник много и упорно работает, к нему приходит мастерство, проявляется зрелость в суждениях о людях. Словом, тут как нельзя лучше можно напомнить старую истину, сформулированную Толстым: «Талант — это труд».

С деминского этюда на меня смотрел пожилой лобастый мужчина. Во всем его облике чувствовалась сдержанность, спокойствие и сила.

— Вот такие мужики и выиграла войну: как кремль, можно во всем положиться, — невольно вырвалось у меня.

— Ты не ошибся. На веку человеческом таким, как Колодин, досталось по самую завязку. И Гражданская война, и коллективизация, и охрана государственной границы в трудные предвоенные годы, и, наконец, Отечественная война.

Демин поставил этюд на мольберт. Стал показывать мне натурные зарисовки с ветерана.

— Ко Дню Победы собираюсь хороший портрет написать, — сказал художник.

— А Иван Михайлович кем тебе приходится? — спросил я. — Уж не Людмилиин ли отец?

— Он самый. Тесть мой.

Семью художника Демина я знаю давно — без малого двадцать лет. За эти годы в его доме мне приходилось и дневать и ночевать, а повстречаться с Иваном Михайловичем Колодиным не довелось. И вот теперь, глядя на этюд, я подумал, как хорошо художник сделал, что за быстротечностью нашего времени не упустил важного и большого дела — создал зримый образ нашего современника. Более того, оказалось, что в семье художника с любовью записаны рассказы ветерана. Получилось интересное жизнеописание бывшего человека: колхозника, воина, строителя и спасителя Отечества.

Неспешно минуют годы, и когда в середине следующего века будут отмечать столетие Победы, правнуки и внуки будут гордиться своим родословием.

«Судьба человеческая — судьба народная», — мудро сказал Пушкин.

29 декабря

Министерство культуры РСФСР выпустило в свет мою пьесу «Свеча на ветру». Мне позвонил И.А. Любезнов, который сказал, что роль старейшины иконописного промысла Порфирыча по прозвищу Киноварь написана как будто по его заказу. Иван Александрович обещал всяческое содействие в постановке пьесы в Малом театре. Он хочет сыграть деда Порфирыча в свой бенефис.

В театре им. Ермоловой пьесу прочитал артист В.В. Павлов. Пьеса ему не понравилась, но одну роль он все-таки выделил, сказав, что ее можно играть. По мнению артиста, роль большевика Пармена — единственная удача в пьесе.

Мнения о пьесе разные. Собственно, так и должно быть. Я приоткрыл занавес над проблемой нашего духовного первородства. Этого на первый случай с меня достаточно. Слава Богу! Сейчас больше всего меня занимает новая моя пьеса «Радуница», написанная по договору с Министерством культуры РСФСР.

Как и многие мои сверстники, жил я и не ведал, где похоронен мой отец, сложивший голову не просто за Отечество, но за меня, за сына, прежде всего. Стало мне невмоготу — совесть Господь пробудил. С тех пор положил я для себя в качестве завета — найти могилу отца. О том, как я проходил этим путем, о чем думал-размышлял и каких людей встретил на своем пути — пьеса «Радуница», что значит поминовение усопших. Словом, «любовь к отеческим гробам...»

Продолжение следует